АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ТАШКЕНТ — 1964

УЗБЕКИСТОН ССР
ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

ЎЗБЕКИСТОННИНГ МОДДИЙ МАДАНИЯТИ ТАРИХИ

5-КИТОБ

ЎЗБЕКИСТОН ССР „ФАН“ НАШРИЁТИ

ТОШКЕНТ - 1964

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“ УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ · 1964

902.6
И90

Выпуск посвящен в основном новым открытиям археологов, сделанным в 1962 г. на территории Узбекистана.

В статьях, написанных на основе еще не известного в науке материала, освещаются вопросы древней истории народов Средней Азии от палеолита до средневековья.

Книга рассчитана на историков, археологов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов и учителей истории в средних школах.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. А. ШИШКИН

История материальной культуры Узбекистана.
(Сборник статей. Отв. ред. д-р ист. наук
В. А. Шишкин). Вып. 5. 1964. 248 стр. Тираж 650.

902.6

А. П. ОКЛАДНИКОВ, М. Р. КАСЫМОВ, П. Т. КОНОПЛЯ

КАПЧИГАЙСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

В Ферганской долине до последнего времени не были известны памятники каменного века. «Хотя следы людей каменного века еще не открыты археологами,— писал А. Н. Бернштам, — но нет сомнений в том, что в пещерах горной Ферганы следы деятельности древнейшего хозяина края будут найдены при тщательном их исследовании»[1].

Систематические исследования местонахождений каменного века в Ферганской долине начала с 1954 г. Кайраккумская палеолитическая экспедиция под руководством А. П. Окладникова. В течение 1954—1956 гг. в Кайраккумах были открыты многочисленные памятники каменного века[2].

В 1953 г. ферганский краевед-археолог П. Т. Конопля обнаружил в долине реки Охны стоянку мустьерского времени[3]. Особого внимания заслуживает открытая им палеолитическая мастерская, находящаяся примерно в 40 *км* к югу от Ферганы, в местности Капчигай, расположенной в глубине ущелья Данги (Дангирек-данги) Алайского хребта[4].

В 1958 и 1959 г. Институт истории и археологии АН УзССР организовал палеолитическую экспедицию под руководством А. П. Окладникова для более тщательного изу-

---

[1] А. Н. Бернштам. Древняя Фергана, Ташкент, 1951, стр. 4.

[2] А. П. Окладников. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г. Труды ин-та истории, археологии и энтографии АН Таджикской ССР, т. XXVII, 1956, стр. 12—18; Он же. Исследование памятников каменного века в бассейне р. Сыр-Дарьи осенью 1955 г., Труды ин-та истории.., АН ТаджССР, т. IXIII, 1956, стр. 5—15; Он же. Археологические работы в Таджикистане в 1956 г. Труды ин-та истории..., т. XCI, вып. IV, 1959, стр. 7—21.

[3] П. Т. Конопля. Следы людей каменного века на территории Южной Киргизии, «Изв. АН КиргССР», т. 1, вып. 1, 1959, стр. 41—47.

[4] П. Т. Конопля. Следы людей древнекаменного века в Южной Фергане, Ферганская правда, 23 марта 1958 г.

чения мастерской[5]. Помимо сборов материала, экспедиция составила топографический план Капчигайского памятника.

В ландшафте Ферганской долины Алайский хребет занимает особое положение[6]. Мощные запасы снега и льда питают все важнейшие реки горных долин Соха и Шахимардана. Реки разрезают боковые хребты, образуя глубокие теснины с вертикально поднятыми склонами. Глубокие ветвистые ущелья с многочисленными карстовыми пещерами по водоразделам покрыты густой порослью плодовых кустарниковых растений. Одним из таких ущелий является Данги, где течет горный ручей Халкомайн.

Ущелье Данги тянется (с юга на север) на несколько километров. Широкое при входе в долину, оно постепенно суживается, образуя узкое ущелье с крутыми обрывистыми стенами. Выше все ущелье широкое, с осыпающимися склонами и очень скудной растительностью. Через несколько километров оно, резко сузившись, переходит в каньон — узкую теснину с отвесными стенами, на которых имеются наскальные изображения сравнительно позднего времени. Далее ущелье, несколько расширившись, образует горную долину, окаймленную цепями гор, где вздымается вершина Капчигай.

Западный и южный склоны, а также вершина Капчигая усеяны осколками кремня; здесь часто встречаются пластины, нуклеусы, отщепы. В грудах камня лежали остроконечники и скребла, изготовленные рукой первобытного мастера.

Почти к самому гребню приурочены выходы мощного пласта кремня, добывая который мастера палеолита предварительно обрабатывали.

В результате многолетних работ авторы этих строк собрали более 2 000 палеолитических каменных изделий мустьерского и верхнепалеолитического времени.

Изделия мустьерского комплекса составляют наиболее многочисленную (более 1 800 экз.) группу всех комплексов из Капчигайской мастерской. Все изделия носят древний облик — патинизированы и сильно окатаны.

---

[5] В экспедиции 1958 г. участвовали А. П. Окладников (начальник отряда), З. А. Абрамова, П. Т. Конопля, В. А. Ранов, географ проф. Н. И. Леонов, художник С. Сенчук, а также аспиранты М. Касымов и Х. Насретдинов.

В экспедиции 1959 г. участвовали, кроме А. П. Окладникова, М. Бриллиант, Ю. А. Мочанов, П. Т. Конопля, художник Ю. Кузнецов и аспиранты А. Аскаров, У. Исламов, М. Касымов.

[6] Об этом см.: Н. Л. Корженевский. Ферганская долина. Природа, 1953, № 5, стр. 73—81.

К этому комплексу относятся миниатюрные ручные рубила сердцевидной и миндалевидной формы (рис. 1, *2*). Они изготовлены из плиток кремня путем двусторонней отески.

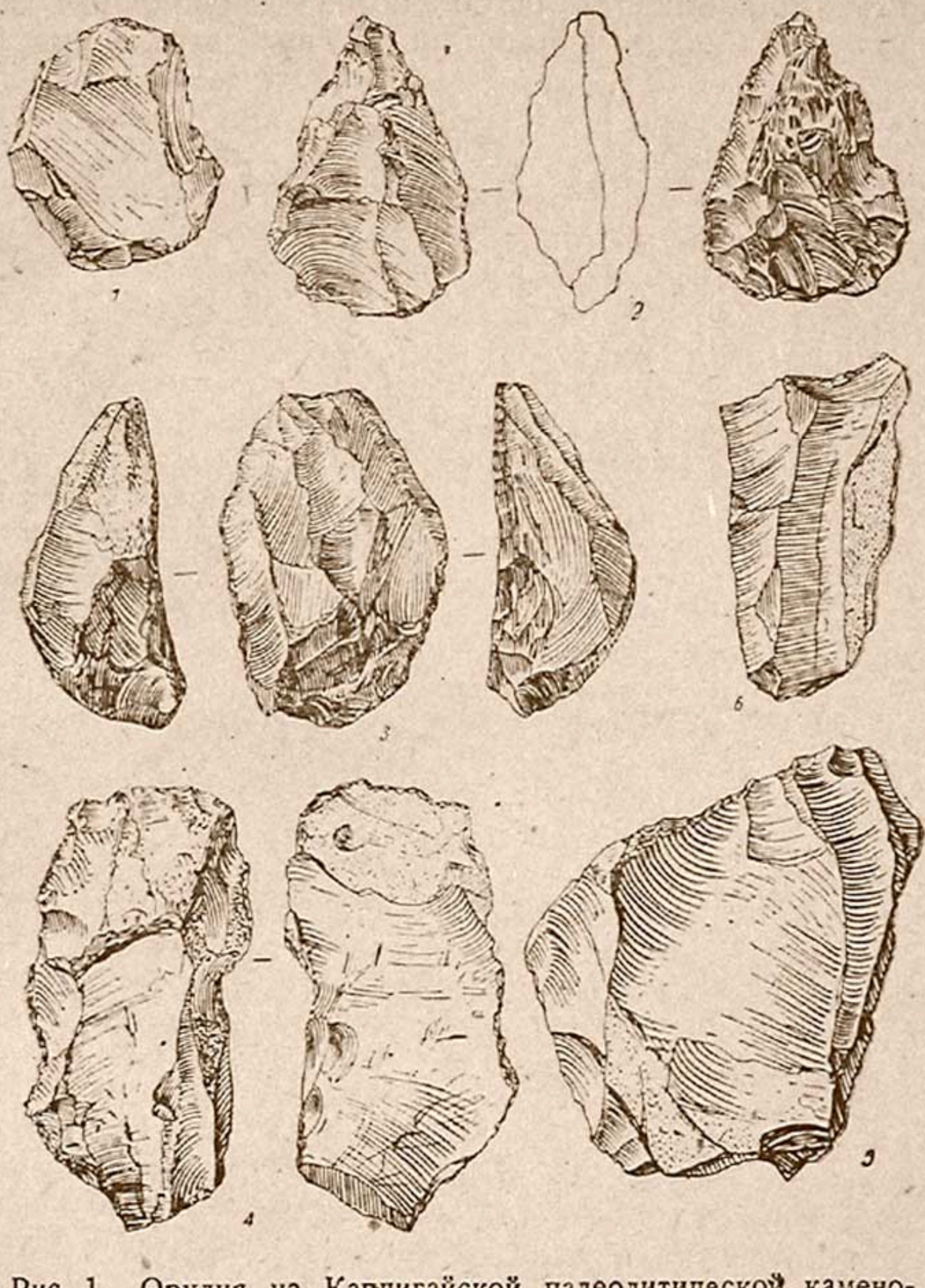

Рис. 1. Орудия из Капчигайской палеолитической каменоломни-мастерской;
1—дисковидный нуклеус; *2*—миниатюрное ручное рубильце, *3*—скребло; *4*—пластина; *5*—нуклеус; *6*—призматический нуклеус.

Часто края их дополнительно обработаны ретушью с мелкими фасетками. Противоположная сторона обработана по краю, помимо отески, крутой ретушью.

Интересны остроконечники из удлиненных пластин с ос-

трым концом и из пластинчатых отщепов с широкими основаниями. Последние принадлежат архаичному типу, приближающемуся по очертаниям к равностороннему треугольнику. Кроме того, имеются листовидные и клювовидные остроконечники (рис. 2, *3*), обработанные двусторонней ретушью.

Рис. 2. Орудия из Капчигайской палеолитической каменоломни-мастерской:

1—пластинка; *2*—скребок; *3*—клювовидный остроконечник; *4*—многоплощадочный нуклеус; *5*—одноплощадочный нуклеус.

Встречено большое количество заготовок орудий различных форм, частично либо отретушированных по рабочему краю, либо только подготовленных для вторичной обработки.

Найдены скребла и их заготовки из крупных отщепов и плиток кремня. Они имеют довольно массивный крутой рабочий край, обработанный крупными, далеко заходящими на спинку, уступчатыми фасетками (рис. 1, *3*).

Следует отметить пластины леваллуазского типа, в том числе двускатные. Некоторые отретушированы по одному или по двум краям и, видимо, исполняли функцию скобляющих и режущих орудий (рис. 1, *4*). Имеется множество обломков пластин, которые, возможно, были сломаны во время расщепления кремня. Большинство пластин не подвергнуты вторичной обработке и являются заготовками орудий.

Большую группу составляют леваллуазские дисковидные нуклеусы и их заготовки. Многие из них сработаны с одной стороны, другая сторона либо уплощена, либо не подвергнута обработке (рис. 1, *1*). Имеются подтреугольные и черепаховидные нуклеусы. Несмотря на различную форму, техника расщепления кремня аналогична обработке дисковидного нуклеуса, т. е. удары нанесены от краев к центру. Особенно обращают на себя внимание тщательно обработанные удлиненные одноплощадочные нуклеусы (рис. 1, *5*). Судя по характеру сколов, они предназначались для отделения отщепов и пластин удлиненных очертаний (рис. 2, *5*). Представлены отщепы треугольной и четырехугольной формы. Некоторые из них сравнительно крупные и более архаичного облика. У многих ударный бугорок занимает большую часть нижней поверхности, а ударная площадка широкая и находится под тупым углом к продольной оси отщепа. Другие отщепы изготовлены более совершенной техникой — ударный бугорок менее выпуклый, ударная площадка маленькая и почти приближается к прямому углу нижней поверхности отщепа. Встречаются отщепы, на спинке которых сохранилась частично естественная поверхность плитки кремня. Среди отщепов имеются отретушированные экземпляры со стороны спинки или с брюшка по одному краю или по всем краям. В коллекции представлены также осколки и обломки кремня, являющиеся отбросами производства.

Таким образом, кремневый инвентарь этого комплекса свидетельствует о мустьерском возрасте.

К верхнепалеолитическому комплексу относится более 200 кремневых изделий. Они отличаются от мустьерского не только по степени сохранности, но и совершенно иной техникой расщепления кремня. Здесь представлены конические, призматические нуклеусы, с которых сколоты удлиненные пластинки. Ножевидная пластинка отличается от мустьерской пластины маленькой ударной площадкой, находящейся

под прямым углом к продольной оси пластинки, и параллельными гранями, имеющимися на спинке. В эпоху верхнего палеолита появляются скребки, изготовленные из более тонких, чем у мустьерских, отщепов с мелкой ретушью. Кроме того, увеличивается разновидность каменных орудий.

В состав инвентаря данного комплекса входят скребки, скобели, пластинки, призматические и конические нуклеусы, отбойники, а также отщепы и отбросы производства.

Представлены скребки, изготовленные из тонких отщепов. У всех лезвия полукруглые и расположены на боковом продольном краю отщепа (рис. 2, *2*).

Большой интерес представляют концевые скребки, характерные для верхнего палеолита. Они изготовлены на пластинках, в большинстве случаев правильных очертаний, с выраженным параллельным огранением. У некоторых рабочей частью служил не только верхний конец, но и боковые стороны, о чем свидетельствует тщательная ретушь.

На спинке пластинок хорошо выражены параллельные грани, свидетельствующие о систематическом скалывании одной пластинки за другой с призматического нуклеуса. Большинство из них отретушировано по одному краю (рис. 2, *1*). К верхнепалеолитическим изделиям относятся конические, призматические, многоплощадочные (рис. 2, *4*) атипичные нуклеусы и их заготовки.

Представленные здесь конические нуклеусы не носят следов отделения пластин по всей поверхности. Такая малосработанность характерна для ранней поры верхнего палеолита. Она наблюдается и у призматических нуклеусов— с них сколоты также ножевидные пластинки. Часть поверхности нуклеусов не носит следов скалывания пластин. На поверхности сколотой части имеются более или менее параллельные грани, идущие в одном направлении вдоль нуклеуса (рис. 1, *6*).

Остальные нуклеусы маловыразительны. От них откалывались подчетырехугольные и подтреугольные отщепы. На спинке большинства сохранились следы предыдущих сколов. Отщепы сравнительно тонкие, ударные площадки маленькие и находятся под прямым углом к нижней отбивной поверхности.

Представлены также отбойники — один удлиненный из камня мелкозернистой породы, с гладкой и удобной для дер-

---

[7] М. Р. Касымов. Добыча и техника обработки кремня в каменоломнях-мастерских Средней Азии. Научные работы и сообщения, кн. 3, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1961, стр. 259—261, рис. 3.

жания поверхностью, оба края обработаны широкими сколами и дополнительно подправлены зубчатой ретушью[7]; другие, подчетырехугольной формы, изготовлены из местного кремня. Местами у них сохранились звездчатая сбитость и следы сколов. Видимо, они сначала использовались как нуклеусы.

В коллекции представлены осколки и обломки, по степени сохранности полностью совпадающие с инвентарем комплекса.

Итак, характер конических и призматических нуклеусов, пластин, скребков, отщепов и техника их обработки свидетельствуют о начальном возрасте верхнего палеолита.

При классификации каменных изделий Капчигайской мастерской был установлен высокий процент заготовок и отбросов, а совершенно законченных обработкой орудий было мало, хотя набор законченных орудий включает все ведущие формы.

Таким образом, по наличию дисковидных, призматических и других разнообразных нуклеусов, миниатюрных рубил, остроконечников, скребел, скребков, пластин и пластинок Капчигайскую мастерскую можно датировать мустьерским временем и началом верхнего палеолита. Иными словами, мастерская-каменоломня существовала в мустьерскую эпоху и в раннюю пору позднего палеолита.

Что же касается увязки Капчигайской мастерской с материалами сходных по времени памятников Средней Азии, то ближайшей аналогией являются две мастерские, связанные с месторождением кремня в районе Каратау Бухарской области[8], и каменоломня-мастерская, открытая Х. А. Алпысбаевым в Южном Казахстане. Этот материал датируется временем от начала мустьерской эпохи до неолита включительно[9]. Капчигайская мастерская-каменоломня представляет уникальный памятник, впервые открытый в Средней Азии. Изучение этого местонахождения имеет большое значение как для исследования древнейшей истории Средней Азии, так и для выяснения эволюции техники расщепления кремня в палеолитическую эпоху.

---

[8] М. Р. Касымов. Кремневая мастерская близ кишлака Иджонт, Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 8, стр. 62—64.

[9] Х. А. Алпысбаев. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане, СА, 1961, № 1, стр. 138.

М. Р. КАСЫМОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МАСТЕРСКИХ КАМЕННОГО ВЕКА В РАЙОНЕ КАРАТАУ

Учтутская кремнеобрабатывающая мастерская на границе Бухарской и Самаркандской областей была открыта в 1958 г. Х. Мухамедовым.

В 1959 г. проводивший в районе Каратау разведочные работы палеолитический отряд Института истории и археологии АН УзССР во главе с А. П. Окладниковым собрал в районе Учтутской и Иджонтской мастерских большую коллекцию каменных изделий. В 1960 г. Махандарьинский отряд Института, руководимый Я. Г. Гулямовым, в Учтутской мастерской и на месте карьера «Ташкутан» проводил сборы кремневых изделий. В 1961 г. палеолитическая группа Махандарьинского отряда продолжала работы в районе Каратау. Результаты этих работ опубликованы лишь частично[1].

Южные склоны гор Вауш и Калаваш-кызыл, являющиеся отрогами Каратау, постепенно понижаясь, переходят в долину Зеравшана.

В районе древних Каратауских мастерских по правому берегу Зеравшана простирается обширная пойма реки, поднимающаяся далее надпойменной террасой. Пяти-шестиметровые террасы выражены довольно отчетливо. Последняя терраса переходит в склон горы Каратау, южные склоны которой сложены плотными третичными известняками песчано-кварцевыми и частично кремневыми и другими породами, перекрытыми аллювиально-делювиальными отложениями.

Склоны слабо задернованы. Сверху лежит тонкий почвенный слой от 5 до 20 *см,* покрытый травянистой расти-

[1] М. Р. Касымов. Кремневая мастерская у кишлака Иджонт. Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 8. Он же, Кремневая мастерская у кишлака Учтут в районе горы Каратау Бухарской области, Научные работы и сообщения, кн. 7, Изд-во АН УзССР, 1963.

тельностью. Ближе к основанию склона мощность почвенного слоя достигает 40—50 *см*, а в некоторых местах—1,5—2 *м*.

На южных склонах г. Вауш, на участке от холма Чакмактюбе и кишлака Учтут длиной 3 000—4 000 *м* и шириной 200—300 *м*, а также в окрестностях современного карьера «Ташкутан» было собрано большое количество каменных изделий, перемешанных с осколками и желваками известняка и кремня разного цвета. Они встречаются на обширной территории вдоль склонов и у подножия г. Вауш. В основном кремневые изделия были сконцентрированы на южном склоне горы Вауш, у входа в ущелье Хантахты, на расстоянии 1 *км* к северу от кишлака Кавоби (рис. 1)[2].

Этот участок южного склона г. Вауш с запада ограничен ущельем Хантахта, а с востока — оврагом. Склон здесь довольно пологий и представляет собой слегка наклонную площадку 110×100 *м*.

Через площадку проходит сравнительно неглубокий овраг (рис. 1), разделяя ее на две части (северо-западную и юго-восточную). Северо-западная, меньшая по площади, слегка опущена к молодому оврагу, юго-восточная часть — со склоном в 15°. Здесь выступает невысокий гребень, понижающийся с двух сторон к более молодым оврагам.

Поверхность склона покрыта делювиальными отложениями мощностью от 0,2 до 2,5 *м*. Склон местами покрыт травянистой растительностью.

На площади мастерской хорошо прослеживается 31 яма-западина округлых очертаний. Эти ямы выделяются желтыми пятнами растительности. Размещены неравномерно: в северо-западной части всего три, остальные в центре юго-восточной части, на повышенном гребне и его склонах. В плане ямы-западины круглые и овальные. Размеры их от 2 до 8 *м* в поперечнике. В наиболее пониженной части западин (в центре)поверхность на 20—35 *см* ниже окружающей.

Для выяснения характера залегания находок и определения планировки и глубины ям было заложено три шурфа (1 × 1,5 *м*), две траншеи (1 × 8 *м*, 1 × 10 *м*), в которых обнаружены скопления расщепленного кремня с преобладанием отбросов производства.

Во время наших разведочных раскопок прослежена следующая стратиграфия (в качестве примера приводим раз-

---

[2] Мастерская названа Учтутской по первой находке каменных изделий у кишлака Учтут.

рез западной стенки траншеи; см. рис. 2): дерновый слой 3—15 *см;* глина серовато-желтого цвета — 3—18, супесь серого цвета с включением гипса — 47, песок желтого цвета с серыми пятнами — 20, глинистый песок серого цвета с охристыми пятнами —95 *см.*

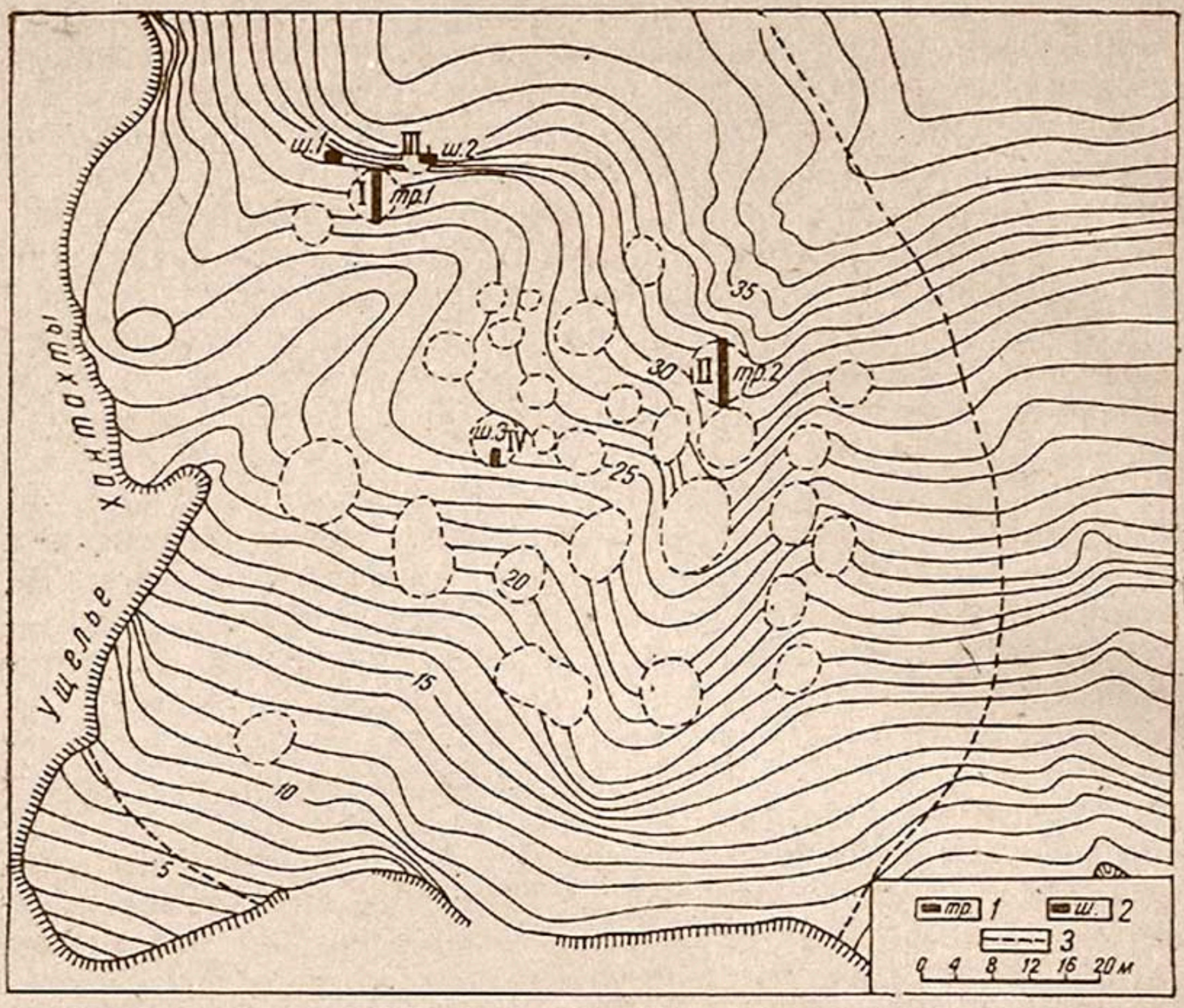

Рис. 1. План Учтутской кремневой мастерской:

1—траншея; *2*—шурф; *3*—граница распространения находок обработанного кремня; *I—IV*—ямы и западины.

В траншее 18 обработанных кремней встречено уже в дерновом слое, состоящем из почвы темно-серого цвета (рис. 2, *1*). Ниже дернового слоя, у южного края ямы под почвой находилось скопление хрупкой, мелкотрещиноватой и сильно загипсованной глины серовато-желтого цвета (рис. 2, *2*), в котором были обнаружены одно сверло, два скобеля, 12 отщепов, 16 осколков и кусков кремня.

Севернее, под почвенным слоем, находился мощный слой супеси серого цвета с включениями гипса и зернами кремня (рис. 2, *3*), в котором были найдены обломок скребла, скобель и нуклевидное орудие, миниатюрная пластинка с ре-

тушью, два обломка отбойников, 59 отщепов, а также 30 отбросов производства.

Под этим слоем находился слой глинистого песка серого цвета с разноцветными линзами песка (рис. 2, *5, 6*). Здесь не найдено кремневых изделий.

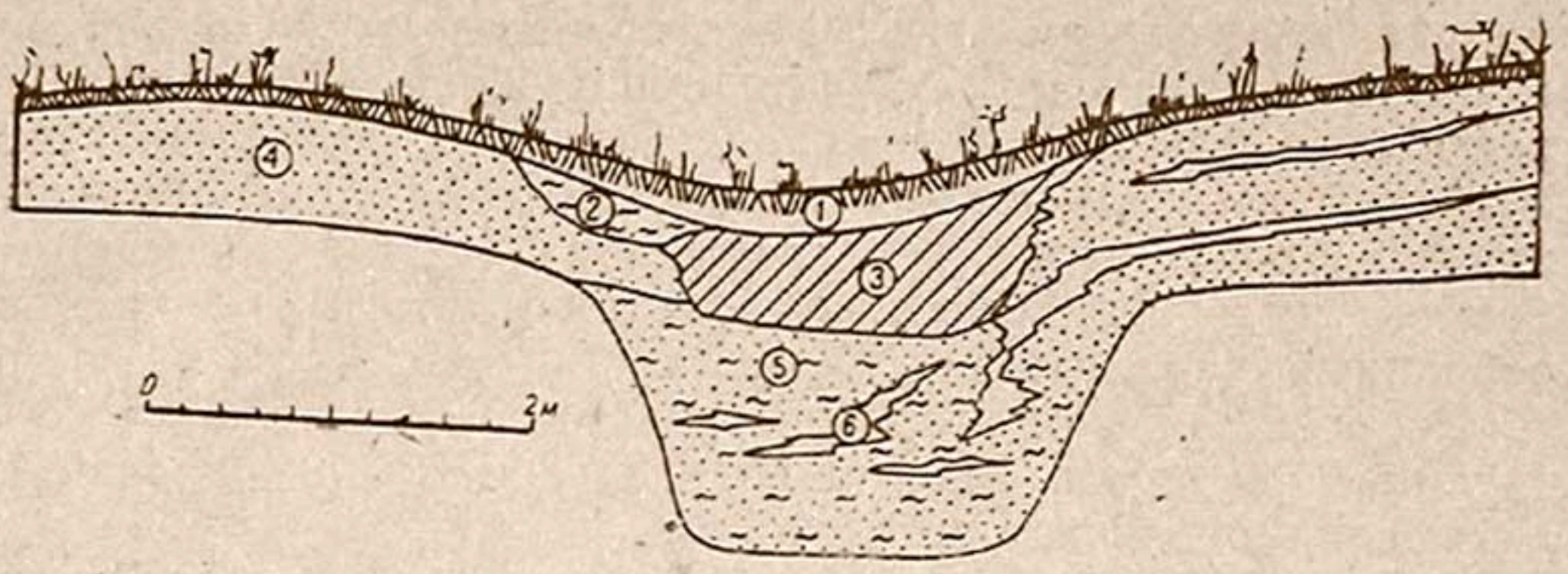

Рис. 2. Разрез западной стенки траншеи № 1:

1—почвенный слой, 2—глина; *3*—супесь; *4*—песок; *5*—глинистый песок; *6*—разноцветные линзы.

К югу и северу от описанной ямы, в слое, перерезанном траншеей, был обнаружен мелкозернистый песок желтого цвета с серыми пятнами, к югу от ямы — равномерной консистенции, к северу—перерезанный прослойками разноцветного песка (рис. 2, *4*). В траншее, вне ямы, находок не было.

Все три слоя, содержащие кремневые изделия, отделяются от прилегающих слоев определенными границами, образующими округлую в плане яму. Диаметр верхней части ямы 3,20 *м*. Ко дну она суживается до 1,80 *м*. Северная стенка высокая и крутая, а южная более пологая и низкая.

Несмотря на различные напластования и толщину каждого слоя, по условиям залегания и технике обработки все кремневые изделия из шурфов и траншей можно разделить на два разновременных комплекса, относящихся к верхнему палеолиту и неолиту.

Верхнепалеолитические изделия, обнаруженные в нижних горизонтах шурфов и траншей, покрыты белой патиной и носят признаки более примитивной техники расщепления камня, притом здесь использован серый камень. Изделия из верхних горизонтов шурфов и траншей не патинизированы; для их изготовления служил в основном коричневый и лишь частично серый камень. Здесь представлены скребки, скобели, сверла и вкладыши, характерные для эпохи неолита. Остатков нижнепалеолитического времени в шурфах и траншеях не обнаружено.

Из всех находок (420 экземпляров) законченные орудия составляют лишь 3,6%, а отходы производства — 96,4%. Преобладают кремневые изделия, на стенах которых местами сохранилась желвачная корка (65%).

Вопрос о том, являются ли ямы естественными или искусственными, представляется недостаточно ясным. Во время раскопок вне ям культурных остатков не было найдено, а в слоях в пределах ям были обнаружены многочисленные расколотые кремневые изделия. Вероятно, ямы эти были искусственными и служили местами первичной обработки кремня, а, возможно, и для хранения сырого кремня, так как он легче поддается раскалыванию, чем сухой кремень, собранный на поверхности земли.

Во всех шурфах и траншеях характер слоев на разных глубинах различен. Это, по-видимому, связано с разными путями их образования.

Определение времени, характера и причин образования слоев должно стать предметом специального изучения геологов-четвертичников. Для нас важно в данном случае подчеркнуть геологические показатели древности данного памятника.

Всего за сезон 1961 г. на Учтутской мастерской собрано на поверхности и извлечено из шурфов и траншей 852 кремня. По характеру сохранности и технике изготовления их можно разделить на три разновременные группы.

К первой группе относятся интенсивно патинизированные изделия, изготовленные из местного кремнистого известняка и кремня. Это исключительно подъемный материал, собранный на обширной территории мастерской. Небольшую часть его составляют нуклеусы и отщепы. По массивности, неправильности и примитивности подправок ударных площадок последние напоминают верхнеашельский облик. Главным же образом инвентарь этой группы состоит из мустьерских изделий, куда входят пластины, скребла, нуклеусы и отщепы.

Пластины и их обломки— типично мустьерские по форме и технике — выполнены из серого кремня с предварительной обработанной фасетками ударной площадкой. Характерной чертой одной из них является хорошо выраженная ретушь, нанесенная со стороны спинки по одному краю (рис. 3, *5*).

К мустьерскому времени относятся и скребла. Сохранившаяся часть скребла иллюстрирует высокую ступень развития мустьерской техники вторичной обработки. Слегка

выгнутый рабочий край его оформлен тонкой мустьерской ретушью (рис. 3, *1*).

Нуклеусы в основном маловыразительны. Их можно подразделить на одно- и двухплощадные дисковидные.

Рис. 3. Орудия из Каратауских мастерских:

1—обломок скребла; *2*—дисковидный нуклеус; *3*—скребло; *4*—отщеп; *5*—пластина (*1*, *2*, *5*—из Учтутской мастерской, *3*—из Иджонтской мастерской, *4*—находки на левом берегу сая Вауш).

Среди последних характерен один типичный для мустьерской техники дисковидный односторонний нуклеус с довольно правильными гранями, сходящимися к центру. Диаметр его 4,3 *см*. Площадка диска по краям частично покрыта желвачной коркой (рис. 3, *2*).

Q.Q.L. N.Ver.

i. Отщепы треугольной и подчетырехугольной формы. Наряду с более крупными встречаются мелкие и тонкие в сечении отщепы с маленькими ударными площадками, подправленными фасетками на нуклеусе, которые характерны для мустьерской техники расщепления камня.

Все черты инвентаря этой группы Учтутской мастерской типичны для предметов из ашельско-мустьерских местонахождений Кайраккумов и мустьерских комплексов Иджонтской и Капчигайской мастерских.

Кремневые изделия второй группы, изготовленные преимущественно из серого непрозрачного кремня высокого качества, наиболее многочисленны. Они собраны в нижних горизонтах шурфов и траншей и на поверхности площадки.

Среди каменных изделий, помимо ножевидных пластин, отщепов и отбойников, найдены выраженные дисковидные (2-я траншея) и призматические нуклеусы, скребки и скобели верхнепалеолитического типа (рис. 4, *7, 9, 10*). Аналогию этому комплексу находим в инвентаре Иджонтской, Капчигайской мастерской и мастерской на Красноводском полуострове ТуркмССР.

На площади Учтутской мастерской и в верхних горизонтах шурфов и траншей были обнаружены каменные изделия совершенно иного облика. Они изготовлены главным образом из более свежего не патинизированного коричневого кремня. На рис. 4 представлены миниатюрные пластинки, скребки, скобели, сверла, вкладыши серпов микролитического типа (*1, 2, 5*).

Пластинки имеют более или менее правильные очертания с одним или двумя гранями на спинке. Среди них встречаются сравнительно крупные удлиненные и широкие пластинки, а также их обломки. Большинство же пластинок имеют маленькие размеры с правильной удлиненной формой. Края некоторых обработаны слегка либо приостряющей, либо затупляющей ретушью (рис. 4, *4*).

Наряду с пластинками в этой группе представлены скребки, изготовленные из пластин и отщепов. Рабочие края которых расположены на продольных краях пластинки (так называемые «боковые» скребки) и оформлены более мелкой неравномерной затупляющей ретушью. Есть и миниатюрные скребки; рабочие края их обработаны тщательно мелкой ретушью (рис. 4, *3*).

Представленные в этой группе скобели, сверла, вкладыши серпов характерны для эпохи неолита.

Встречены нуклеусы, отщепы и всевозможные обломки кремня. Большинство нуклеусов представляют собой слу-

чайную разнообразную форму. Они имеют несколько укороченные, чаще одну прямую скошенную, а иногда две или три ударные площадки, расположенные под углом (рис. 4, *8*).

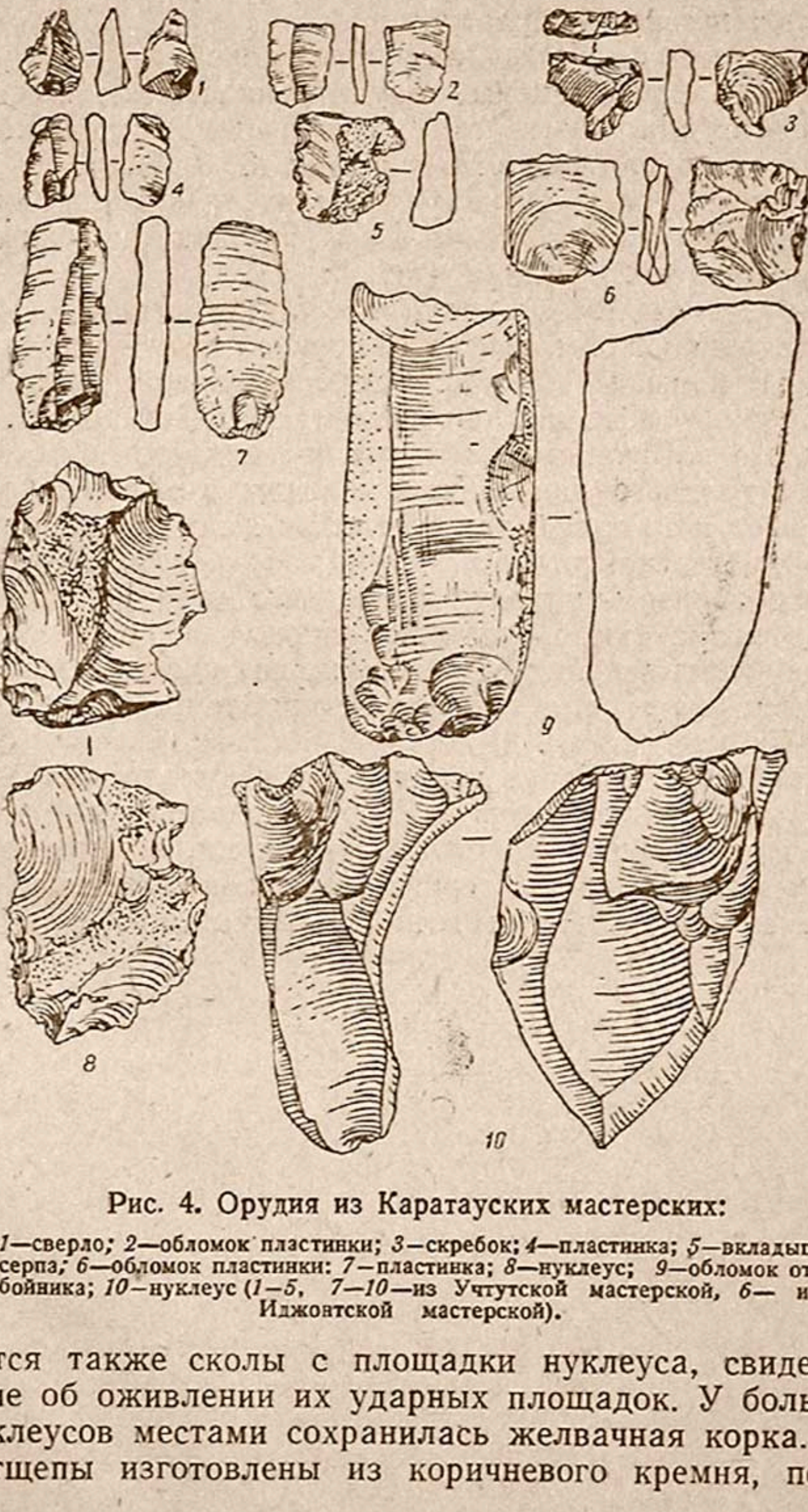

Рис. 4. Орудия из Каратауских мастерских:

1—сверло; *2*—обломок пластинки; *3*—скребок; *4*—пластинка; *5*—вкладыш серпа; *6*—обломок пластинки: *7*—пластинка; *8*—нуклеус; *9*—обломок отбойника; *10*—нуклеус (*1—5*, *7—10*—из Учтутской мастерской, *6*— из Иджонтской мастерской).

Имеются также сколы с площадки нуклеуса, свидетельствующие об оживлении их ударных площадок. У большинства нуклеусов местами сохранилась желвачная корка. Почти все отщепы изготовлены из коричневого кремня, покрыты

слегка патиной (меньшая степень патинизации отщепов в данном случае совпадает с другими изделиями этой группы). Основанием для датировки инвентаря этой группы служит наличие пластин, скребков, вкладышей и сверл, характерных для кельтеминарской культуры.

На территории Иджонтской мастерской найдены немногочисленные скребковидные орудия, пластины, вполне выразительные для мустьерского, верхнепалеолитического и неолитического времени отщепы (рис. 3, *3, 6, 6*).

На левом берегу сая Вауш при входе его в долину, у средневекового мазара также были собраны пластины и отщепы мустьерского облика (рис. 3, *4*).

Итак, работы 1961 г. дали новый интересный материал по различным этапам развития древней культуры каменного века Бухарской области. Наиболее древними являются рассмотренные изделия ашельско-мустьерской эпохи.

Впервые в Бухарской области более достоверные находки эпохи верхнего палеолита выявлены в нижних горизонтах шурфов и траншей, заложенных в ямах на площади Учтутской мастерской.

Таким образом, находки последнего года не только дополняют коллекцию и уточняют хронологию Каратауских кремнеобрабатывающих мастерских, но и дают совершенно новые материалы для изучения проблемы первобытных кремневых мастерских.

Исследования Каратауских мастерских только начаты. Дальнейшие наблюдения на Учтутской мастерской помогут решить вопрос о назначении описанных ям, а также о месте Каратауских мастерских среди других памятников каменного века Узбекистана и всей Средней Азии.

Х. К. НАСРЕТДИНОВ

ГРОТ ОБИРАХМАТ

В 1962 г. археологический отряд Института истории и археологии производил разведочные работы в районе селений Сайлык, Богустан, Бричмулла и у санатория «Обирахмат», расположенных в Бостандыкском районе Ташкентской области. При этой разведке обнаружен ряд пещер и навесов (Акташ, Худойдод-Вали-I—IV, Тодахотин, Захсай, Обирахмат).

В гроте Акташ и Обирахмат были обнаружены следы палеолитических стоянок.

Грот Обирахмат расположен на правом берегу речки Пальтав-сая, левого притока Чаткала, впадающего в него несколько выше дома отдыха «Обирахмат», приблизительно в 100 *км* от Ташкента. Над ним возвышается массив Чукруктау, на склонах которого местами и теперь растут фруктовые деревья: орешник, груши, яблони, урюк и миндаль. Рядом с гротом, непосредственно у его восточного края, низвергается с значительной высоты небольшой водопад с хорошей питьевой водой, что создало большие удобства для помещения здесь стоянки первобытного человека, каких нет у других осмотренных пещер. Грот открыт в южную сторону. Ширина входа 21 *м*, высота 12 *м*, глубина 8 *м* (рис. 1).

Свод грота Обирахмат сложен из мрамористого кальцита и белого мрамора с отчетливой кристаллической структурой крупных друзов кристаллов, которые включены в девонский известняк.

Вся внутренняя часть грота покрыта копотью. В глубине С-В части его имеется материковая скала (рис. 2), видимо, туфового происхождения, верхняя часть которой смыкается с северной стенкой грота, образуя ход в виде низкого коридоровидного туннеля. Пещера использовалась в период средневековья. В середине ее сохранились остатки плавильной печи и сопутствующий ей мусор. Поверхность пола внутри грота была покрыта золой и кизяками вперемешку с

многочисленными каменными изделиями мустьерского времени. При первом посещении грота было собрано более 500 каменных поделок.

После очистки поверхности грота нами были заложены разведочные раскопы (3×4 *м*). В западной части грота до глубины 1,1 *м* выявлено шесть прослоек с установлением четырех культурных слоев[1] (рис. 3).

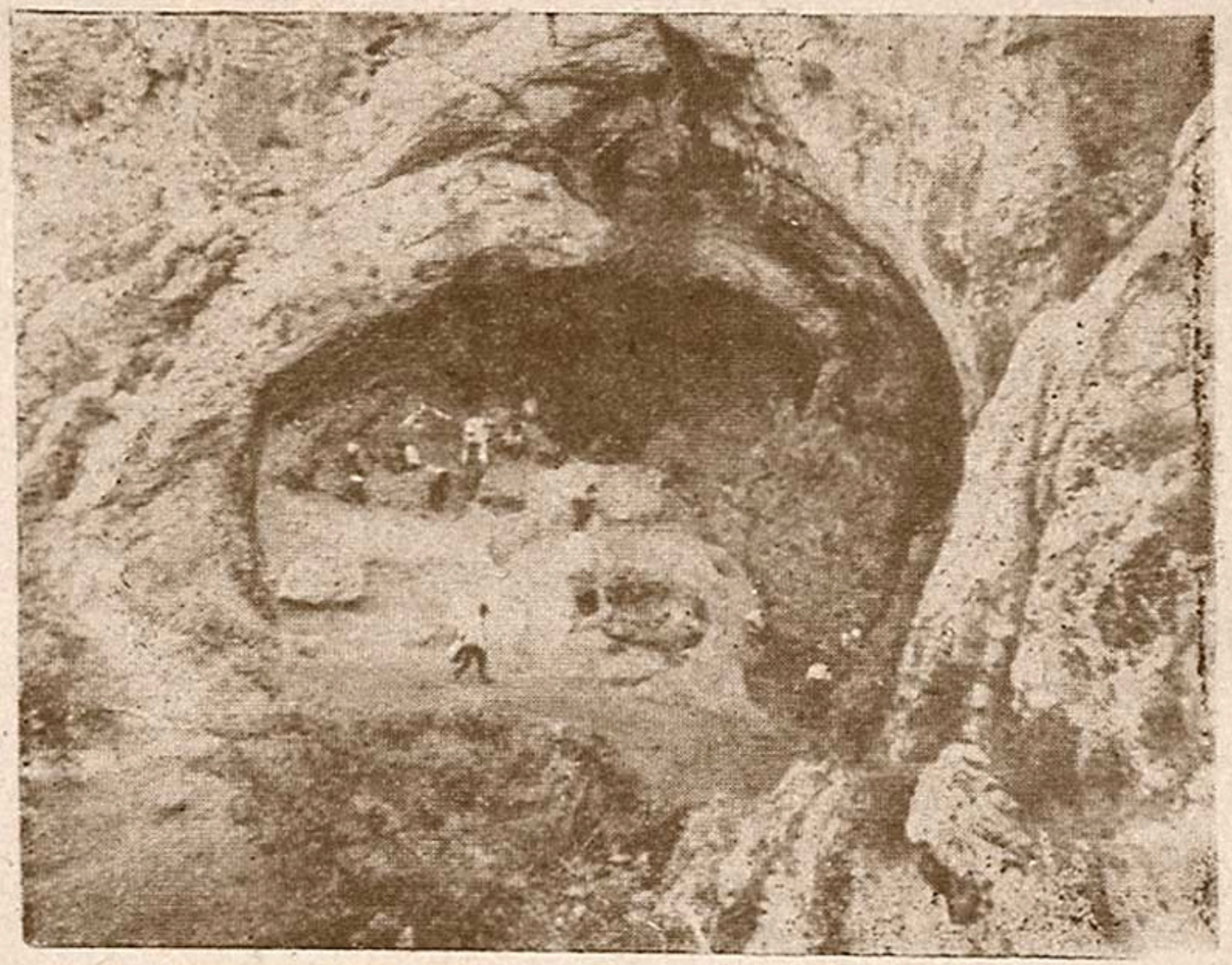

Рис. 1. Вид грота.

1. Верхний смешанный поздний слой, материалы от средневековой керамики до мустье. Толщина слоя 15—18 *см*.

2. Красновато-желтый, плотный, затвердевший суглинок, насыщенный мустьерскими изделиями и мелкими разбитыми костными остатками животных (20—25 *см*). В верхней

[1] В работах участвовали Х. К. Насретдинов, А. Мухамеджанов, Р. Сулайманов, А. Абдухамидов, Г. Д. Дадабаев, шофер А. Юнусов. Раскопки в гроте Обирахмат производились под непосредственным руководством М. М. Герасимова, оказавшего большую помощь в организации раскопок и полевых определениях стратиграфии и полученного при раскопках материала.

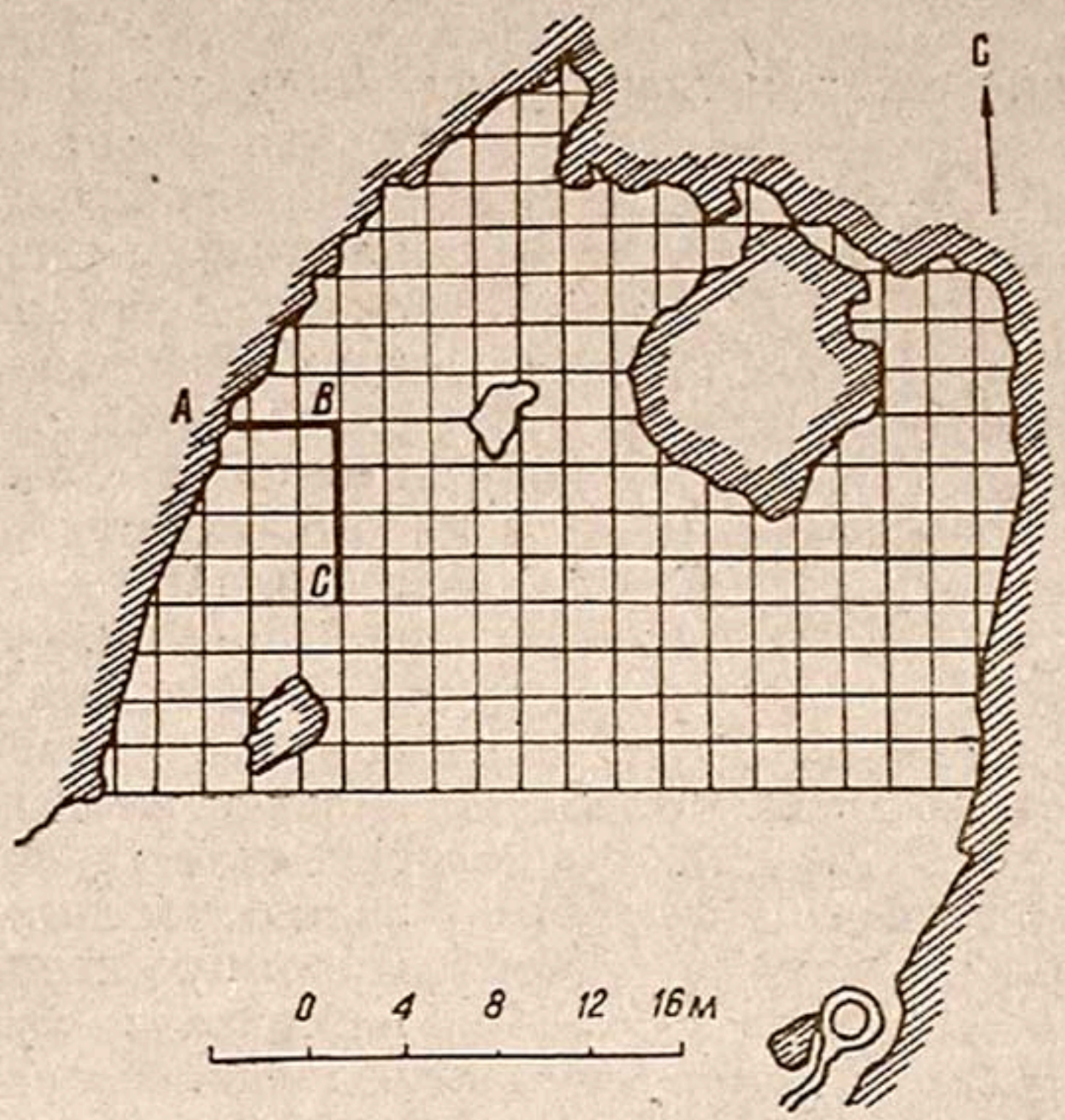

Рис. 2. План раскопа.

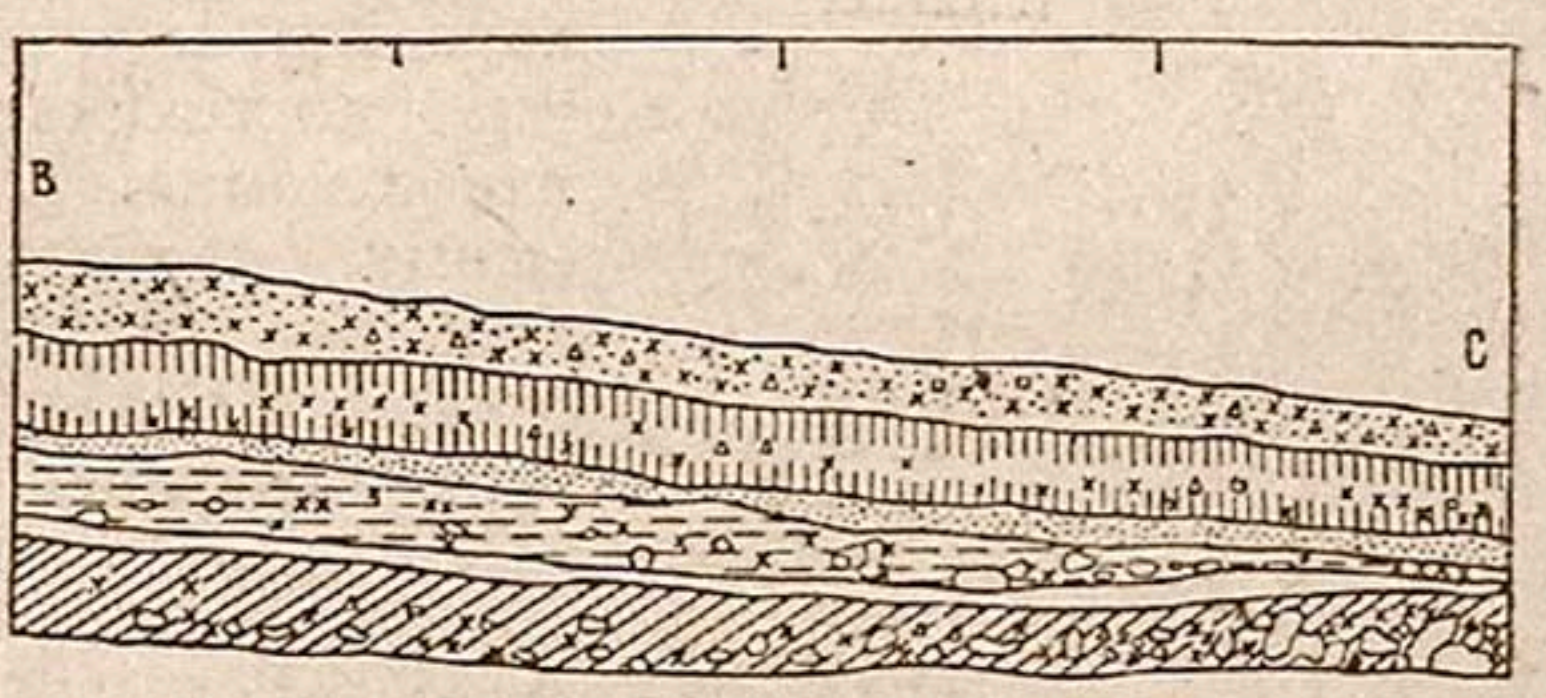

Рис. 3. Разрез раскопа.

части — поздние прослойки золы (3, *2а*) и остатков очага (3, *2б*).

3. Темно-желтая мягкая супесь (стерильный слой мощностью 8—10 *см*).

Рис. 4. Кремневые орудия.

4. Красновато-желтый плотный и твердый суглинок с большим наличием обломочного материала. Мустье. Мощность слоя от 5—25 *см*.

5. Желтая супесь — стерильный слой толщиной 5—8 *см*.

6. Красновато-желтый еще более плотный суглинок с железистыми натеками с наличием дробленых костных остатков животных и обломочных материалов мустьерских изделий.

Каменные изделия из перемешанного и нижних слоев носят мустьерский характер как по форме, так и по технике расщепления камня. 60% подъемных материалов составляют пластины, 15— отщепы и около 15—пластинчатые отщепы, 2% из этого падает на долю нуклеовидных кусков, остальные 8%—отбросы производства. Нужно отметить, что значительная часть изделий грота подвергалась вторичной обработке[2]. Подобная картина в других пещерных стоянках Узбекистана (Тешик-Таш, Аман-Кутан, Амир-Темир, Ходжакент-I, II) не встречалась.

---

[2] Однако данная статья посвящена только первому сбору подъемных материалов. Возможно после камеральной обработки процентные соотношения изменятся.

В коллекции имеются остроконечники (рис. 4, *2, 11*), скребла (рис. 4, *4, 9*), пластинки с противоположной ретушью (рис. 4, *8*), ножевидные пластинки с крутой ретушью (рис. 4, *1, 10*), остаточные двухплощадочные (рис. 4, *5*) и одноплощадочный нуклеус (рис. 4, *6*). Следует отметить, что здесь часто встречаются пластины и отщепы, также нуклеусы, ударная плоскость которых не подвергалась предварительной подготовке. Размеры этих пластин колеблются от 5 до 7 *см* в длину, 2—2,5 *см* в ширину, 0,5—0,7 *см* в толщину. Около 50% пластин ударной плоскости оформлено на нуклеусе одним снятием. Размеры их варьируются от 4,5 до 5,5 *см* длины, ширина почти 2 *см,* толщина до 0,5 *см.* 5% пластин относятся к двухфасеточным, остальные — трех-, четырехфасеточным. Их размеры: в длину от 10 до 13 *см,* в ширину от 4 до 5 *см* и в толщину от 2,3 до 3,0 *см.* Следует отметить, что эти крупные массивные пластины, как и ходжикентские, не имеют вторичной обработки.

Большинство отщепов (подъемных) типично мустьерской, треугольной формы. Немало встречается поперечных, укороченных отщепов со следами ретуши.

Размеры удлиненных отщепов от 3 до 6 *см* в длину, от 3 до 5 *см* в ширину и от 0,7 до 1,2 *см* в толщину. Укороченные отщепы 3—6 *см* длины, 3—7 *см* ширины, 0,6—1,2 *см* толщины.

Среди собранных изделий из смешанного слоя I часто встречаются пластины и отщепы со слабовыпуклыми ударными бугорками, которые находят себе параллели в материалах Кайрак-Кума. Имеются также так называемые орудия «chapeu de gendarme». Центральная часть ударной площадки их более выпуклая, которая, видимо, связана с точным намеренным ударом[3].

Пластины являются основной частью определяемых изделий[4]. По очертаниям они делятся на две основные группы: удлиненно-ножевидные пластины и пластины-острия типа леваллуа. Размеры их колеблются от 3 до 15 *см* в длину, от 0,7 до 5 *см* в ширину, от 0,4 до 3 *см* в толщину.

---

[3] В. П. Любин. Позднее леваллуа-мустьерское местонахождение Морго, МИА, 79, 1960, стр. 72; В. А. Городцов. К истории развития техники первобытных каменных орудий, СЭ, № 2, 1935, стр. 78; F. Bordes. Observations sur la note de H. Kelley sur la technique de taille „Levalloisienne" BCPF, t. LII, f. 1—2, Paris, 1955, стр. 114.

[4] Общее количество каменных поделок из грота Обирахмат более 17 тысяч.

Каменный инвентарь грота Обирахмат имеет наиболее близкую аналогию с Ходжакентской[5] пещерной стоянкой. Подобные пластины встречаются в I—II слое Тешик-Таша[6]. Остроконечники из Обирахмата обладают равнобедренной треугольной формой, ретушированной с обеих продольных краев со стороны спинки. Некоторые пластины имеют вогнутое лезвие с ретушью. Подобные орудия встречаются и в Шайтан-Кобе[7]. В коллекции верхнего слоя грота Обирахмат имеются пластины и отщепы, изготовленные из кремнистой породы речной гальки (разного цвета) с большой окатанностью. Аналогичные орудия найдены А. П. Окладниковым в Кайрак-Кумах[8]. Остроконечники на узких треугольных пластинах Обирахмата находят себе близкие параллели и в коллекциях пещеры Хазар Мерд[9] и в Биситуне[10] (Ирак).

Подобные изделия встречаются в сборах В. А. Ранова на Вахше[11]. Интересно отметить, что в инвентаре мустьерского комплекса из Капчигайской каменоломни-мастерской (Ферганская долина) и Каратауской мастерской древнекаменного века (Бухара) нет длинных узких пластин типа острия или плоских удлиненных пластин. Однако среди нуклеусов из Капчигая имеются аналогичные ядрищам из грота Обирахмат. Эти ядрища имеют овальной формы рабочую поверхность со следами предварительных мелких ско-

---

[5] А. О. Окладников. Ходжикентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана, КСИА, вып. 82, 1961, стр. 68—76, рис. 34, *1—3, 5, 7;* Х. К. Насретдинов. Ходжикентская пещера № 2 — мустьерский памятник близ Ташкента, ОНУ, 1962, № 4, стр. 63—67.

[6] А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия), Сб. «Тешик-Таш», Изд-во МГУ, 1949, рис. 31, *3—6;* рис. 33, *1, 5;* рис. 34, *2—4;* рис. 35, *3;* рис. 36, *8—10;* рис. 37, *3,* стр. 42—60.

[7] Г. А. Бонч-Осмоловский в коллекции Шайтан-Коба выделил ряд пластин с ретушью как «асимметричных остроконечников с одним прямым, другим — дугообразно изогнутым краем», см. Итоги изучения крымского палеолита, Труды II международной конференции по изучению четвертичного периода Европы, вып. V, 1934.

[8] А. П. Окладников. Исследование памятников каменного и бронзового века в Таджикистане летом 1954 г., Труды АН ТаджССР, т. XXXVII, Душанбе, 1956.

[9] Garrod D. A. E. The Paleolithic of Southern Kurdistan: Excavations in the caves of Zarzi and Hazar Merd, „Bulletin of the American School of Prehistoric Research Archaeological Institut of America", Number six, March, 1930, p. 32, fig. 16, *3—4, 7, 11,* p. 34, fig. 1, *2, 4, 5.*

[10] C. S. Coon. Cave Explorations in Iran, 1949—1951, p. 97. pl. I, *8—9a, 10—11.*

[11] В. А. Ранов. Результаты разведок каменного века в 1957 г. (в низовьях Вахша и на Восточном Памире), Археологические работы в Таджикистане в 1957 г., вып. V, Душанбе, 1959, стр. 21—25, рис. 1—6.

лов по краям. Аналогичные ядрища имеются и в Ходжикенте-I, II. Интересно отметить, что среди ядрищ Обирахмата имеются ядрища, у которых высокая тыльная часть, а противоположная поверхность плоская. Аналогичный нуклеус имеется в сборах Нубийской экспедиции (Египет)[12].

Таким образом, материалы Обирахмата имеют своеобразный облик орудий типа леваллуа.

Особый интерес представляют длинные треугольные пластины с ретушью, имеющие близкую аналогию с инвентарем мустьерского слоя Кара-Камар[13]. Подобные остроконечники встречаются в публикациях Альшина[14] (Афганистан). Аналогичные пластины и отщепы встречаются в мустьерском слое Молдова V[15]. Однако пластины Обирахмата сравнительно крупнее.

Среди крупных пластин Обирахмата имеется несколько десятков микропластинок без ретуши. Здесь найден концевой скребок, тяготеющий к верхнему палеолиту. Таким образом, материалы, собранные в гроте Обирахмат, представляют собой большой интерес для изучения древнейшей истории населения Средней Азии.

---

[12] Доклад В. П. Любина на заседании Сектора палеолита ЛОИА АН СССР, 21 ноября 1962 г.

[13] C. S. Coon. The seven cavs, Nev-York, 1957.

[14] F. R. Allchin. A flake-tool from the Oxus, Prehistoric Society, 1953, No 5, pt. 2, p. 227.

[15] А. П. Черныш. Мустьерские слои стоянки Молдова V, КСИА, вып. 82, стр. 77—85, рис. 37, *4—10,* рис. 38, *5—23.*

А. АСКАРОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА В СЕВЕРО-ЗАПАДНУЮ ЧАСТЬ КАРШИНСКОЙ СТЕПИ

Весной 1963 г. в связи со строительством Аму-Бухарского машинного канала состоялась археологическая поездка Махандарьинского отряда в северо-западную часть Каршинской степи, в результате которой были собраны материалы по отдельным этапам истории древних племен обследуемого района. Кроме того, отряд исследовал следы древнего русла низовья Кашкадарьи — древнего притока Зеравшана[1].

Материальные памятники, открытые на территории северо-западной части Каршинской степи, по своему характеру разнообразны и принадлежат различным историческим периодам жизни человечества.

Наиболее древние из них — это предметы кремневых изделий эпохи неолита. Они в основном встречаются по древним берегам оз. Пайкенд, расположенного на левобережье Зеравшана (в 10—12 *км* к юго-востоку от ст. Яккатут), на поверхности песков и в котловинах выдувания огромных песчаных барханов, очевидно из разрушенных стоянок.

В этом районе ранее были исследованы лишь памятники более поздних периодов[2], а первобытная культура до сих пор оставалась неизученной.

Первая находка эпохи неолита (несколько кремневых орудий) была сделана Хуаном Дуке в 1956 г. в северной части древнего берега оз. Пайкенд[3]. В настоящее время от-

---

[1] А. Аскаров. Результаты археологических разведок по трассам Аму-Бухарского канала, ОНУ, 1963.

[2] Л. А. Зимин. Развалины старого Пайкенда, ПТКЛА, год XVIII, Ташкент, 1913, стр. 79—89; Г. В. Шишкина. Археологическая разведка на городище Кум-Султан (Бухарская область), Научные работы и сообщения, кн. 3, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 246—252. Она же. Замок Бад-Асия в окрестностях Пайкенда, ИМКУ, вып. 4, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962.

[3] Л. Х. Шарипова. Новые находки каменных орудий в Бухарской области, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1960.

крыто еще пять развеянных стоянок рассматриваемого периода.

Следы материальных остатков эпохи неолита в виде стоянки обнаружены в основном в юго-восточной и восточной частях оз. Пайкенд.

Неолитическая стоянка Пайкенд-1 находится в юго-восточной части озера, среди густых песчаных гряд аллювиальной долины у выдувов одного из больших барханов. Тут, помимо кремневого инвентаря, состощего из обломков ножевидных пластин, скребков и других разнообразных орудий, найдены и обломки тонкостенных глиняных сосудов неолитического облика.

Культурный слой стоянки сильно разрушен, и заложенный шурф (2×4 *м*) не дал никаких результатов.

Керамический материал стоянки весьма скудный, лишь один черепок из пяти орнаментирован двумя горизонтальными параллельными линиями, поэтому для датировки памятника керамический материал не может быть привлечен.

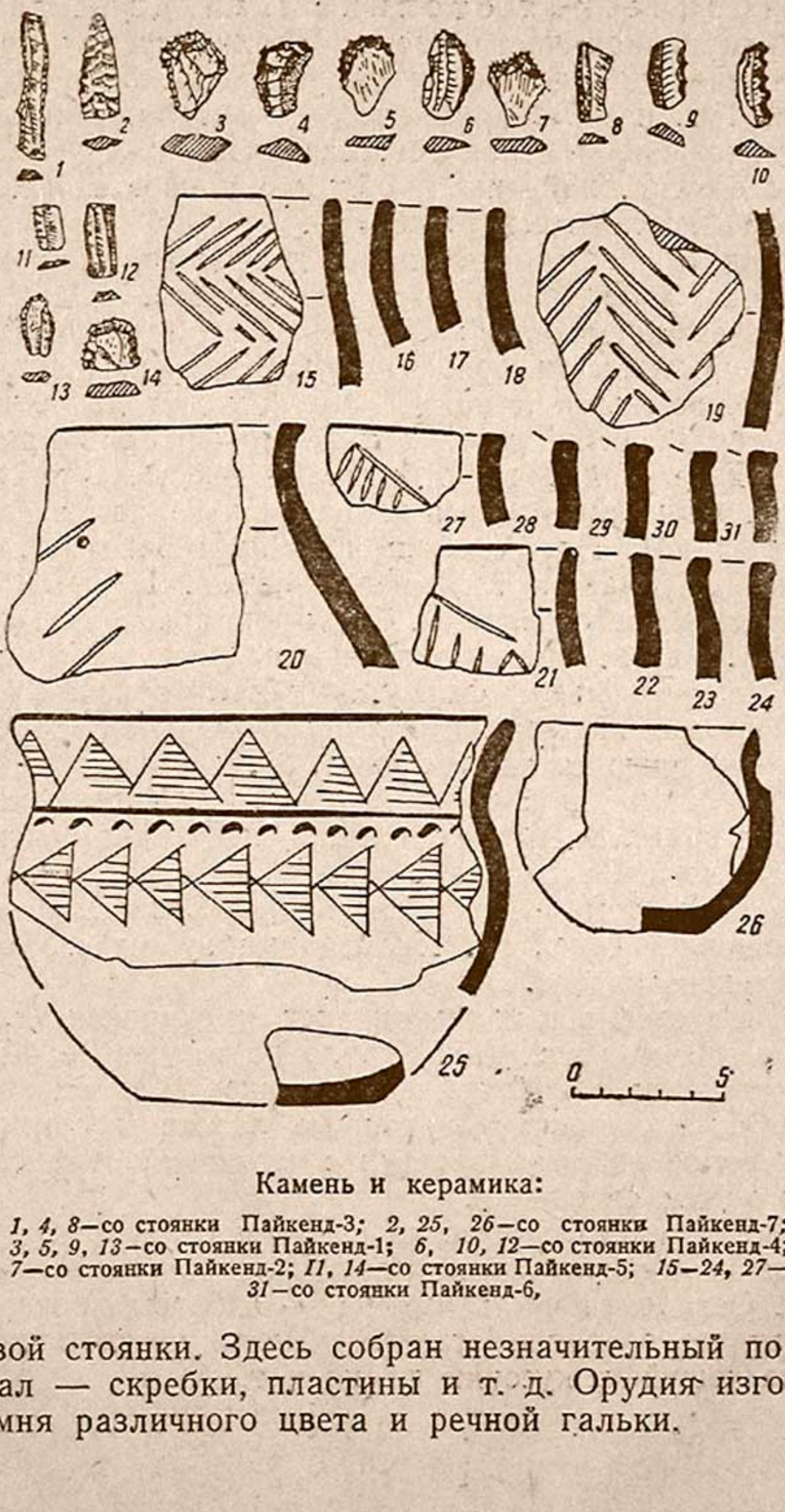
На стоянке Пайкенд-1 собрано 54 предмета кремневого инвентаря. Они изготовлены из различного по качеству и цвету материала. Преобладает кремень серовато-белых тонов, реже встречается коричневато-серый. Готовые орудия в коллекции немногочисленны. Среди них преобладают скребки (3 экз.). Два из них изготовлены на отщепах (рис., *3, 5*) и имеют подтреугольную форму. Выпуклый рабочий край образован крутой грубоватой ретушью. У одного обработка по рабочему краю со спинки (рис., *3*), у другого — двусторонняя, со спинки и с брюшка (рис., *5*). Третий концевой скребок на пластине имеет обработку и по одному боковому краю. Вкладышевое лезвие в коллекции единственное. Оно изготовлено из темно-серого кремня на отщепе с притупленной спинкой (рис., *9*). Пиловидные зубцы его окатаны до зеркального блеска.

Хорошего сверла в коллекции нет, имеющийся экземпляр маловыразителен (рис., *13*). Сверло на пластинке обработано двухсторонне; обработке подвергались оба боковых края. Отсутствуют и хорошо выраженные пластины с выемками, но есть четыре обломка пластин с частичной обработкой по рабочим краям со спинки.

Имеется и один нуклеус со следами снятия по одной из сторон и двумя широкими фасетками ретуши со стороны брюшка. Остальная часть кремня — отбросы производства: различные по величине отшепы, некоторые частично обработанные чешуйки, кусочки камня и т. д.

В коллекции имеется два обломка отбойника из песчаника.

Стоянка Пайкенд-2 размещается, как и первая, в юго-восточной части озера, в километре к северо-западу

Камень и керамика:

1, 4, 8—со стоянки Пайкенд-3; *2, 25, 26*—со стоянки Пайкенд-7; *3, 5, 9, 13*—со стоянки Пайкенд-1; *6, 10, 12*—со стоянки Пайкенд-4; *7*—со стоянки Пайкенд-2; *11, 14*—со стоянки Пайкенд-5; *15—24, 27—31*—со стоянки Пайкенд-6,

от первой стоянки. Здесь собран незначительный по объему материал — скребки, пластины и т. д. Орудия изготовлены из кремня различного цвета и речной гальки.

В котловинах выдувов собрано более 30 предметов, около 13% их составляют орудия различного назначения. Найден концевой скребок на отщепе подтреугольной формы, выпуклый рабочий край которого обработан двухсторонней крутой ретушью (рис., *7*). Одна боковая часть скребка подвергалась обработке со спинки, образуя неглубокую широкую выемку. В коллекции четыре ножевидные пластинки в обломках. У двух из них по одному рабочему краю имеются следы частичной обработки, а другие не обработаны. Два нуклеуса формы неправильной призмы со следами снятых пластин на одной из сторон.

Из остальных предметов отметим обломок бусины из мрамора овальной формы с грубоватой полировкой. Имеются в коллекции отщепы со следами частичной обработки и без ретуши, кусочки камня. На стоянке Пайкенд-2 керамика не встречена.

Стоянка Пайкенд-3, расположенная в восточной части озера, вытянута с севера на юг узкой полосой между двумя рядами песчаных гряд аллювиальной долины. Здесь собран скудный вещественный материал, состоящий из нескольких кремневых орудий; керамика отсутствует. Среди 20 с лишним кремневых изделий обращают внимание две ножевидные пластины с ретушью по обеим сторонам, со спинки и с брюшка (рис., *1, 8*). Боковые асимметрично расположенные широкие и неглубокие выемки образованы притупляющей крутой ретушью скребкового типа. Среди пластин имеются еще 6 экземпляров — целых и в обломках — из серого и коричневого кремня без всякой обработки.

Заслуживают внимания два боковых скребка на отщепе и пластине. Оба боковых края у скребка на пластине обработаны со спинки. Один боковой край его имеет неглубокую выемку, образованную крутой ретушью. Другой скребок на отщепе изготовлен из белого кварца. Овальная боковая часть его образована грубой ретушью со спинки (рис., *4*). В коллекции имеется заготовка скребка круглой формы с частичной обработкой, который, по всей вероятности, еще не был использован в быту.

Стоянка Пайкенд-4, обнаруженная членом отряда аспирантом Р. Сулеймановым, расположена более чем в километре к северо-востоку от предыдущей. Она также находится среди барханов, расположенных широкой полосой по восточному берегу озера.

На поверхности котловины выдува был собран кремневый инвентарь, состоящий из различного по качеству и цве-

ту материала — серого, коричневого, желтого, серовато-белого кремня и прозрачного горного хрусталя.

Среди изделий пребладают скребки (три экземпляра), изготовленные из кремня коричневато-серых и серых тонов. Третий, вероятно, из кварца. Один из них имеет округлую форму на нуклеусе, рабочий край которого образован грубой ретушью. Другой скребок — боковой, рабочая часть его в виде неправильного овала, со следами двухсторонней обработки (рис., *6*).

Поверхность скребка сильно окатана, узкие мелкие фасетки ретуши имеют жирный блеск. Поверхность третьего скребка с ретушью по обоим боковым краям с притупленным концом сильно окатана. Вкладышевое лезвие для составного орудия представлено одним экземпляром (рис., *10*). Рабочий край его (пиловидные зубцы) образован тщательной ретушью, имеющей зеркальный блеск. Есть только один ретушированный обломок пластины с неглубокими асимметричными выемками по обоим рабочим краям. Другие два. микралитоидного облика, ретушированы только по краям со спинки (рис., *12*).

Значительную часть находок составляют отбросы производства.

Стоянка Пайкенд-5, обнаруженная участником экспедиции Г. Дадабаевым, расположена на южной стороне озера. Тут собран незначительный каменный материал, представленный двумя концевыми скребками, четырьмя пластинами в облемках с ретушью (рис., *11*) и без ретуши, двумя кусками кремня с частичной обработкой, тремя отщепами и несколькими осколками кремня. Один скребок на отщепе подвергался обработке со спинки. Другой на пластине; он ретуширован и по обоим боковым краям. Кроме того, здесь найдено три обломка отбойников из песчаника.

На развеянных стоянках Пайкенда почти отсутствует керамический материал. Они скудны и каменными изделиями, что чрезвычайно затрудняет датировку. Однако кремневый инвентарь, хоть и незначительный по количеству и однообразный по качеству, дает основание отнести весь комплекс к эпохе позднего неолита кельтеминарского типа. Орудия труда различного назначения показывают совершенство овладения всеми техническими приемами обработки камня, характерными для позднего неолита. Судя по имеющимся данным, была известна техника сверления каменных бус, двусторонней отжимной ретуши, в том числе пильчатой. При полном господстве микролитов здесь еще отсутствуют крупные по размерам орудия труда. Много пластин с широ-

кими выемками, образованными крутой ретушью. Следовательно, можно их ориентировочно отнести к развитому этапу кельтеминарской культуры.

Другие известные нам памятники Пайкендской низины относятся к эпохе бронзы, время существования их можно ориентировочно датировать концом II — началом I тыс. до н. э.

Следы материальных остатков эпохи бронзы в этом районе впервые были открыты А. Р. Мухамеджановым в 1962 г. недалеко от городища старого Пайкенда. Эти находки (четыре черепка глиняных сосудов) принадлежат андроновской культуре. Один из них орнаментирован по плечикам гладким штампом из вертикальных ломаных линий. Хотя край венчика и обломан, но черепок при переходе от венчика к плечику имеет ярко выраженный уступчик. Выше неорнаментированной полосы уступчика идет горизонтальная прочерченная линия, а венчик орнаментирован, видимо, треугольниками.

Уступчик и неорнаментированные полосы в сочетании с простым геометрическим узором из ломаных линий и треугольников позволяют датировать эти находки алакульским этапом андроновской культуры[4].

Известно, что современная Кашкадарья, едва доходящая до ст. Караулбазар, в древности впадала в Зеравшан, протекая через южную часть оз. Пайкенд. При исследовании старого русла Кашкадарьи в районе Пайкендской низины весною 1963 г. были открыты две стоянки, керамический материал которых аналогичен керамике вышеуказанного пункта.

Стоянка Пайкенд-6 расположена на берегу сухого русла Кашкадарьи, в 4 *км* к востоку от неолитической стоянки Пайкенд-1. В котловинах выдувания песчаных гряд, расположенных по долинам сухого русла примерно на площади 50 × 25 *м*, собрано 193 черепка, не менее чем от 23 глиняных сосудов, три каменных отщепа и два куска кремня без обработки. Тут был заложен небольшой шурф (100 × 60 *см*); выяснилось, что культурный слой стоянки полуразрушен.

Шурф углублен до 75 *см*. После 5 *см* надувного песка обнажился глинисто-песчаный слой с культурными остатками. Культурный слой продолжается и ниже. Однако, в от-

---

[4] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, МИА, 1951, № 21, стр. 14; М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры, Археологический сборник Государственного Эрмитажа, вып. 5, Л., 1962, стр. 54—56.

личие от верхнего, он довольно плотный и более темного цвета. Толщина культурного слоя не менее 35 *см.*

Затем идет слой песка без находок (13 *см*), а ниже — слой темного перегноя, дальше — слой чистого стерильного песка.

Шурф дал большой керамический материал. Из обнаруженных здесь 73 черепков (не менее чем от 6 сосудов) 6 экземпляров были орнаментированы. Вся керамика оказалась совершенно идентичной инвентарю стоянки.

Все сосуды изготовлены из глины с примесью дресвы, толченых раковин и др. Обжиг сосудов слабый и неравномерный. Судя по черепкам сравнительно большого размера, сосуды из стоянки Пайкенд-6 скорее всего были горшковидной формы (рис., *15—24, 27—31*).

Значительный интерес представляет орнамент керамики:

1) ряды горизонтальных зигзагов или ломаных линий, оттиснутых гладким штампом. Чаще зигзаги помещены на тулове сосуда, реже — на венчике. Иногда они расположены вертикально (рис., *15*), иногда — горизонтально (рис., *19*). Этот простой мотив геометрического орнамента наиболее характерен для всех памятников андроновской культуры Средней Азии[5] и северных областей[6];

2) равнобедренные треугольники вершинами вверх. Они во всех случаях помещены по венчику сосуда в виде сплошного ряда или с интервалом (рис., *21, 27*). Подобная орнаментация является одним из характерных мотивов керамического комплекса памятников низовья Зеравшана[7]. Аналогичные треугольники известны на сосудах Кокча-3[8], Кайраккумских стоянок[9] и др.

---

[5] А. Аскаров. Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана, ИМКУ, вып. 3, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, стр. 34 и рис. 1, *2, 3, 4, 5;* М. А. Итина. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча-3, МХЭ, вып. 5, М., 1961, 7, *7;* 9, *4; 5; 6;*, 10, *2*; Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г., Труды ТАН, Душанбе, т. 63. 1956, рис. 2; Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области, КСИИМК, вып. 59, М., 1955, рис. 62, *2, 3.*

[6] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, Труды ГИМ, вып. 17, М., 1947, рис. 51—10; 53 — 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 22 и др.

[7] А. Аскаров. Памятники эпохи бронзы в районе Махандарьи, Научные работы и сообщения, кн. 4, Ташкент, 1961.

[8] М. А. Итина. Указ. ст., рис. 22.

[9] Б. А. Литвинский. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г., Труды ТАН, т. 91, Душанбе, 1959, рис. 2—4, 14.

Наибольший интерес представляет стоянка Пайкенд-7, расположенная на берегу сухого русла Кашкадарьи, примерно в 2 *км* к западу от Пайкенда-6.

Шурф показал, что культурный слой здесь совершенно разрушен, поэтому мы ограничились сбором подъемного материала. Наша коллекция пополнилась значительным керамическим материалом, наконечником стрелы из кварца подлистовидной формы с прямым основанием, обработанным с двух сторон тщательной отжимной ретушью (рис., *1*); найден также один отщеп без обработки, каменный брусок четырехгранной формы в сечении с тщательной шлифовкой, пестик из известняка со следами шлифовки с трех боковых сторон, со стертым рабочим концом, обломок зернотерки и кусок проволоки, очевидно, от бронзовой серьги.

Из более чем 300 черепков глиняных сосудов 25 оказались орнаментированными. Обжиг сосудов и их изготовление подобны керамике Пайкенда-6. Орнаментальные мотивы керамики также идентичны керамике стоянки Пайкенд-6. Здесь керамика в основном орнаментирована горизонтальными ломаными линиями, нанесенными гладким штампом. Только один сосуд имеет узор, состоящий из равнобедренных треугольников по венчику сосуда и расположенных ниже в один ряд ногтевых вдавлений. Верхняя часть тулова сосуда орнаментирована заштрихованными треугольниками, повернутыми на бок (рис., *25*). Хотя по композиции орнамента керамику Пайкенда-7 трудно отличить от керамики Пайкенда-6, но формы сосудов этих памятников совершенно различны.

Сосуды из Пайкенда-6 по профилю венчика и орнаментации напоминают сосуды андроновских памятников низовья Зеравшана, древнего Хорезма, Ферганы и т. д. Следовательно, можно датировать комплекс Пайкенда-6 последним этапом алакульской стадии андроновской культуры. В керамическом материале стоянки Пайкенд-7 отмечается появление сосудов новой формы. На стоянке Пайкенд-7 наряду с многочисленными мелкими черепками от венчиков сосудов обнаружено несколько более крупных фрагментов, которые хорошо собираются в целые сосуды (рис., *25, 26*). Формы и профили венчиков этих сосудов довольно своеобразны, и аналогии им среди керамики более ранних этапов андроновской культуры не обнаружено.

Особое внимание обращает на себя небольшой плоскодонный горшок с прямым коротким венчиком, глубоким конелюром на плечике (рис., *26*). Сосуд не украшен. Такая форма не свойственна для андроновской керамики, ей мож-

но найти близкие параллели в комплексах амирабадской керамики[10]. Важно также отметить сходство горшковидных сосудов со сферическим туловом и плоским дном с керамикой подобного типа в карасукской культуре[11].

Влияние сосудов карасукского типа на керамику амирабадской культуры Хорезма, отмеченное С. П. Толстовым[12], видимо, и здесь выступает довольно отчетливо.

Таким образом, отмечая пока единичные признаки сходства керамики Пайкенд-7 с памятниками амирабадского и карасукского типов, можно допустить, что нами выявлен завершающий этап поздней бронзы, материальные остатки которого можно связать с жизнью степных племен, занимавшихся, очевидно, отгонно-скотоводческим хозяйством.

Здесь нужно особо подчеркнуть, что наше предположение сделано лишь в рабочем порядке. Археологические работы в поисках памятников первобытной культуры в изучаемом районе еще незначительны и являются началом исследований в этом направлении. Для выявления новых стоянок древнейшего прошлого необходимо и в дальнейшем проводить систематические разведки и стационарные работы в районах Пайкендской низины и низовьях Кашкадарьи.

---

[10] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, рис. 32—2, 10.

[11] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, МИА, 1956, № 48, рис. 6, *2, 4, 7, 8, 9.*

[12] С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 71.

Г. В. ПАРФЕНОВ

СЛЕДЫ КАМЕННОГО ВЕКА В СЕВЕРНЫХ ОКРЕСТНОСТЯХ ШИРАБАДА[1]

В литературе есть весьма обобщенные упоминания о памятниках каменного века в окрестностях Ширабада[2]. Но результаты обследований этих памятников еще не были опубликованы.

Начатые нами в 1931 г. рекогносцировочные обследования археологических памятников в северо-западной части Сурхандарьинской области, были продолжены в 1932—1933 гг. в окрестностях Ширабада. Открытая в 1931 г. в верховьях бассейна р. Ширабаддарьи (р. Тургандарьи) в Бойсунском районе Мачайская (Каттакурган) пещерная палеолитическая стоянка[3] и сведения Ю. Н. Мясищева[4] о находке в одном из гротов близ быв. почтовой станции Ляйлякан каменного молотка со сверлиной (рис., *11*)[5] заставили нас в процессе археологических рекогносцировок в ок-

---

[1] Настоящая статья является частью неопубликованного отчета «Некоторые данные о каменном периоде Ширабадской долины» (Материалы к археологической карте Узбекистана), 1935, Архив Узкомстариса.

[2] История народов Узбекистана, т. I, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1950, стр. 31; См. также: М. Е. Массон, Археологические работы в Узбекистане за 1933—1935 гг., СОНАТ, 1936, № 12, стр. 47 (позднее опубликована в сб. «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии». Доклады. Л., сентябрь 1935 г., М.—Л., 1938, стр. 127); М. Э. Воронец, Археологические исследования и ремонтно-реставрационные работы в УзССР, СОНАТ, 1937, № 10—11, стр. 172 и 190; М. Е. Массон, Археологические исследования в Узбекистане, Сб. «Наука в Узбекистане за 15 лет (1924—1939)», Ташкент, 1939, стр. 111—112; А. А. Формозов, Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, КСИИМК АН УзССР, 1949, вып. XXV, стр. 57 и др.

[3] Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР, МИА, 81, М.—Л., 1960, стр. 165, № 929..

[4] Фотограф Сурхандарьинской экспедиции УзГНИИ и Узгосземтреста.

[5] Г. В. Парфенов. Каменный молоток со сверлиной из поселка Нижний Комсомольск Ташкентской области, Известия АН УзССР, 1956, № 6, стр. 111.

рестностях Ширабада тщательно осмотреть имеющиеся там пещеры-гроты и прискальные навесы. Совместно с ширабадскими краеведами Д. Г. Тараненко, Х. А. Абдуллаевым и С. Бадыгиным мы посетили северные горные окрестности Ширабада, и осмотрели ущелья Гум-догана и Нон-догана и скалистую возвышенность (сложенную из песчаников и конгломератов) на левом берегу р. Ширабаддарьи (рис., *14*).

Об обнаружении в 1926 г. гидрогеологом И. А. Анбоевым каменных орудий при зачистке им правого берега Ширабаддарьи мы узнали только в 1958 г.

«Грот В. Л. Вяткина»[6] расположен на правом скалистом берегу Ширабаддарьи в узком ущелье Гум-догана (Первые ворота), в 5—6 *км* севернее Ширабада. Происхождение грота карстовое; он расположен в толще гипсового бело-ноздреватого мраморовидного известняка[7]. Размеры грота: 13 *м* глубины, 12,1 *м* (у входа) и 5,35 *м* (у задней стены) ширины; 4,6 *м* (у входа) и 1,09 *м* (у задней стены) высоты. Над полотном Большого узбекского тракта грот возвышается на 6—7 *м*, а над руслом реки — на 10—11 *м*. Перед гротом расположена довольно большая каменистая площадка-терраса (позднее частично подорванная при расширении дороги). Площадка имеет удобный спуск в южную сторону — к реке. Грот ориентирован с северо-востока на юго-запад.

При осмотре свода и стен грота были замечены следы плотно прикипевшей копоти. Дно грота сверху покрыто пометом скота и мусором, под которыми прощупыванием установлен мощный культурный слой от 1,5 до 2 *м*. В месте наибольшего скопления следов копоти (где предполагался очаг) был заложен разведочный шурф (1×1 *м*), доведенный только до 1,3 *м* глубины.

Шурф (рис. *13*) вскрыл два основных культурных горизонта с несколькими прослойками: первый — зольный (более светлый) — имел мощность от 0,3 до 0,4 *м;* второй — темно-коричневый, пухлый (цвета цикория) — мощность от 0,2 до 0,3 *м;* ниже залегал тот же слой, но более светлой окраски.

---

[6] Грот назывался «Камар» (пещера), т. е. фактически был безымянным; с разрешением Узкомстариса гроту было присвоено название «Грот В. Л. Вяткина», поскольку он нам указан в 1932 г. покойным археологом В. Л. Вяткиным, который и советовал его обследовать.

[7] С. Н. Михайловский. Геологические исследования в Центральной Бухаре, Записки Горного института, СПб., 1914, т. V, вып. 2 и 3, стр. 85—156.

Находки каменных орудий и керамики в окрестностях Ширабада.

Из грота В. Л. Вяткина: *1, 3, 4*—фрагменты ножевидных пластин микролитического типа; *2*—венчик груболепного сосуда без орнамента и окраски; *13*—стратиграфический разрез культурных отложений шурфа; с левого берега р. Ширабаддарьи; *6—8*—фрагменты ножевидных кремневых пластин и *10*—скребок, *9*—ножевидная пластина микролитического типа из шурфа прискального навеса Нондогана; *11*—каменный молоток со сверлиной, найденный в одном из гротов близ селения Ляйлякан.

14—схематический план расположения памятников каменного века в окрестностях Ширабада:

1—грот В. Л. Вяткина; *2*—Гум-догана („первые ворота"); *3*—навесы—Нон-догана („вторые ворота); *4*—следы стоянки на левом берегу Ширабаддарьи; *5*—прискальные навесы; *6*—место, где был найден каменный молоток со сверлиной.

Во вскрытых шурфом культурных слоях были обнаружены потрескавшиеся под действием огня и частично покрытые копотью небольшие гальки; некоторое их скопление создавало впечатление разрушенного очага (?). Слои были насыщены мелкими древесными угольками. Здесь же были встречены расколотые и частично обожженные мелкие кости животных и несколько обломков ножевидных пластинок микролитического типа из серого кремня и известняка и один черепок (венчик) груболепного сосуда без орнамента и окраски (рис., *2*).

В задней части грота хорошо видны осадочные слои плотно сцементированного лёсса с включением небольших костей животных, вероятно, занесенных сюда с силевыми водами. В 1938 г. эти кости нами были вынуты и переданы на хранение в Сурхандарьинский областной краеведческий музей.

Гум-догана. На левом берегу р. Ширабаддарьи, напротив вышеописанного грота, в 1936 г. заведующим Ширабадским районным краеведческим музеем Г. А. Журавлевым было поднято несколько отщепов кремня со следами их вторичной обработки в качестве скребков (рис., *6, 8, 10*). Можно предположить, что эти скребки сюда были занесены из «грота В. Л. Вяткина», а возможно, здесь была самостоятельная стоянка под открытым небом[8].

Нон-догана. Северный узкий проход в ущелье Нон-догана р. Ширабаддарья пропилила в небольшом известковом хребтике; это входные «ворота» в ущелье с севера. Они отстоят от первых южных «ворот» Гум-догана в 4—5 *км*, а от Ширабада — в 9—10 *км* на север.

При входе с севера в ущелье, по обе стороны реки Ширабаддарьи и Большого узбекского тракта, расположено семь небольших прискальных навесов, отчасти подорванных при расширении дороги и ирригационных работах. В сохранившихся частях навесов заметны следы прикипевшей копоти, а на дне их — серо-зеленый слой.

В небольших разведочных шурфах (0,5 × 0,5 × 0,2—0,4 *м*) были вскрыты культурные слои (в основном — серо-зольный, с углистыми прослойками), в которых обнаружены мелкие древесные угольки, колотые, частично обожженные мелкие кости животных, несколько осколков ножевидных пластинок (светлых тонов кремня), микролитического типа и мелкие чешуйки кремня; в одном месте скопление обож-

---

[8] Кремневые скребки на отщепах хранились в Ширабадском музее, где они нами были осмотрены и зарисованы.

женных и закопченных камней напоминало очаг (?) (рис., *12*). Результаты разведки дают возможность предполагать в навесах следы стоянок мезолитического и неолитического возраста.

Левый берег реки Ширабаддарьи. На левом довольно отвесном берегу Ширабаддарьи (на север от Ширабада, примерно в 4 *км*), при зачистке берега гидрогеологом И. А. Анбоевым в 1926 г., на глубине 3—4 *м* от поверхности (в глинисто-щебнистом слое) были обнаружены каменные орудия (из светло- и темно-серого и светло-коричневого кремня): мелкие скребочки, удлиненные микролитические пластинки, более массивные удлиненные ножевидные пластины и небольшие остроконечники, по-видимому, верхнепалеолитического, мезолитического и неолитического возраста[9].

Прискальные навесы (убежища) расположены в 1,5—2 *км* на юго-восток от южного прохода Гум-догана. Они находятся с северо-западной стороны небольших возвышенностей (сложенных песчаниками и конгломератами), окаймляющих левый берег Ширабаддарьи.

Подднавесные убежища сравнительно небольших размеров; они располагаются на протяжении свыше 200 *м*. Здесь под мелким наносным песком были обнаружены остатки нескольких очагов, сложенных из небольшого размера галек; эти гальки потрескапы (от долгого пребывания в огне) и частично покрыты копотью.

Нами было заложено несколько небольших разведочных шурфов (0,5×0,5×0,3 — 0,65 *м*), которыми были вскрыты культурные зольные слои с несколькими углистыми прослойками (ленточной структуры); в результате были найдены остатки двух очагов (небольшого размера), сложенных из речных продолговатых галек; гальки потрескались от огня и частично были закопчены; кроме этого, очажные гальки имели следы скрепляющей их обмазки глиной, которая была обожжена огнем. В зольном слое (мощностью от 0,2 до 0,3 *м*) были обнаружены мелкие древесные угольки, мелкие дробленные и частично обожженные кости животных и несколько осколков серого кремня в виде микролитических пластинок (рис., *4*).

---

[9] Сведения гидрогеолога И. А. Анбоева от 29. IX 1958 г.; находки можно считать утраченными. Подобные обработанные кремни И. А. Анбоев в 1927 г. наблюдал выше (первого) железнодорожного моста (между Кум-Курганом и ст. Шурчи) в 200—300 *м* «в правом берегу обрыва, от верха на 2—2,5 *м* глубине». За разрешение опубликовать эти сведения приносим И. А. Анбоеву благодарность.

По-видимому, это временные, сезонные стоянки мезолитического и неолитического возраста[10].

Нужно полагать, что это не единственные следы памятников каменного века в окрестностях Ширабада, ожидающих своего углубленного исследования[11].

---

[10] Все наши сборы были переданы в Сурхандарьинский областной краеведческий музей.

[11] По сведениям доцента САГУ О. И. Исламова, «...в одном из окрестных саев кишлака Ходжа-Улькан при геолого-разведочных работах 1955 г. были обнаружены кремневые орудия».

И. А. АНБОЕВ

КАМЕННЫЙ СОШНИК

Осенью 1960 г. в 22 *км* на северо-запад от Ташкента, в долине р. Келес мы нашли каменный сошник из очень крепкого серого гранита.

Долина у места находки довольно широкая. С левой стороны ее простираются отроги Каржантау, в непосредственной близости от которых и протекает Келес, с правой стороны — высокая и широкая лессовая терраса Голодностепского цикла.

Долина сложена главным образом террасой Абайского цикла, которая возвышается над уровнем воды в реке на 4—6 *м* и на глубину до 4—5 *м* состоит из желтовато-серых суглинков, а ниже выстлана мелкой галькой с песком и гравием. Дно современного русла реки врезано на глубину до 5,5 *м* от поверхности земли и обнажает галечник, залегающий под суглинком. Река Келес имеет и свои две современные террасы (кое-где смытые) — пойму и надпойму (возвышаются соответственно на 1 *м* и 2,5 *м* над уровнем воды в реке), вытянутые узкими полосами вдоль обоих берегов; сложены они супесью, песком и мелким галечником.

Горная гряда сложена красноцветной толщей неогеновых пород, прикрытых 4—6-метровым лессовидным суглинком, а ниже — четвертичными конгломератами толщиной 3—4 *м,* покрывающими третичные красноцветные породы.

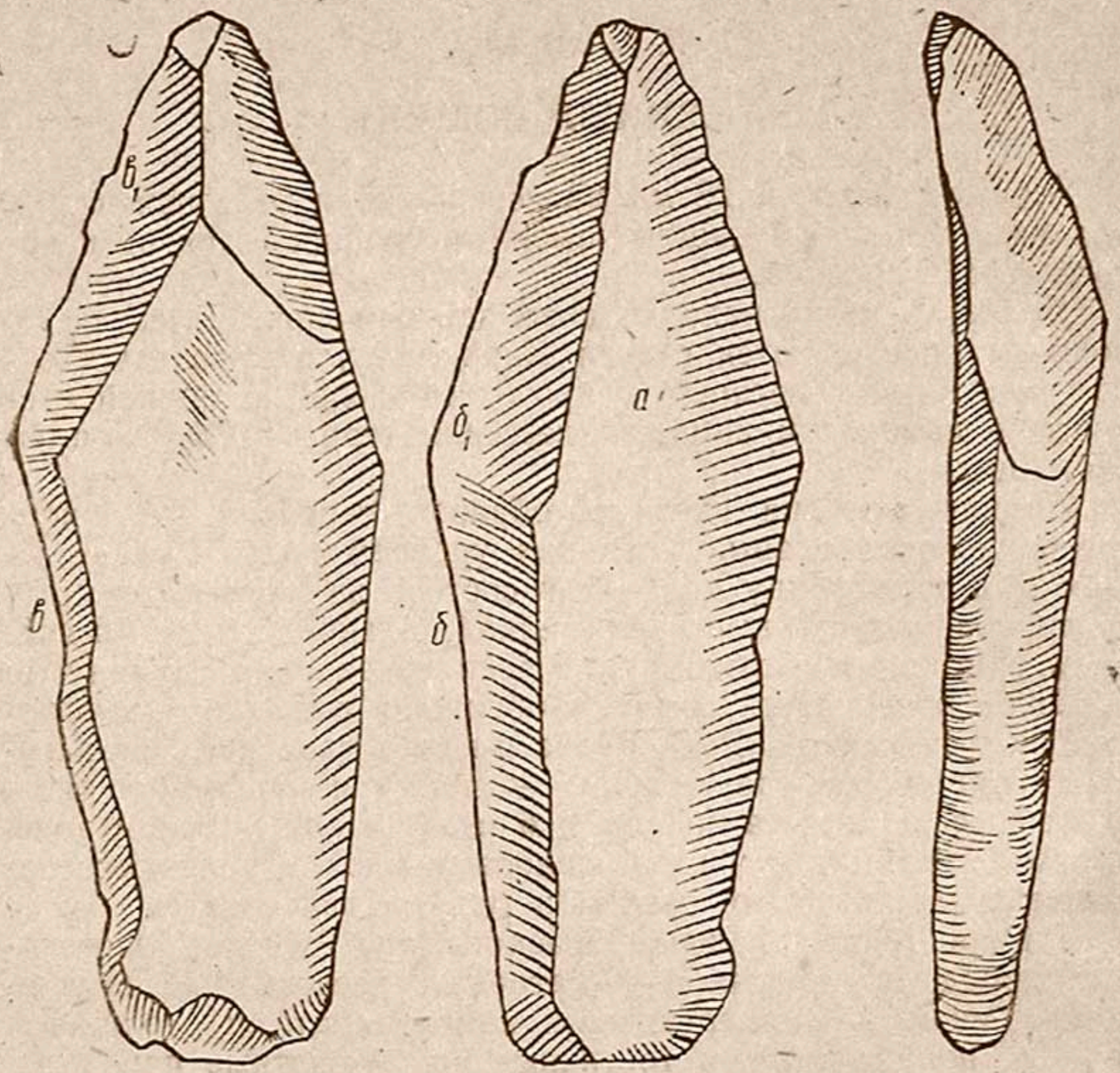
В паводок река подмывает правый склон горной гряды и борты террас. После спада воды можно найти вымытые фрагменты гончарной посуды, каменные орудия (от мустьерского периода до неолита), бусы разных периодов и форм, лезвия железных кинжалов, каменные песты, зернотерки, пряслица, кости животных и другие предметы.

В размытом склоне горной гряды был найден каменный сошник, первый не только в Средней Азии, но и в СССР[1].

[1] Впервые каменный сошник был найден, по-видимому, в Китае. См.: А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. 1. М., 1881, стр. 88—92.

Эта находка дает основание отнести начало земледелия в Средней Азии к четвертому тысячелетию до нашей эры; к этой дате отнесен и описываемый сошник[2].

Форма каменного сошника, найденного в долине Келеса, напоминает железный сошник деревянной сохи. Он устроен так, что при пахоте легко может заглубляться в почву, а

Каменный сошник.

крутонаклонная плоскость (рис., *а*) будет отворачивать пласт земли вправо, как отворачивал железный лемех деревянной сохи. Форма железного сошника деревянной сохи несомненно заимствована от каменного сошника начальной стадии земледелия.

---

[2] Время начала земледелия в области Ташкента еще нельзя считать установленным. Дата, предложенная автором, несомненно, сильно заглублена. *Ред.*

Длина каменного сошника 20 *см*, ширина 7 *см*, толщина 2,5 *см*. От средней части к низу сошник суживается до формы остроконечника, а противоположный плоский, тупой конец постепенно сужается. В верхней части его плоскость (*а*) с наклоном вправо заканчивается крутым срезом. Левый край плоскости имеет более крутой срез вниз по всей плоскости сошника в виде двух сколотых пластинок — фасеток, наклоненных под разными углами (*б* и $б_1$). К концу остроконечника фасетка шире и более пологая ($б_1$), чем к противоположному концу, который имеет вид рукоятки; там фасетка более крутоскошенная (*б*). На обратной стороне сошника сужение начинается от широкой части, расположенной ближе к остроконечнику. и заканчивается крутым срезом фасетки левого края (*в*). У конца остроконечника вторая фасетка ($в_1$) снята относительно полого; ее плоскость расположена под уклоном к правому краю сошника и кончается крутым срезом. От начала сужения и до конца остроконечника резко выделяется крутая грань, разделяющая правую плоскость от левой. Противоположный конец остроконечника сколот так, что он посредством двух, почти параллельных плоскостей может быть крепко зажат в сохе (см. рисунок).

А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕГО РУСЛА МАХАНДАРЬИ

Зеравшан, являющийся в настоящее время самостоятельным бассейном, был древним притоком Аму-Дарьи. В глубокой древности, когда еще в верхних его течениях не было искусственного орошения, он впадал в Аму-Дарью несколькими руслами. Одним из крупных русел являлась р. Махандарья.

В исторических источниках не имеется каких-либо упоминаний о Махандарье. В научной литературе сведения о ней появляются лишь в конце XIX в. в работе Н. Ф. Ситняковского[1], производившего в 1896 г. топографическую рекогносцировку в низовьях р. Зеравшан.

В 1915 г. по поручению ОЗУ (отдел земельных улучшений) р. Махандарью впервые исследовали специалисты: ботаник М. В. Культиасов, геолог П. М. Васильевский и почвовед Л. Л. Ножин[2].

Весной 1928 г. по заданию Узводхоза верхнюю часть р. Махандарьи посетили ботаник Е. П. Коровин и почвовед Н. В. Кимберг с целью выяснения почвенных условий и размеров площадей, удобных для поливного земледелия[3]. Однако они, так же как и участники экспедиции 1915 г., не дошли до Аму-Дарьи. Поэтому в этих работах нет сведений о существовании каких-либо «старых русел р. Зеравшан по прямому направлению к Аму-Дарье»[4].

---

[1] Н. Ф. Ситняковский. О древности в районе нижнего течения Зеравшана, ПТКЛА, год III, вып. 3, Ташкент, 1898; он же, Заметки о Бухарской части долины Зеравшана, Известия ТОРГО, т. I, вып. II, Ташкент, 1900.

[2] М. В. Культиасов. К характеристике растительного покрова района, прилегающего к р. Махандарье, ИСГО, т. XX, Ташкент, 1932, стр. 33—37; П. М. Васильевский. Река Зеравшан в Бухарском районе, Вестник ирригации, 1923, № 9, стр. 94—98.

[3] Е. П. Коровин. Махан-Дарья, ИСГО, т. XX, стр. 13—31.

[4] П. М. Васильевский. Река Зеравшан в Бухарском районе, стр. 96.

Осенью 1928 г. по поручению Среднеазиатского географического общества в Махандарью была направлена специальная партия во главе с В. П. Дробовым для выяснения места впадения Махандарьи в Аму-Дарью[5]. В результате этого исследования удалось установить два русла примерно в 100 *км* ниже города Чарджоу, первое из которых впадало в Аму-Дарью ниже развалин крепости Наргиза, второе — у селения Акрабад[6].

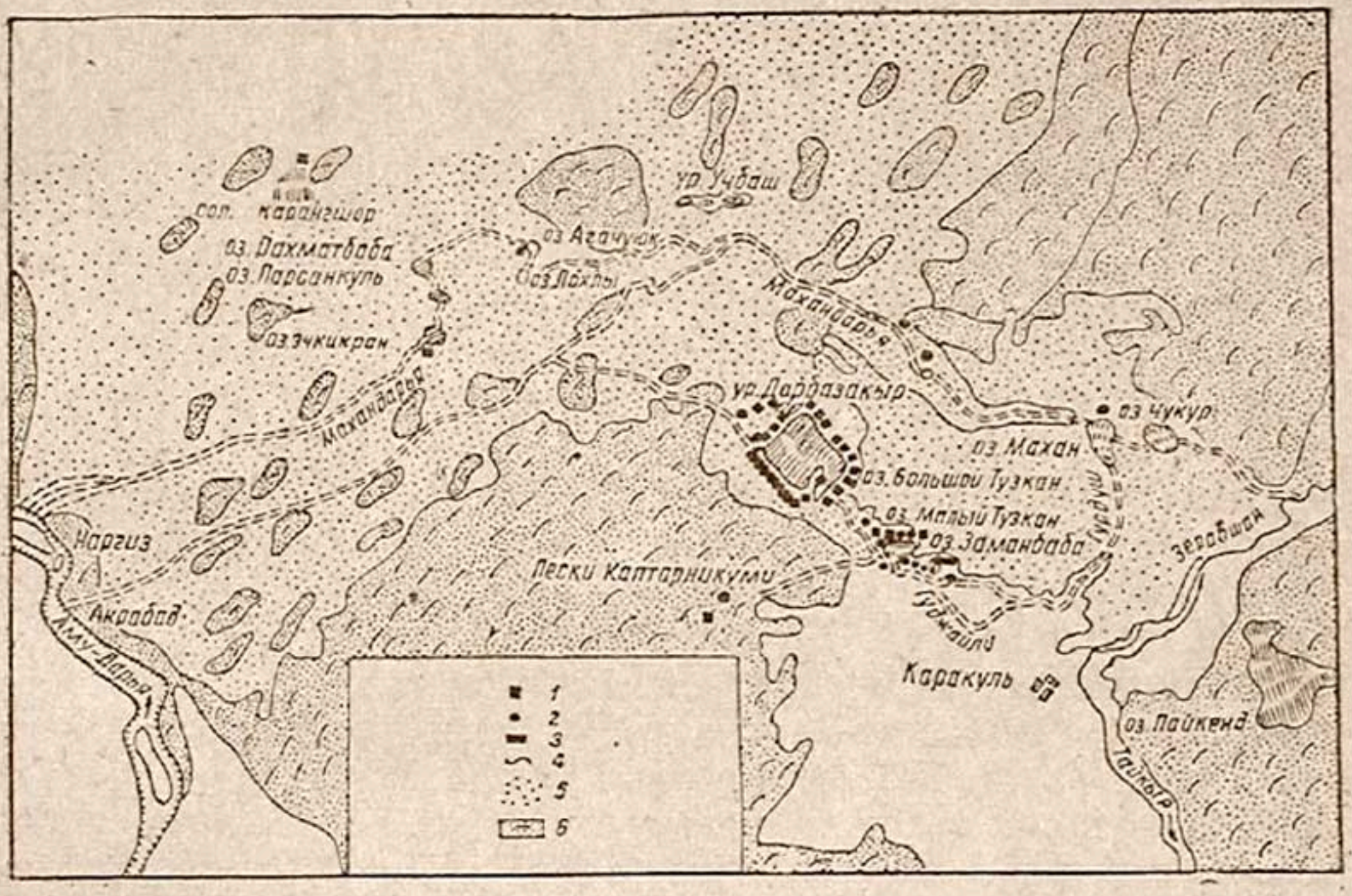

Рис. 1. Схематическая карта Махандарьи:

1—неолитические стоянки, *2*—бронзовые стоянки, *3*—бронзовые могильники, *4*—холмистая возвышенность, *5*—степь, *6*—барханные пески.

Археологическая экспедиция в районе древнего русла Махандарьи, руководимая Я. Г. Гулямовым (1950 г.), накопила богатый материал, который подтвердил факты, сообщенные Дробовым.

С целью прослеживания распространения следов древних обитателей низовьев Зеравшана весной 1961 г. Махандарьинский археологический отряд при участии автора настоящего сообщения специально занялся изучением сухого русла Махандарьи (рис. 1).

Исток Махандарьи находится на правом берегу Каракульдарьи против селения Яккатут, расположенного на юго-западной оконечности Бухарского конуса выноса. Хорошо

[5] В. П. Дробов. Река Махандарья, ИСГО, т. XX, стр. 1—11.
[6] Там же, стр. 9.

сохранившиеся в песках Кызылкумов следы древнего извилистого русла Махандарьи сначала по более или менее широкой долине в 28—30 *км* от своего истока направляются на запад с небольшим отклонением на северо-запад. По пути русло образует несколько небольших водоемов и озер под названием Чукуркуль, Маханкуль, Уртакуль и Чандыркуль. В настоящее время почти сухие ложа этих водоемов и озер известны под общим названием Маханкуль. Ширина долины у Маханкуля 8—10 *км*. С севера она ограничивается цепью песчаных барханов, опускающейся круто к долине и возвышающейся над ней на 6—7 *м*, а с юга платообразной возвышенностью — «кыром», покрытой сыпучими песками и щебнем. Русло Махандарьи ясно выражено в верхнем течении, особенно хорошо прослеживается между вышеуказанными озерами, где оно чаще представлено одним главным руслом шириной 20 *м* и глубиной 1,5—2 *м*.

В районе Маханкуля русло делится на два рукава. Первый из них, сохраняя свое прежнее название, продолжается на запад, а второй — Гуджейли, или Гурдуш,— направляется на юг. Ниже Маханкуля главное русло проходит через колодцы Базарбай, Уртакуль и у колодца Чандыр сворачивает на северо-запад. По мере приближения к колодцу Чандыр долина суживается и слегка расширяется к колодцу Газау, где русло снова сжимается цепью барханов с севера и платообразной возвышенностью с юга. Ниже колодца Газау долина почти исчезает между плотно смыкающимися кыром и барханами, потому и здесь русло Махандарьи ясно не выражено. Единым руслом Махандарья проходит затем через колодцы Камышли и Ачи, где поворачивает на запад. В 58—60 *км* от истока у колодца Адылкудук от него отходит второе русло на юго-запад в сторону Ходжакудук.

Основное русло, упираясь в правобережное плато, через колодцы Лаке, Учбаш, Аккум-I и Аккум-II выходит на несколько расширенную долину, где образует ряд неглубоких озер и водоемов под названием Лухли, Агачуюк, Курбанбай, Рахматбаба, Парсанкуль, Эчкикран и др. В районе этих совершенно сухих озер, ныне покрытых пухлыми солончаками, следы русла Махандарьи ясно не выражены, но ниже колодца Рахматбаба они отчетливо прослеживаются одним главным руслом. Здесь русло круто заворачивает сначала на юг и затем, перейдя через Парсанкуль и Эчкикран, южнее последнего — на юго-запад. В 20 *км* ниже озера Эчкикран у колодца Хатар русло опять разделяется на два рукава. Однако южнее Хатара в 14—15 *км* к северо-востоку от крепости Наргиза, расположенной на правом берегу

Аму-Дарьи, оба эти рукава, заходя в зону барханов, совершенно исчезают. В районе крепости Наргиз русло Махандарьи снова появляется и, образуя дельту нижеследующими четырьмя руслами: Шорсувлат, Джангалды, или Юлгундысувлат, Сувлисувлат и Ахиргисувлат, в 2 *км* к западу от крепости Наргиз Махандарья впадает в Аму-Дарью. В своей нижней части русло Махандарьи проходит почти между двумя голыми платообразными возвышенностями — кырами, ограничивающими его с севера и с юга.

Второй рукав Махандарьи, отходивший у колодца Адылкудук на расстоянии в 65—70 *км,* продолжается по юго-западному направлению и через колодцы Ходжакудук-I, Ходжакудук-II и Мулладжура, немного восточнее крепости Наргиз у селения Акрабад, впадает в Аму-Дарью.

А что касается русла Гуджайли, оно, выйдя из озера Маханкуль через колодцы Маханкудук, Чукуркудук и Ширкудук, направляется на юг, а вблизи памятника XI в. — Шибирдината сворачивает на запад. В 4—5 *км* от последнего, разделившись на два рукава, образует островок и в 18 *км* к северо-западу от центра Каракульского района впадает в озеро Заманбаба. Выйдя из озера единым руслом Гуджейли направляется на северо-запад, омывая левобережный склон кыра, возвышающегося над ним на 10—15 *м*. Ширина его русла в районе озера Заманбаба 10—12 *м,* глубина — 1—1,5 *м*. В 5 *км* ниже озера Заманбаба оно выходит на расширенную территорию, где образует озеро, ныне сухой солончак Малый Тузкан. На юго-западной оконечности солончака русло разделяется на два рукава. Первый направляется на юго-запад и в 10—12 *км* ниже последнего исчезает среди огромных барханов в местности Каптарникумы, а второй, продолжая свое течение на северо-запад в 6 *км* ниже Малого Тузкана, образует солончак Большой Тузкан, длина которого 8—10 *км*, при ширине 4—5 *км*. Однако русло Гуджайли в древности не заканчивалось солончаком Большого Тузкана. По всей вероятности оно продолжалось на северо-запад и соединялось с южным руслом Махандарьи, отходившим у колодца Адылкудук и впадавшим в Аму-Дарью вблизи селения Акрабад. Об этом свидетельствуют следы высокой воды на территории Большого Тузкана, сохранившиеся в виде такыровидных корок, покрывающих прибрежные возвышенности Большого Тузкана и огибающих его с северо-запада. В настоящее время между солончаком Большой Тузкан и Ходжакудуком среди барханных песков проходит 15-километровая полоса, покрытая густыми зарослями тамариска. Очевидно она является ос-

татками следов ложбины русла Гуджайли, соединяющегося с Махандарьей.

Таким образом, при исследовании следов нижних сухих русел р. Зеравшан выяснилось, что когда отсутствовали оросительные каналы в ее верхнем и среднем течении, она доходила до Аму-Дарьи. Одним из звеньев, соединявших в древности Зеравшан с Аму-Дарьей, является ныне сухое русло р. Махандарья.

Здесь весьма важно отметить то, что в исторических источниках как античных авторов, так и большинства средневековых, мы не встречаем никаких данных о впадении Зеравшана в Аму-Дарью.

Один из летописцев походов Александра Македонского в древние страны Средней Азии Квинт Курций Руф сообщает, что р. Зеравшан, или как она называлась в древности греками — Политимет, сначала текла в узком русле, потом рассеивалась в песках[7]. Географ Страбон подтверждает, что Политимет, оросив страну Согдианы, «входит в пустынную песчаную страну и там поглощается песками»[8]. По Арриану, Политимет прошел по всей стране (Согдиане): «Там, где вода в реке исчезает, начинается пустыня. Исчезает же вода, несмотря на свое обилие, потому, что теряется в песках»[9].

Захираддин Мухаммед Бабур в своих мемуарах приводит аналогичное сведение: «Все (пространство) до Бухары и Каракуля, — пишет он,— то есть около тридцати—сорока йигачей земли, орошается и возделывается благодаря реке Кухаку[10]. В такой большой реке совсем не остается воды сверх орошения и поливки: летом по три-четыре месяца воды для Бухары даже не хватает»[11].

Однако некоторые средневековые авторы, например, Мухаммед Наршахи, а также Хафизи Абру в своих исторических сочинениях приводят некоторые данные, свидетельствующие о каких-то связях Зеравшана с Аму-Дарьей.

В книге «История Бухары» Наршахи рассказывает о том, что большие воды Зеравшана, размывая на своем пути

---

[7] Квинт Курций Руф. О деяниях Александра Македонского, Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.— III в. н. э.), Хрестоматия под ред. Л. Б. Баженова, Ташкент, 1940, стр. 69.

[8] Страбон. География, указ. соч., стр. 85.

[9] Арриан. Поход Александра, Пер. с др.-греч. М. Е. Сергеенко, М.зЛ., 1962, стр. 138.

[10] Кухак — средневековое название р. Зеравшан.

[11] Бабур-намэ, Записки Бабура, пер. М. Салье, Ташкент, 1958, стр. 60.

во многих местах землю и занося ее илом, доходили до Битика и Фараба[12].

Хафизи Абру сообщает, что «нижнее течение (Зеравшана — *А. М.*) иногда во время половодья доходило до Аму-Дарьи»[13].

Все же данные письменных источников недостаточно определенны, поэтому при решении этого вопроса мы привлекаем косвенный ботанический и археологический материал.

В ботаническом отношении долину Махандарьи и Гуджейли можно разделить на две части. Верхняя и средняя части их напоминают туги, развивающиеся в условиях непрерывного влияния текущих вод. В более или менее пониженных местах террасы покрыты негустыми зарослями тростника и камыша[14]. В противоположность верхней, нижняя часть совершенно лишена всяких зарослей и представляется мелкобугристой песчаной пустыней. Последнее обстоятельство в какой-то мере свидетельствует о том, что уже давно было прекращено течение Махандарьи по направлению к Аму-Дарье. Результаты археологических исследований, произведенных в этом районе в последние десятилетия, подтверждают, что приблизительная дата прекращения постоянного обводнения этих русел падает на время еще задолго до первой половины I тысячелетия до н. э.

Археологические открытия Махандарьинского отряда на территории древних дельтовых протоков Зеравшана в 1950—1961 гг., представленные памятниками трех исторических периодов, не только дали возможность восстановить облик материальной культуры и основы хозяйственной жизни древних обитателей низовьев Зеравшана, но и обеспечили ценным фактическим материалом для суждения о периодах (хотя и относительно) функционирования древних русел Махандарьи и Гуджайли-и о значительных изменениях в водном режиме их, происходивших с эпохи неолита.

В настоящее время в районе Большого и Малого Тузкана зафиксированы около 40 неолитических стоянок кельтеминарской культуры. Все эти неолитические стоянки, дати-

---

[12] Тарихи Наршахи, Литография, ИВ АН УзССР, инв. № 3820, стр. 6; Точнее, здесь приводятся сведения из книги «Хазаин ал-улум» Абул Хасана Нишапури, внесенные в «Историю Наршахи» одним из позднейших редакторов.

[13] Цит. по кн.: В. В. Бартольд. Хафизи Абру и его сочинения. Сборник статей учеников проф. Барона Виктора Романовича Розена, СПб., 1897, стр. 1—28.

[14] Е. П. Коровин. Указ. соч., т. XX, стр. 22.

руемые концом IV и III тысячелетий до н. э.[15], расположены цепью на коренных дюнных песках в непосредственной близости от берегов древних озер рассматриваемого района. В связи с проблемой древних русел низовьев Зеравшана и истории их заселения весьма важно наблюдение над топографией неолитических стоянок этого района. Они, в основном, расположены на древних краях озера, на границе с коренными песками, вне пределов непосредственного обводнения.

Неустойчивый уровень воды, видимо, часто принуждал древних обитателей низовьев Зеравшана приспособляться к постоянному изменению своих мест обитания. Доказательство этого можно видеть на примере расположения многочисленных временных стоянок эпохи неолита на Большом Тузкане. Северный и северо-восточный края Большого Тузкана ограничиваются платообразной возвышенностью — кыром, покрытой щебенистыми песками. Памятники, обнаруженные в этих частях солончака, расположены как бы по одной линии вдоль берега озера. Очевидно, эти платообразные возвышенности являлись коренными берегами озера и в древности. Остальные части Большого Тузкана представляют собой цепь песчаных гряд аллювиальной долины. Расположение памятников последних не всегда устойчиво, их можно встретить и в пределах озера на такыре и в глубине солончака. При снижении обводненности района западной, южной и юго-восточной дельт Большого Тузкана и на осушенных пространствах лессовых такыров в этих местах временами создавались достаточно благоприятные условия для обитания. Осваивались новые места ближе к воде, в результате чего теперь мы обнаруживаем кратковременные стоянки не только на границе коренных песков, но и внутри озера на такырах.

Неравномерное расположение кратковременных разрушенных стоянок Большого Тузкана несомненно свидетельствует о неустойчивости водного режима на протяжении IV и III тысячелетий до н. э. в этом районе.

О степени обводненности этого района, а также о некоторых больших изменениях, происходивших в водном балансе Махандарьи в эпоху первобытности, можно судить по структуре наслоения многослойного неолитического памят-

---

[15] У. Исламов. Многослойная стоянка кельтеминарской культуры в низовьях Зеравшана, ИМКУ, № 4, Ташкент, 1963, стр. 45; Он же. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана, Автореферат канд. дисс., Л., 1963, стр. 11—12.

ника «Дарбазакыр», расположенного на северо-западном берегу солончака Большой Тузкан.

Из разреза стратиграфического шурфа, заложенного в центральной части стоянки «Дарбазакыр», видно, что стоянка была трижды обитаема (рис. 2).

Ниже верхнего рыхлого слоя песка, толщиной 25—30 *см*, с культурными остатками идет плотный песок серо-желтого цвета толщиной 15—20 *см*, не содержащий материальных остатков. Потом обнажился красноватый обгорелый песчаный слой с культурными остатками толщиной в 30—40 *см*. Опять слой песка более плотного серо-желтого цвета толщиной до 1 *м* без культурных остатков. Ниже него шел красноватый обгорелый песчаный слой с насыщенными культурными остатками, лежавшими прямо на такыре. Толщина последнего достигает 20 *см*.

Дальше наслоения продолжаются чередованием сероглинистых отложений с надувными песками того времени, связанными с изменением водного режима до заселения района обитателями эпохи неолита.

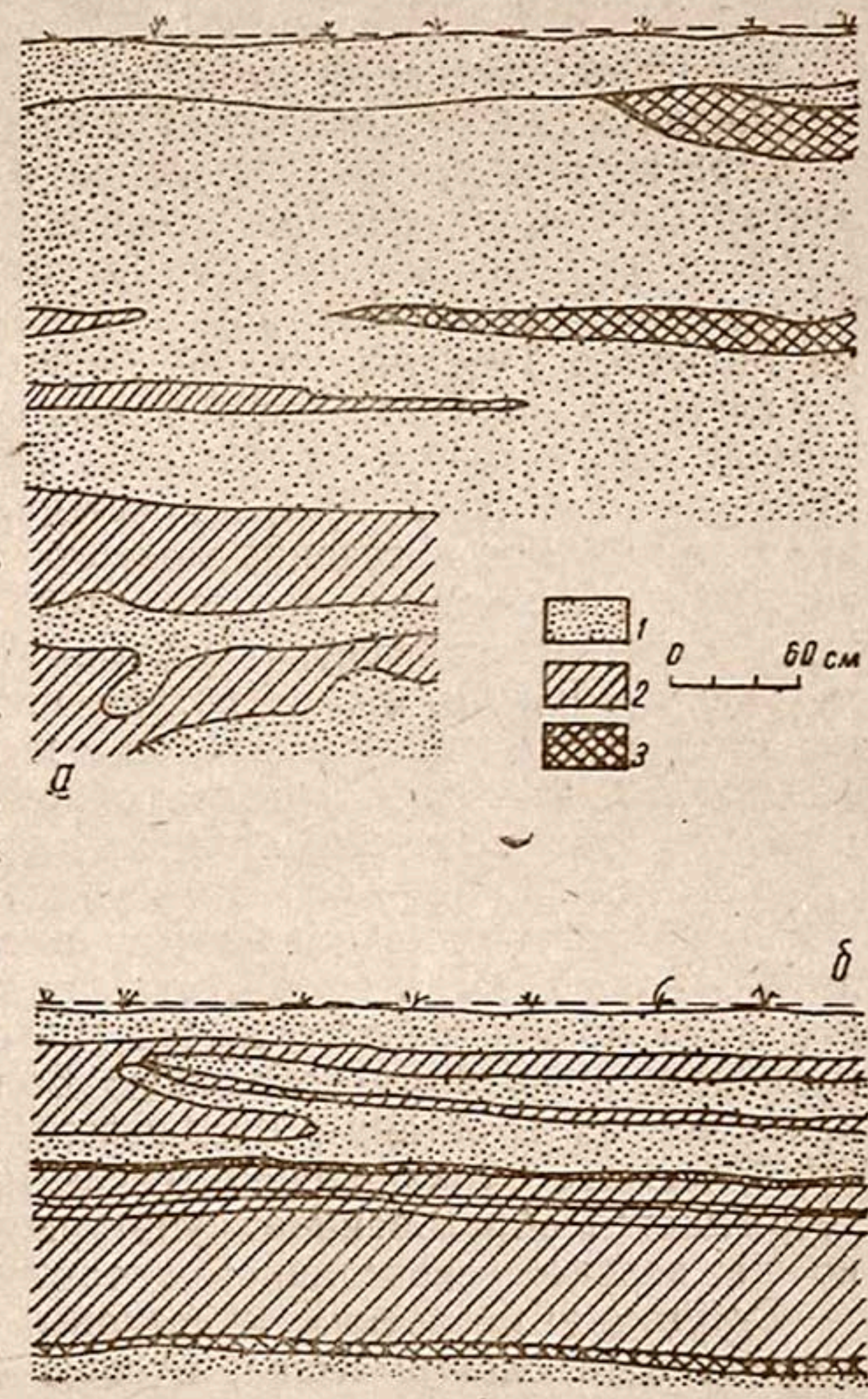

Рис. 2. Разрезы шурфов стоянки Дарбазакир (*а*) и поселения Заманбаба (*б*):
1—песок; *2*—такыр; *3*—культурный слой.

1. Слой сероглиняного такыровидного отложения толщиной 10 *см*, свидетельствующего об остатках болотного рельефа местности;
2. плотный песчаный слой толщиной 25—30 *см*;
3. сероглиняный такыровидный суглинок толщиной 10 *см*;

4. плотный песчаный слой толщиной 40—50 *см;*

5. сероглинистый такыровидный суглинок толщиной 50—60 *см;*

6. плотный песчаный слой толщиной в 20—25 *см;*

7. сероглинистый такыровидный суглинок толщиной в 30—50 *см;*

8. плотный песчаный слой.

Общая мощность наслоений в шурфе около 4 *м.*

Стратиграфическое наблюдение шурфа, заложенного в центральной части раскопа стоянки Дарбазакыр, свидетельствует о больших изменениях, имевших место как в истории обводнения и заселения этого района, так и в водном режиме Большого Тузкана. Наличие в нижних наслоениях четырех слоев такыра, чередуемого в свою очередь со стерильными слоями песка, говорят о том, что на территории Большого Тузкана когда-то произошли четыре больших наводнения, продержавшиеся в течение долгого времени, в результате чего тут образовалось четыре слоя сероглинистых отложений, покрывавших сверху возвышенность Дарбазакыр.

Таким образом, по структуре наслоений нижних слоев, подстилающих культурные слои неолитического периода, выясняется, что максимальнсе обводнение территории Большого Тузкана произошло задолго до появления неолитической стоянки.

Поднятие горизонта воды озера до самой вершины, и даже намного выше возвышенности Дарбазакыр, обмывание ряда изолированных бугров, расположенных по северо-западному и южному побережью Большого Тузкана, и превращение их в останцы предшествуют заселению окрестности Большого Тузкана неолитическими племенами. Это подтверждается образованием культурных слоев непосредственно на верхнем сероглинистом такыровидном отложении.

Структура наслоения культурных слоев, разделяемых стерильными слоями песка, в свою очередь также говорит о каких-то периодических изменениях в водном горизонте древнего озера Большой Тузкан, происходивших в пору неолита. Ибо древние обитатели стоянки «Дарбазакыр», поселившиеся первоначально прямо на такыре, были вынуждены покидать это место периодически три раза, а спустя некоторое время вновь поселиться.

Вышеприведенные археологические данные с несомненностью свидетельствуют о функционировании в течение всего периода неолита древних притоков Зеравшана — Махандарьи и Гуджайли, связывавших его с Аму-Дарьей. Таким образом, Махандарья в течение IV и III тысячелетий до

н. э., хотя и периодически, но, безусловно, носила воды Зеравшана в Аму-Дарью.

Однако в бронзовом веке степень обводнения нижнего и среднего течения Махандарьи была значительно меньше, чем в неолите. Вероятно, к концу неолита постепенно сократился водный баланс реки, а нижняя часть русел Махандарьи и Гуджайли вообще высохла. Должно быть поэтому первобытный человек эпохи неолита покинул этот район и передвинулся вверх.

Памятники эпохи бронзы в районе нижнего течения Махандарьи и в окрестностях Большого Тузкана встречаются редко, в то же время большое их скопление мы наблюдаем по верхнему течению Гуджайли, т. е. в районе озера Заманбаба.

Известно, что в течение нескольких лет в рассматриваемом районе открыто более 15 памятников эпохи бронзы. Важно отметить среди этих памятников поселение культуры Заманбабы.

В 1961 г. в 700 *м* к востоку от озера Заманбаба на берегу древнего сухого русла Гуджайли было обнаружено поселение этой же культуры с остатками жилищ, насыщенных обломками керамики и микролитических орудий[16].

Структура наслоений, подстилающих многослойное поселение Заманбаба с остатками жилищ, вырытых непосредственно в такыровидном суглинке, служит в какой-то мере материалом. для суждения о степени обводненности верховья русла Гуджайли, т. е. окрестности озера Заманбаба и Малого Тузкана[17]. Стратиграфический шурф, заложенный в северо-восточной части поселения размерами 2×2 *м*, дал следующую картину наслоений (см. рис.).

После снятия верхнего надувного песка обнажился в 40 *см* сероглинистый такыровидный суглинок без включения культурных остатков. Ниже него идет слой плотного песка толщиной 15—20 *см* также без культурных остатков. За ним следует темноватый сероглинистый такыровидный суглинок с четырьмя культурными прослойками без вещественного материала толщиной 20—25 *см*, он продолжается и ниже, достигая 60—65 *см*. Под ними обнажается слой песка темного цвета. Этот перегнойный слой песка с включением глины толщиной 6—8 *см* содержит культурные остатки в

---

[16] А. Аскаров. Поселение Заман-баба, КСИИМК, № 93, М., 1963, стр. 86—93.

[17] Для выяснения стратиграфии и для определения восточной границы поселения сначала была заложена траншея размерами 26×2 *м* по направлению с юга на север. Из-за твердости грунта только на площади 4 $м^2$ было углублено до 170 *см* от поверхности.

виде битых сосудов с отдельными древесными угольками[18]. После культурного слоя в шурфе — чистый стерильный песок.

Из вышеприведенного описания структуры наслоения видно, что от долговременного и большого обводнения, еще до появления поселения Заманбаба, было образовано два мощных слоя сероглинистых такыровидных суглинков, лежащих непосредственно на небольшом культурном слое, относящемся, очевидно, к энеолитическому периоду. Течение этих древних русел Зеравшана продолжало еще постоянно действовать, обводняя огромную площадь в окрестности озера Маханкуль, Заманбаба и Малый Тузкан.

Важно отметить, что в первой половине I тысячелетия до н. э., хотя и продолжалось заметное сокращение водного баланса Махандарьи, русло Гуджайли не лишилось постоянно текущих вод, что наблюдалось и в последующие периоды. Подтверждением этому служат остатки оросительных каналов и возделанных площадей, покрытых керамическими обломками античности, по юго-западному рукаву Гуджейли в местности Каптарникуми. Однако такая картина не наблюдается по основному руслу Гуджайли и Махандарьи.

С развитием орошения древнее русло Махандарьи было лишено постоянного течения воды, и оно использовалось как водосбросный коллектор для отбросных от орошения и паводковых вод.

Излагая некоторые результаты исследований сухого русла Махандарьи, можно придти к заключению, что современная река Зеравшан была древним притоком Аму-Дарьи.

В этом отношении заслуживают внимание работы Дробова и Махандарьинского отряда Института истории и археологии АН УзССР, которые научно обосновывали предположения Наршахи и Хафизи Абру. Если специальная поездка Дробова установила впадение Зеравшана в Аму-Дарью, то работы Махандарьинского отряда подтвердили и уточнили на основе археологических данных время существования бурных обводненностей Махана и Гуджайли до эпохи неолита, неолитического и бронзового веков человечества. Нужно подчеркнуть, что произведенные работы по изучению данного вопроса являются лишь началом нашего исследования. Пока трудно говорить о позднем этапе прекращения впадения Зеравшана в Аму-Дарью. Для окончательного решения этого вопроса необходимы дальнейшие специальные исследования.

---

[18] В этом слое найдено три хрупких черепка серо-желтоватого цвета с ногтевым орнаментом. Из-за скудности материала в порядке рабочей гипотезы можно отнести их к периоду энеолита, приблизительно датируя концом III тысячелетия до н. э.

В. А. НИЛЬСЕН

ТЕШИКТЕПЕ БЛИЗ АНГОРА

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕМ СВОДОСТРОЕНИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

К востоку от районного центра Ангор Сурхандарьинской области, к востоку от жилых домов, среди хлопковых полей находятся остатки древнего поселения, известные среди местных жителей под названием Тешиктепе («тешик» — отверстие). Своим названием тепе обязано части массивного свода, выложенного из сырцового кирпича, который возвышается над его плоской вершиной.

Тепе сильно разрушено. Особенно пострадала его северо-восточная часть. Естественные промоины, превратившиеся в некоторых местах в пологие склоны, исказили его конфигурацию и форму.

Однако сохранившийся свод очень интересной по форме и технике сырцовой кладки привлекал внимание археологов, наводил на мысль о сохранности под земляными завалами старых помещений.

Памятник был обнаружен Л. И. Альбаумом в 1950 г. во время его рекогносцировочного обследования Ангорской группы развалин и очень кратко описан. Опубликованы две фотографии и весьма схематический план тепе[1].

Позднее памятник археологи посещали неоднократно во время работ на соседних Хайрабадтепе, Балалыктепе, Джумалактепе, и только осенью 1957 г. удалось произвести разведочные раскопки памятника.

Раскоп был заложен под сырцовым сводом. Здесь после снятия рыхлого поверхностного слоя начали расчистку мощного завала (2,5 *м* толщины) из кусков кирпича и земли, образовавшегося в результате разрушения частей сводчатого покрытия. Уже в процессе его расчистки начали выявляться габариты большого и длинного помещения. Ниже завала находился сорокасантиметровый слой лессовых на-

---

[1] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 59, рис. 39, 40, 41.

теков, появившихся в то время, когда помещение еще сохраняло покрытие, но долгое время было заброшено. Ниже шли слои, связанные с пребыванием в помещении людей и их бытом — обгорелая земля, зола и тонкая прослойка камышевого перегноя, оставшегося от камыша, которым устилался пол помещения. Были встречены небольшие фрагменты простой и глазированной посуды, фрагменты изделий из

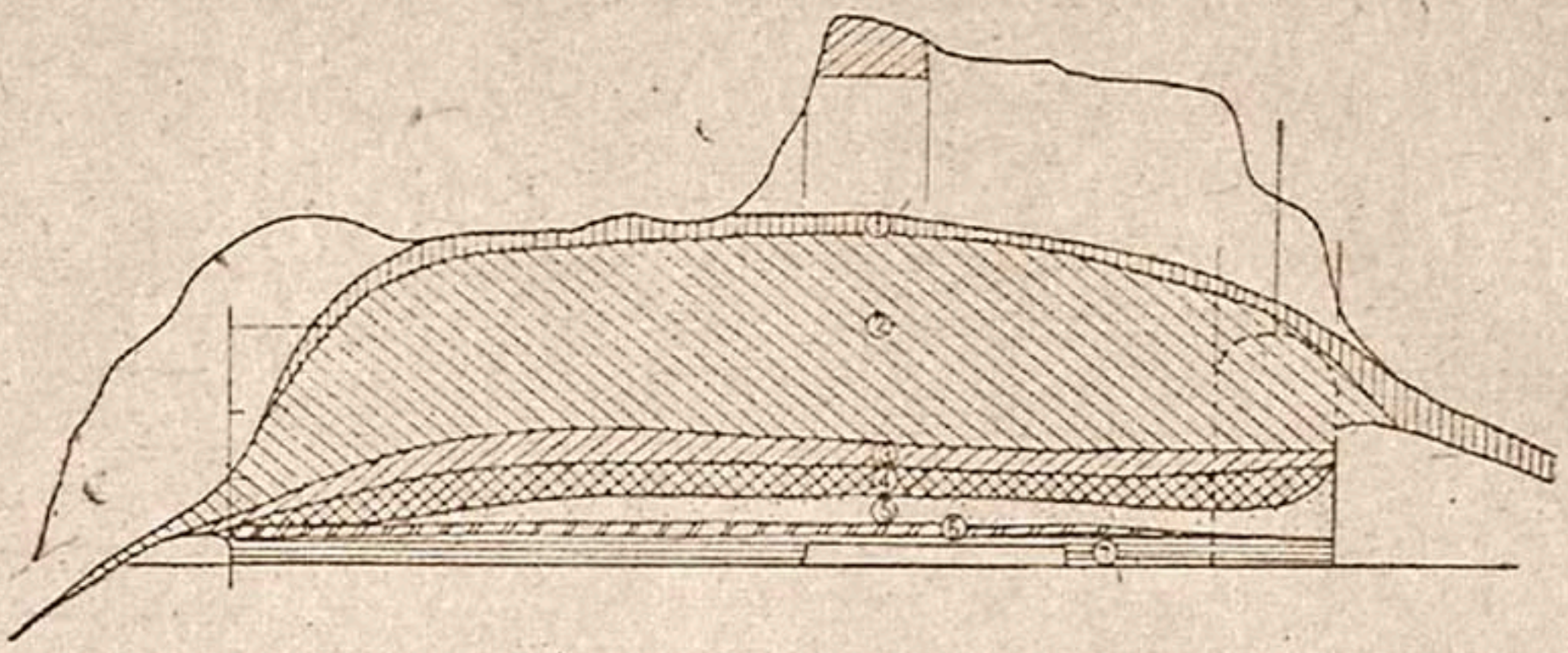

Рис. 1. Стратиграфический разрез раскопа по продольной оси:

1—рыхлый поверхностный слой; *2*—завал кирпича и земли; *3*—натечный слой; *4*—горелая земля и зола; *5*—зола, *6*—перегной; *7*—рыхлая земля.

железа, определить назначение которых оказалось невозможным, так как от времени железо полностью коррозировалось. Большинство фрагментов глазированной керамики имеет светлую глазурь с черным и коричневым подглазурным орнаментом, стилизованными надписями и профилированные донца; такая керамика была распространена в XI—XII вв.

Первичный пол помещения перекрывался слоем рыхлой земли, под которым оказались остатки невысокой суфы, расположенной у северо-западной стены помещения. На основном поле и на суфе были обнаружены небольшие кусочки красноангобированной керамики, которую можно отнести к кушанскому периоду, т. е. к I—III вв. н. э. Эта дата соответствует и строительному материалу, из которого было сооружено здание.

Построенное в кушанское время поселение в XI в. еще имело несколько довольно хорошо сохранившихся помещений. Поэтому строение используют вторично, произведя только небольшой ремонт и необходимую очистку от мусора и земли.

Возобновление жизни в X—XI вв. на ранее заброшенных поселениях было широко распространено в северном То-

харистане. Такой факт зарегистрирован при археологических раскопках Хайрабадтепе, Джумалактепе, Зангтепе, Мунчактепе и др. Очевидно, общий подъем общественной жизни и хозяйственной деятельности, наблюдавшийся в этом районе в то время, захватил и Тешиктепе. Но позднее жизнь снова прекратилась, и оставленное жителями поселение постепенно разрушалось.

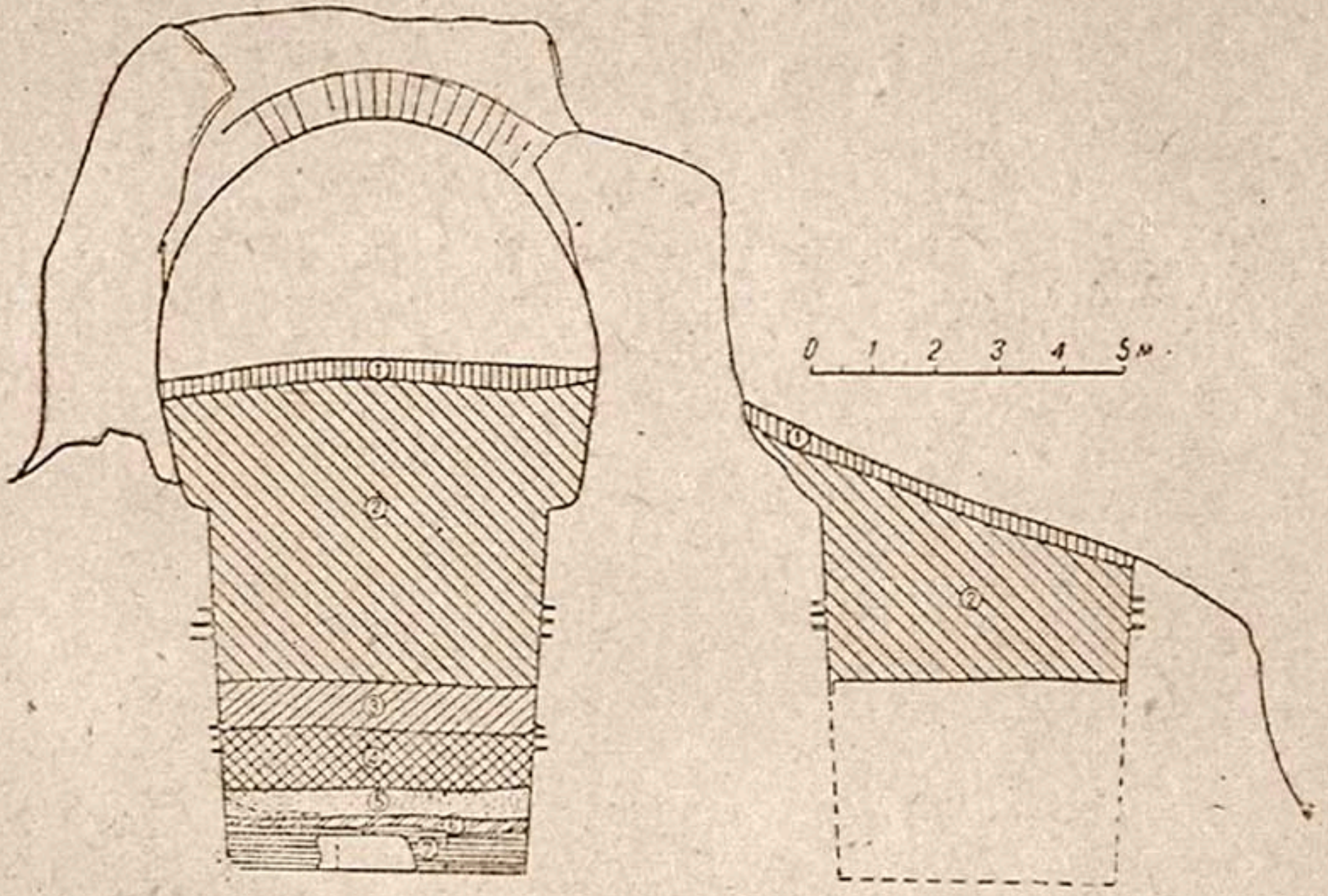

Рис. 2. Стратиграфический разрез раскопа по поперечной оси (условные обозначения те же, что на рис. 1).

Нашими раскопками было вскрыто помещение размером 2,45×13 *м*, вытянутое с северо-востока на юго-запад. С юго-востока к нему примыкает помещение таких же размеров. До пола нами оно не было раскопано. Вероятно, с северо-запада к вскрытому помещению примыкало еще одно аналогичное, и в этой части тепе находилась группа из трех больших и длинных помещений.

В северо-восточной стене центрального помещения находится вход в эту группу (шириной 75 *см*). Арочными проходами, примыкающими к задней юго-западной стене, помещения связывались между собой. Освещались они через дверной проем и специальные щели в торцовых стенах. Одна такая щель шириной 35 *см* обнаружена в юго-восточном помещении. Расположена она на высоте 2,20 *м* над уровнем пола.

Стены, окружающие помещения, очень толстые — внизу 2,45 *м,* кверху они слегка суживаются. Выложены слоями пахсовой кладки, каждый слой отделен от других выкладкой из двух рядов сырцового кирпича размером 39—41×39—41×10—11 *см.* По высоте стены укладываются в три слоя пахсы высотой 75—80 *см* каждый. Снаружи пахса разбита на отдельные блоки разной ширины.

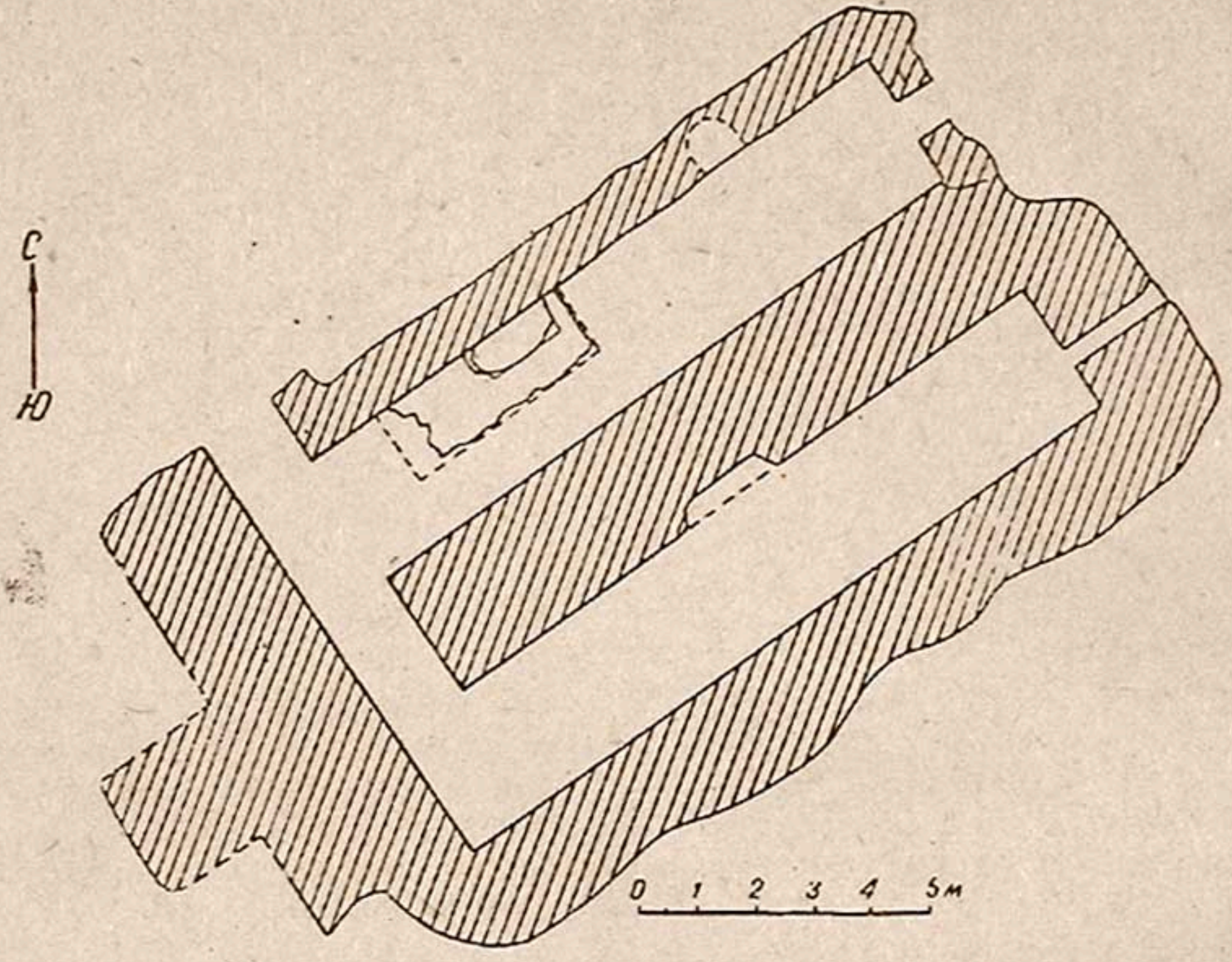

Рис. 3. План раскопанных помещений.

Качество кладки плохое — с пустотами и трещинами; долгий срок жизни сооружения может быть объяснен только толщиной стен.

Арки, перекрывающие проходы между отдельными помещениями, правильной полуциркульной формы и выложены клинчатой кладкой, замковая часть заполнена наклонно положенным кирпичом.

Еще до раскопок обращали на себя внимание остатки сводчатого покрытия. Наиболее интересным оказался этот свод после полной расчистки помещения, которое он перекрывал.

Свод этот необычен. Его пролет значительно больше ширины перекрываемого помещения: ширина помещения на уровне пят — 2,54 *м*, а пролета свода — 3,5 *м*, потому что свод имеет подковообразную форму и пяты свода отступают от плоскости стен с каждой стороны сантиметров на двадцать, образуя по верху стен горизонтальные полочки-заплечики. Из-за такой формы свода при небольшой высоте несущих стен получилось высокое (шестиметровое) помещение.

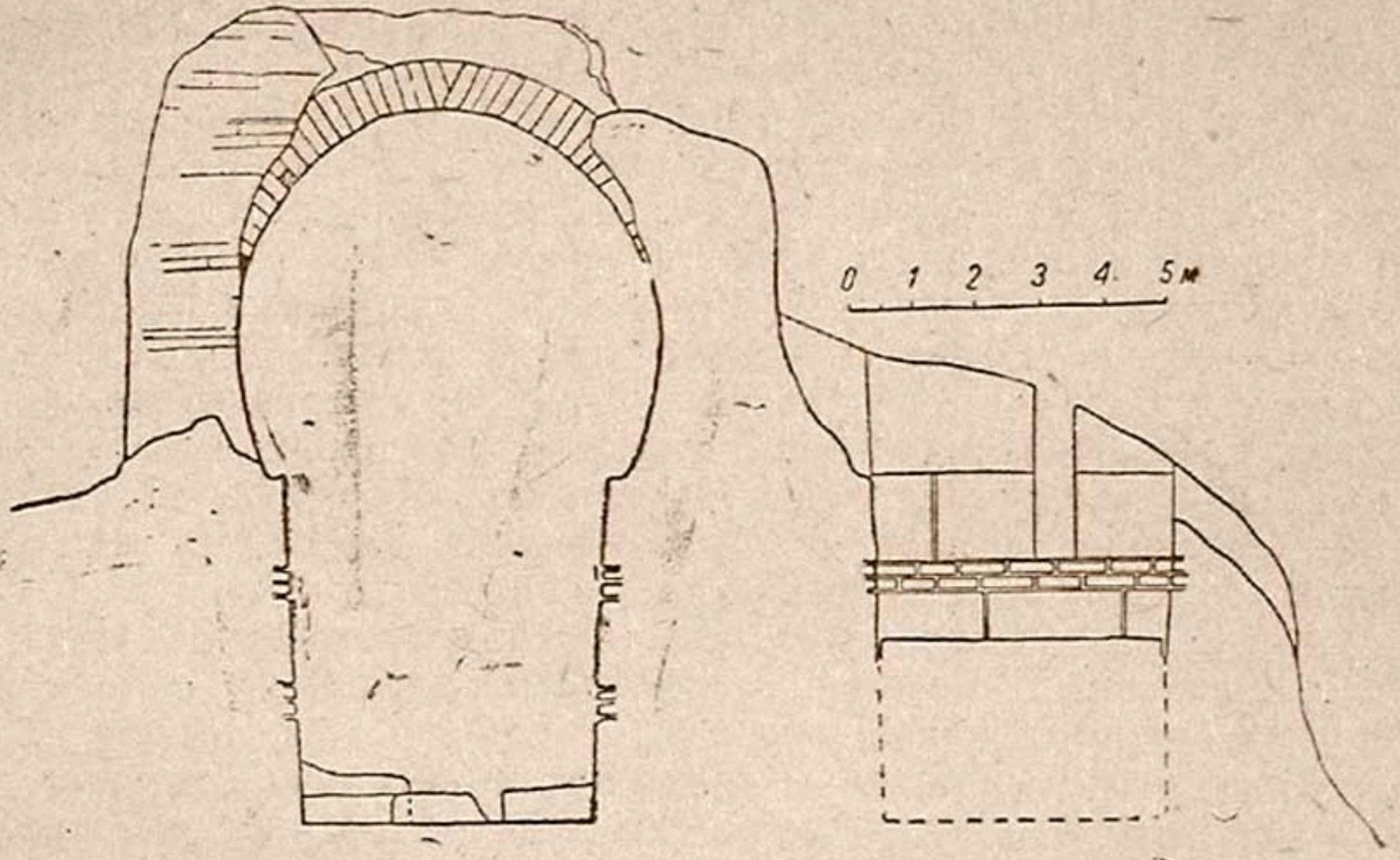

Рис. 4. Общий вид свода.

Интересна и техника кладки свода. Он был по длине помещения разбит на отдельные отсеки по 1,40 *м* каждый. Судя по сохранившимся частям, отсеки выкладывались в технике клинчатой кладки, но в некоторых отсеках, где оболочки сводов над соседними помещениями сливались между собой, применялся «ложный свод» (т. е. оболочка выкладывалась горизонтальными рядами кирпича), а в верхней части — опять клинчатая кладка. Такая техника требовала применения кружал, и в Тешиктепе, очевидно, каждый отсек свода выкладывался отдельно, по передвижным кружалам, установленным на заплечины стен.

Своды выкладывались на глиняном растворе из того же сырцового «античного» кирпича квадратной формы, из ко-

торого выкладывались арки над дверными проходами. Он же применялся для расслаивания рядов пахсы в стенах. Вверху оболочка свода имела толщину в один кирпич.

Даже небольшой объем раскопочных работ на Тешиктепе приводит к некоторым выводам и предположениям относительно архитектурной деятельности древних среднеазиатских мастеров. Если сравнить планировочно-композиционные свойства и строительные конструкции, применявшиеся при возведении вскрытой группы помещений с соответствующим материалом из других древних сооружений, то можно найти отдельные черты, присущие только нашему памятнику и типичные только для того времени.

Так, группа больших очень высоких сводчатых помещений, имеющая главенствующее значение, характерна только для Тешиктепе. Обычно такие помещения даже в крупных сооружениях выполняли второстепенную роль. Можно назвать большое количество примеров, где сводчатые помещения не являлись главной частью жилых зданий. Таковы например помещения варахшского дворца и цитадель, жилые дома древнего Пянджикента, сельских поселений в различных районах Средней Азии. Везде главенствующее положение, связанное с парадным назначением помещений, занимали большие и широкие залы, перекрытые плоским покрытием на деревянных балках. Такие перекрытия часто поддерживались резными деревянными колоннами и были внутри богато декорированы.

Правда, большинство памятников, с которыми мы сравниваем сводчатые помещения Тешиктепе, относится к более позднему времени — V—VIII вв. (эпохе, когда на смену патриархально-рабовладельческому обществу приходит нарождающийся феодализм), но дело в том, что структура небольших жилых сооружений предшествующей поры на территории Средней Азии почти не известна. Раскопки Тешиктепе близ Ангора — первая попытка выяснить эту структуру. Поэтому сейчас трудно судить, является ли особенность размещения комнат типичной и для других среднеазиатских сооружений того времени. Можно только предполагать, что в южных районах Средней Азии такой прием мог быть довольно широко распространен, так как активные культурные связи с центральноазиатскими областями поздней Парфии и раннесасанидского Ирана могли привести к появлению таких сооружений.

Дворцы в Хатре (I—II вв.) и Фирюзабаде (III в.) — общеизвестные примеры больших сводчатых сооружений — могут рассматриваться как определенный прототип.

Характерно, что каменные полуциркульной формы своды дворца в Хатре выложены также клинчатой кладкой, в чем не без основания многие исследователи видели связи с римской архитектурой.

Подковообразная форма свода Тешиктепе, которую можно было осуществить только в кружальной клинчатой технике кладки, необычна для древней среднеазиатской архитектуры. Принято считать, что в сырцовой среднеазиатской архитектуре был наиболее распространен коробковый свод эллиптической формы, выкладываемый без кружал, «отрезками». В литературе существует довольно твердое мнение, что «кладка поперечными отрезками в древнем строительстве Средней Азии является основным и общепринятым возведением сводов»[2].

Сейчас на основании наблюдений на Тешиктепе и некоторых других памятниках стало ясно, что такое мнение безусловно верно только для архитектуры VI—VIII вв., а для более раннего времени не может быть категоричным.

На территории современного южного Туркменистана в наиболее древних памятниках — Ясыдепе — был применен «ложный» свод, а в поселении Намазгатепе — свод, выложенный отрезками. Оба памятника относятся к III—II тысячелетию до н. э.

В погребальных камерах Новой Нисы, построенных в I в. до н. э., имеются своды, выложенные клинчатой кладкой, и своды, выложенные отрезками. В постройках II—III вв. н. э. Дурнали применены своды клинчатой кладки, а в Чильбурже — клинчатой и отрезками.

В развалинах Хораба-Кашук (V—VI вв.), отождествляемых с остатками древнехристианского храма, своды были выложены техникой клинчатой кладки. И хотя мы сомневаемся в правильности датировки двух последних памятников[3] и даже склонны Чилтбурж и Хораба-Кашук в этом отношении поменять местами, все же до VI в., времени становления феодальных отношений на севере древней Парфии, в основном своды были клинчатые, а также выложенные отрезками.

---

[2] В. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии, Сб. «Архитектурное наследство», № 3, М., 1953, стр. 16.

[3] Сведения о технике кладки сводов и датировка памятников Южного Туркменистана заимствованы из кн. Г. А. Пугаченковой «Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма», М., 1958, стр. 14, 52, 68, 127.

В наружных крепостных стенах городища Джанбаскала, существовавшего в IV в. до н. э. — I в. н. э. своды над нишами с бойницами выложены методом отрезков из специального трапециевидного кирпича[4].

В крепости Аязкала, относящейся к I—X вв., применен двойной свод, причем нижняя оболочка выложена отрезками и является как бы постоянной опалубкой для верхней, выложенной в клинчатой кладке. Здесь же имеются своды, выполненные только клинчатой техникой[5].

Во дворце Топраккала своды выполнены отрезками из трапециевидного кирпича[6].

В здании Барак-там-1 (IV—V вв.) применены своды разной формы и разной техники кладки: здесь имеются своды отрезками, двойные и одинарные клинчатой кладки[7].

Для районов Ферганы, долины Зеравшана, Кашкадарьи, Чирчика и Ангрена структура сводов, построенных ранее V в., еще неизвестна.

На востоке Северной Бактрии, в долине Вахша, известны развалины античной крепости Куштепе, где свод над внутристенным коридором был выполнен из трапецеидального кирпича методом отрезков[8].

Для западных районов Северной Бактрии наиболее характерным является описываемый свод Тешиктепе.

Все рассматриваемые примеры свидетельствуют, что в древней архитектуре Средней Азии в эпоху крупных рабовладельческих государственных образований своды, выложенные отрезками, не были единственными. Одновременно существовали «ложные» своды и своды, выложенные в технике клинчатой кладки.

«Ложный» свод выкладывается горизонтальными рядами кирпичей путем постепенного напуска кирпичных рядов во внутрь помещения. Этот наиболее древний прием сводчатых решений применялся на заре монументального строительства. К II—I тысячелетию до н. э. относится и появление сводов, выложенных отрезками, которые не без основания исследователи архитектуры считают наиболее древними. Имеются примеры применения таких сводов в архитектуре

---

[4] В. Воронина. Указ. соч., стр. 26, рис. 32.
[5] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 104, рис. 41.
[6] В. Воронина. Указ. соч., стр. 19, рис. 17.
[7] Е. Е. Неразик, М. С. Лапиров-Скобло. Раскопки Барак-там-1 в 1956 г., Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954—1956 гг., М., 1959, стр. 88—89.
[8] В. А. Литвинский. Предварительный отчет о работах Хуталь-ского отряда в 1954 г., Труды АН ТаджССР, т. XXXVII, 1958.

Древнего Египта (Рамессеум) и в Ассирии (дворец Саргона в Дур-Шарукине).

Характерно, что появление сводов, выложенных отрезками, в Средней Азии (Намазгатепе, конец II — начало I тысячелетия до н. э.) по времени примерно совпадает с применением этих сводов в Египте, в дворцово-храмовых комплексах XVIII династии. Видимо, можно говорить об одновременности появления такой техники кладки сводов на Востоке, что объясняется общими своеобразными природными условиями. В дальнейшем своды, выложенные отрезками, стали широко распространяться по всему Переднему и Среднему Востоку.

Своды, выложенные техникой клинчатой кладки, существовали в среднеазиатской архитектуре в первые века до и после новой эры, т. е. во время наиболее активного проникновения в местное зодчество приемов античного мира; наиболее распространена эта техника кладки в южных областях Туркменистана, Узбекистана — территории, наиболее активно связанной с государственными образованиями эллинистического типа.

Вполне возможно, что клинчатые своды в Средней Азии были данью эллинистическим традициям. В архитектуре южных районов, где часты видоизмененные античные базы и капители колонн, антефиксы, акротерии и прочее, применялись и некоторые технические приемы античного, скорее даже римского, зодчества. Одним из таких технических приемов и была клинчатая кружальная техника возведения сводов. Но в условиях Средней Азии, где основным строительным материалом был сырцовый кирпич, а не камень, и где лес для кружал был дорог, клинчатая кладка, присущая каменным сводам, не была прогрессивной и с VI в. перестала существовать. С этого времени применяется только очень рациональная местная техника бескружальной кладки сводов отрезками. Из-за того, что в раннефеодальных постройках количество помещений, перекрываемых сводами, неисчислимо возросло, этот метод получил много разных локальных воплощений.

Выложенные наклонными отрезками своды VI—VIII вв. явились той основой, на которой уже в средние века развилась техника создания изумительных куполов и сводов— неотъемлемого элемента среднеазиатских построек. С VI в. кружала применяются только для кладки арок над проходами и для подпружных арок, где безкружальная техника кладки невозможна. Поэтому если своды над помещениями в постройках VI—VIII вв. имеют традиционную повышен-

ную эллиптическую форму (что связано с техникой их возведения без кружал), то очертания арок над дверными проходами более разнообразны.

В расположенных недалеко от Тешиктепе постройках новой эпохи,— Зангтепе, Балалыктепе, Джумалактепе,— имеющих повышенные эллиптические своды отрезками, сохраняются по традиции арки над дверными проемами, по своей форме и методу возведения очень похожие на арки ранее построенного Тешиктепе.

Безусловно, все наши выводы имеют предварительный характер и дальнейшие исследования сооружений среднеазиатской античности пополнят знания о структуре, композиции и технике строительства новыми материалами.

Д. П. ВАРХОТОВА

ТАКЪЯНТЕПЕ

В 1960 г. во время осеннего полевого сезона Кувинским археологическим отрядом, наряду с раскопками на городище Кува, было проведено обследование Такъянтепе (рис. 1). Оно расположено примерно в 3 *км* на юго-запад от райцентра Кува, на землях колхоза им. Карла Маркса. Тепе имеет форму неправильного пятиугольника с выступающими углами, которые были, вероятно, оформлены башнями. С северной стороны оно более крутое и более пологое к югу. Общая высота его от подножья 6 *м*.

В древности тепе, видимо, являлось укрепленным замком феодала — кешком. Вход был с запада, где сохранились остатки предвратных сооружений в виде оплывов, между которыми и в настоящее время имеется довольно широкий проход. Здесь в обрывах и срезах видна кладка кирпича-сырца размером 37×23—25×8 *см*. На тепе была проведена зачистка с южной стороны, где оно частично разрушено (землю брали на изготовление кирпича). В разрезе четко проступают остатки кирпичной кладки, которая стоит на сплошной пахсовой платформе; поверх кладки — завал из гравия, кусков пахсы и обломков кирпича-сырца. На вершине тепе была заложена небольшая траншея 2×7×1 *м*.

В результате обследования обнаружен сплошной завал из гравия и обломков пахсы. Очевидно сохранилась лишь платформа, на которой стоял замок. Можно предположить, что сооружена она была следующим образом: по периметру пятигранного основания из битой глины были возведены стены, внутреннее же пространство заполнено гравием и строительным мусором, и уже на этом высоком стилобате воздвигнуто само здание кешка. Археологические находки представлены небольшим количеством керамики (рис. 2). Часть ее очень хорошего качества с тонким черепком, красным или коричневым ангобом и лощением. В основном это низкие чаши с перегибом корпуса и широкогорлые не-

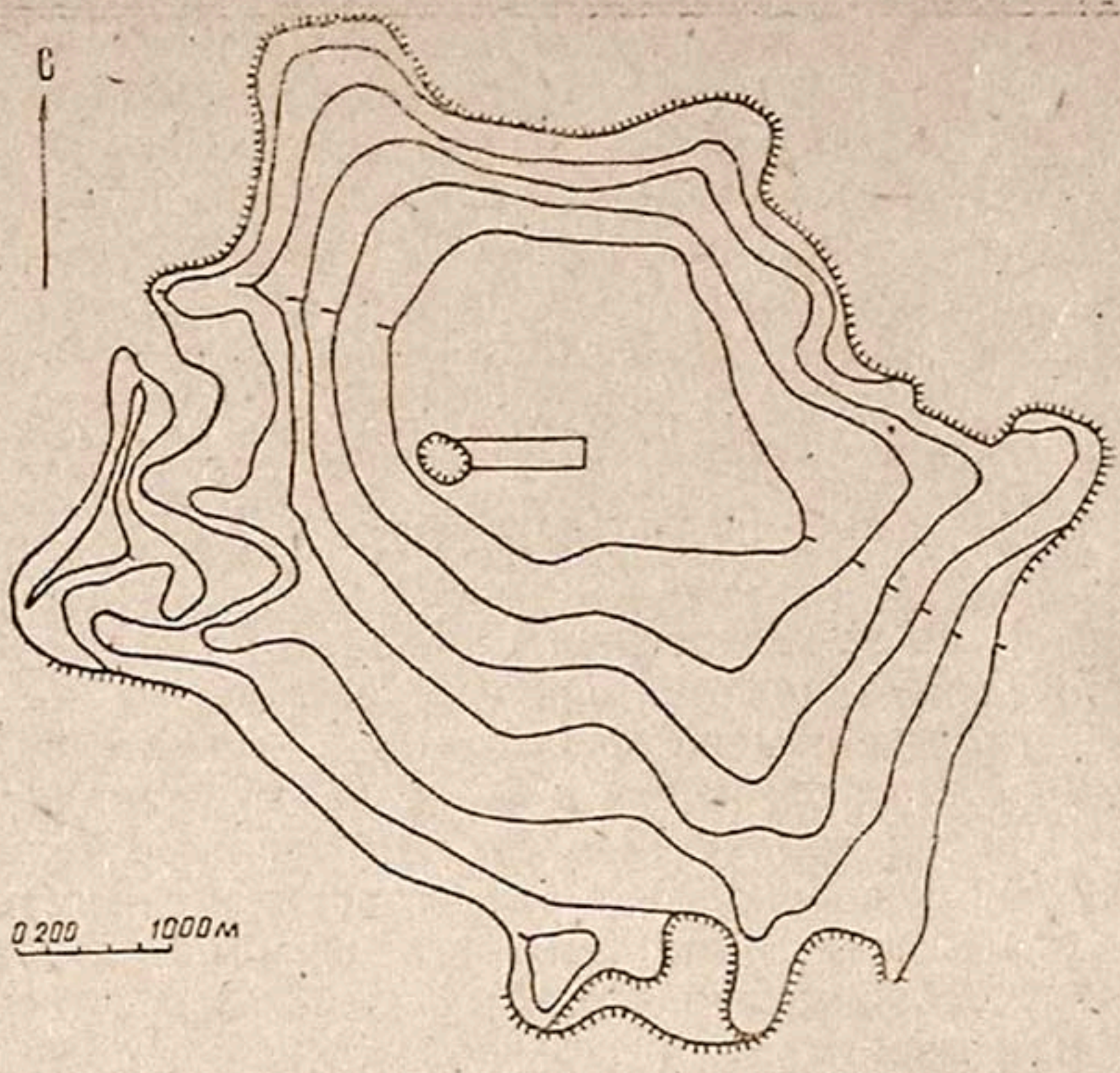

Рис. 1. Схематический план Такъянтепе.

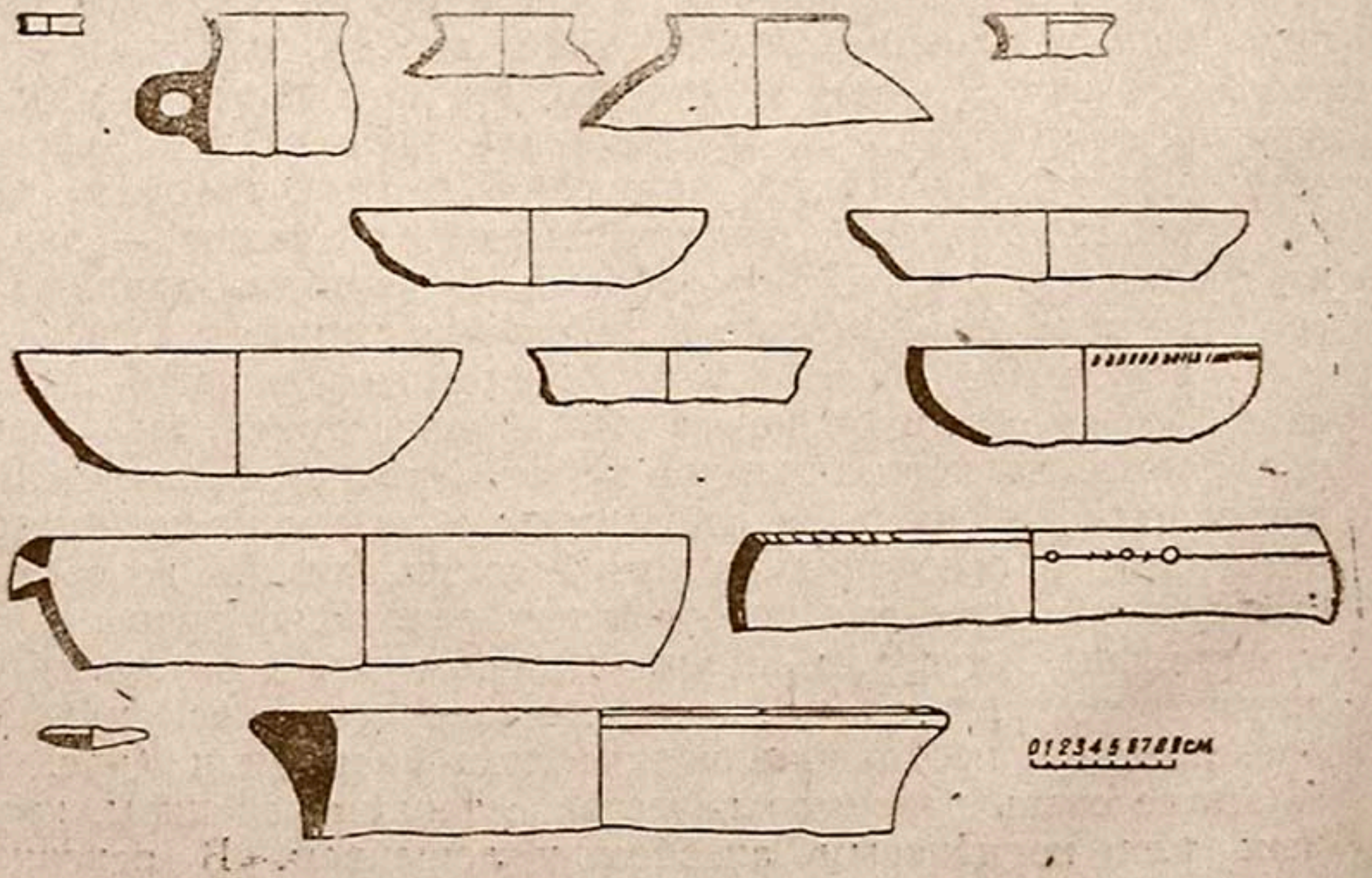

Рис. 2. Керамика Такъянтепе.

большие кувшины без ручек с округлым туловом. Они часто орнаментированы по тулову и плечикам, но более темной или коричневой каймой ангоба. И чаши и кувшины такого типа довольно характерны для Ферганы I в. н. э. Они были отмечены уже в 30-х годах Б. А. Латыниным при археологических работах на реке Нарын[1], на трассе БФК[2] и целом ряде других памятников первых веков нашей эры, хотя чаши подобного профиля бытуют до раннего средневековья.

Из керамики ручной лепки следует отметить низкие, довольно толстостенные миски из глины с дресвой и шамотом, покрытые красной краской, реже кремовым ангобом. Диаметры венчиков различны — от 18 до 34 *см*. Они часто орнаментированы по венчику и верхней части стенок косыми насечками или процарапанными полосками, на которых держатся небольшие плоские круглые глиняные налепы. Иногда чаши имеют носик-слив. Подобные миски отмечал А. Н. Бернштам в тюркской керамике Кассана[3].

Кружка с выступающей петлеобразной ручкой имеет аналогии с керамикой из курумов Ленинабадской области[4].

Приведенные аналогии дают возможность датировать керамику Такъянтепе II—V вв. н. э.

Таким образом, Такъянтепе можно датировать I—V вв. н. э. Это один из немногих обследованных памятников этого времени в Кувинском районе. Период I в., отмечал Бернштам[5], был для Ферганы порой экономического расцвета и оставил после себя большое количество памятников, среди которых очень много небольших тепе — развалины укрепленных замков феодалов, а также городищ или могильников, которые ждут своих исследователей.

---

[1] Б. А. Латынин, Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын, Изв. ГАИМК, вып. 110, М.—Л., стр. 143, рис. 113.

[2] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве БФК, Труды Института истории и археологии, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 12, табл. I.

[3] А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, 26, М.—Л., 1952, стр. 241, рис. 100.

[4] Б. А. Литвинский, Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г., Труды Института истории, археологии и этнографии Таджикской АН ССР, т. CIII, Душанбе, 1959, стр. 123, рис. 7.

[5] А. Н. Бернштам, указ. соч., 221.

С. К. КАБАНОВ

РАСКОПКИ НА ШОРТЕПЕ БЛИЗ КАРШИ В 1952—1953 гг.

В трех километрах к востоку от Карши находятся развалины древнего поселения, известные под названием «Шортепе» («соляное» тепе). Это название довольно распространено в Каршинском оазисе — так обычно называют тепе, издавна разбираемые для удобрения полей.

Интересующий нас памятник (рис. 1) своими обнаженными серыми обрывами резко контрастирует с зеленым фоном хлопковых полей. В рельефе он двухъярусный — с 16-метровой вышкой в северо-западной части и прилегающей к ней с востока широкой площадкой — двором. Длина памятника по оси северо-запад—юго-восток — 110 *м*, ширина двора —около 100 *м*. Поверхность верхней площадки вышки — 40×30 *м*, площадь памятника — около 0,8 *га*.

Двор в значительной части разобран на удобрение, в особенности в прилегающей к вышке части, где грунт широкой полосой выбран почти сплошь до уровня окружающей местности. Образовавшаяся впадина с запада обрамлена вертикальными обнажениями вышки, а с востока — наклонной, повышающейся к восточному краю, поверхностью древних наслоений, сохранившихся в высоту до 4 *м*. Против вышки, к юго-востоку от нее, выделяется в рельефе довольно крупный (высотой до 5—6 *м*) останец древних наслоений. По краям местами вокруг двора сохранились признаки стен.

В 1952 г. на Шортепе были проведены небольшие разведочные раскопки[1]. Основной раскоп был заложен в юго-западной части двора, второй — на вышке.

В результате был получен довольно большой комплекс материалов, в том числе три монеты, как теперь установлено, нахшебские, чеканившиеся с семидесятых годов V в.

---

[1] С. К. Кабанов. Археологические раскопки на Шор-тепе близ Карши, Известия АН УзССР, 1954, № 1, стр. 82—94.

по 563—567 гг.[2] В основном раскопе во дворе были замечены признаки гончарной печи — шлак, обожженная земля. Гончарные печи еще мало были тогда известны в научной литературе, поэтому возможность раскрытия такого памятника требовала к себе большого внимания.

Комплекс материалов был настолько своеобразен (например, было обнаружено несколько зооморфных изображений), что желательно было несколько расширить раскопки, чтобы получить дополнительные материалы к характеристике верхней культуры памятника. В 1953 г. работы были продолжены на раскопах, заложенных в предыдущем сезоне.

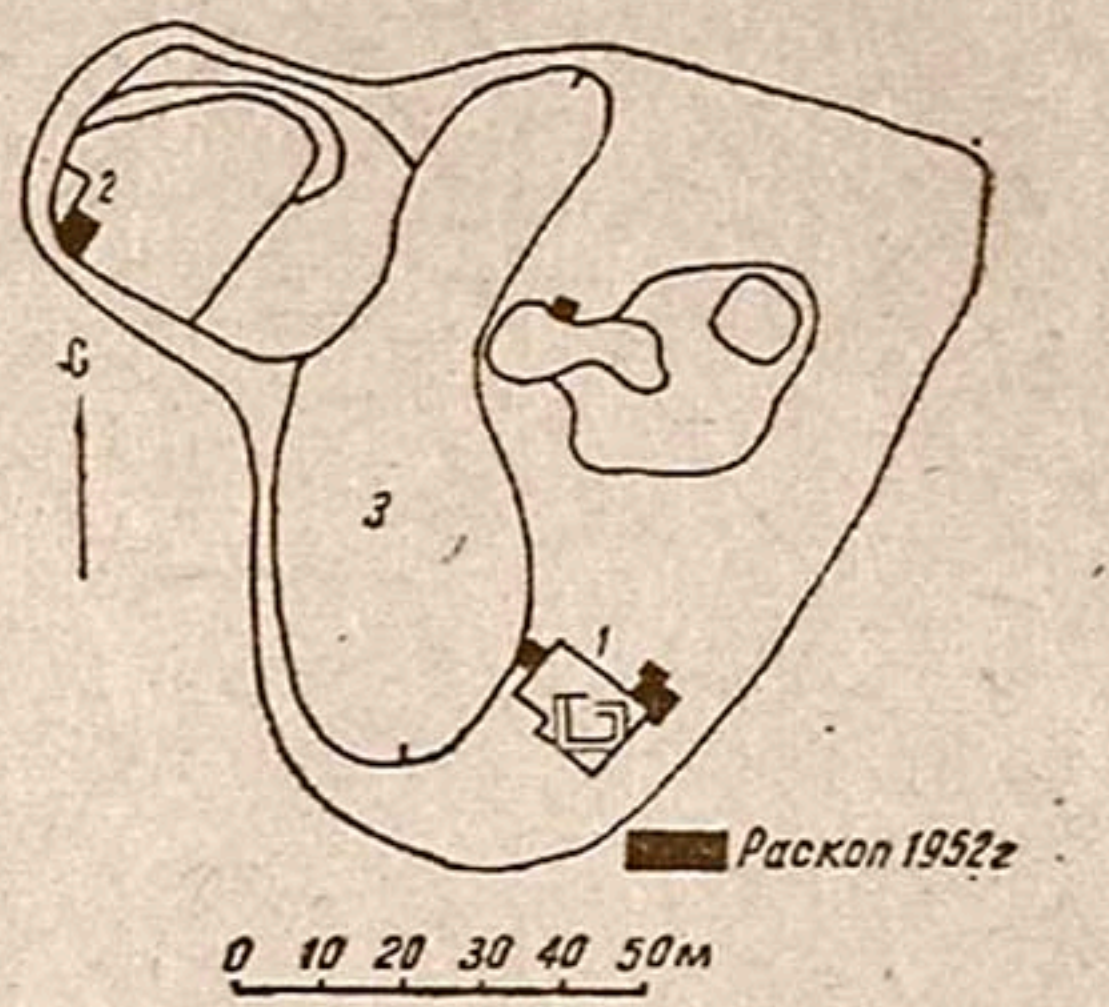

Рис. 1. Схематический план Шортепе:
1—раскоп во дворе; *2*—раскоп на вышке; *3*—ложбина, образовавшаяся в результате выема грунта на удобрения.

Во дворе вскрыта площадка длиной 14 *м* и шириной 8—10 *м*; вся площадь раскопа доведена до 120 *м*^{2}, причем в него вошел почти полностью основной раскоп 1952 г.

Примерно в середине на метровой глубине обнаружился в рыхлом завале край глинобитной стены шириной 75 *см*, проложенной в направлении с запада на восток; сохранившаяся высота ее — 80 *см;* длина—4,75 *м* (рис. 2). При расчистке стены в верхних наслоениях были обнаружены днища двух хумов, закопанных, очевидно, после того как стена уже была разрушена. Севернее на глубине 110 *см* раскрыта другая глинобитная стена, параллельная первой. Она более массивна (толщина 140 *см*), промежуток между стенами — 5,1 *м*. Вторая стена прослежена неполностью, она продолжается дальше к востоку. Это две стены одного здания; при полном раскрытии остатков, может быть, удалось бы восстановить некоторые особенности планировки.

У основания первой стены оказался завал из угля и обожженной земли толщиной до 10 *см*, под которым выявлена ровная обожженная поверхность, продолжающаяся и

---

[2] С. К. Кабанов. Нахшебские монеты V—VI веков, ВДИ, 1961, № 1, стр. 135—143.

под стеной, причем на стене нет никаких признаков воздействия огня. Несомненно, это были остатки гончарной печи, на поду которой была построена стена более позднего здания. Таким образом, в пределах двух метров по вертикали

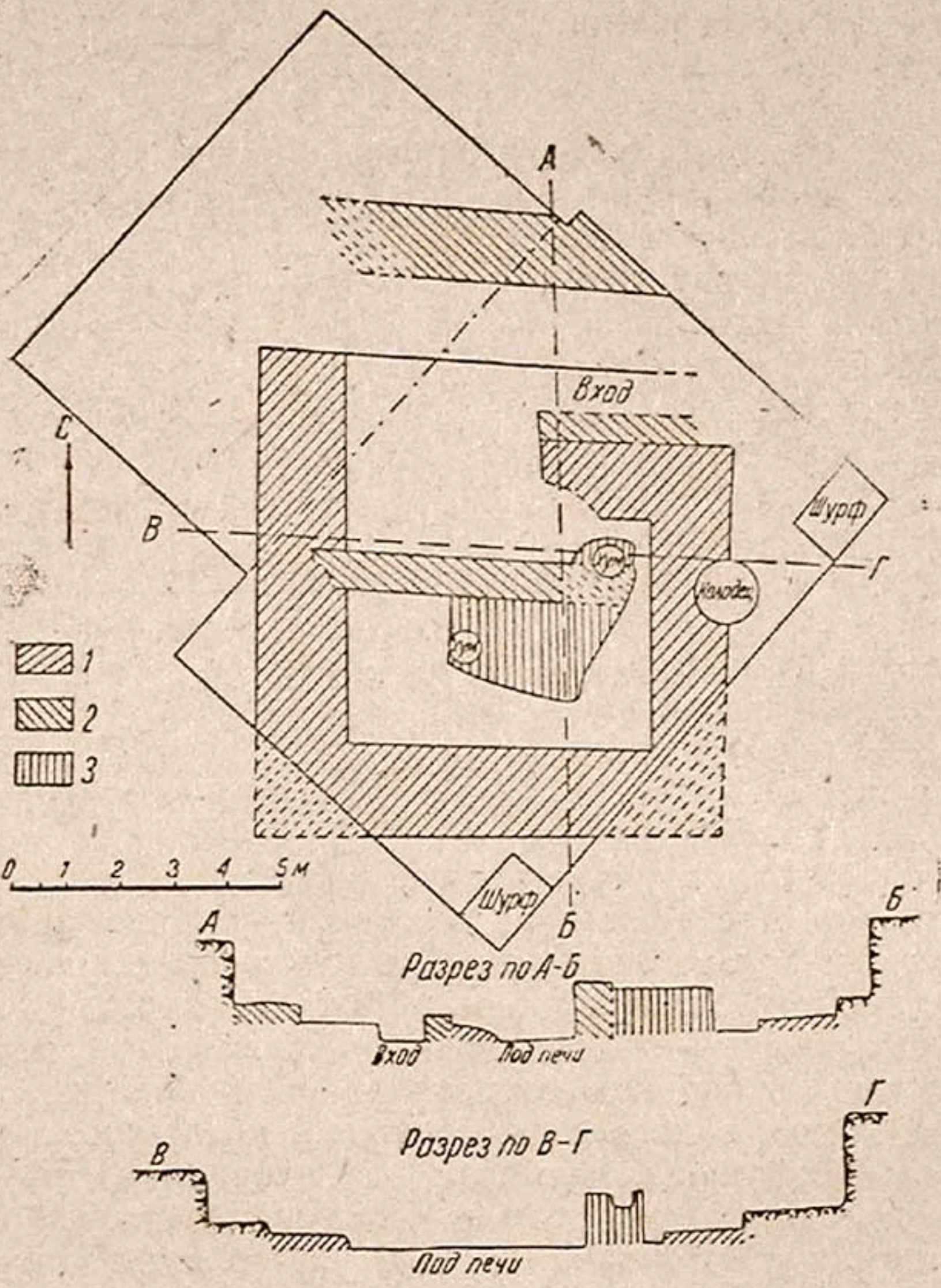

Рис. 2. План и схематические разрезы раскопа во дворе:

1—второй ярус пода печи; *2*—глинобитные стены; *3*—останцы.

наметилось три строительных периода; к древнейшему из них относится гончарная печь, ко второму — глинобитная стена, к третьему — вкопанные в землю хумы (рис. 3, *1*).

При расчистке пода от завала глины, обожженной земли и угля выявилась вертикальная поверхность, как бы ступенька (высотой 25 *см*), замыкавшая под печи, сплошь по-

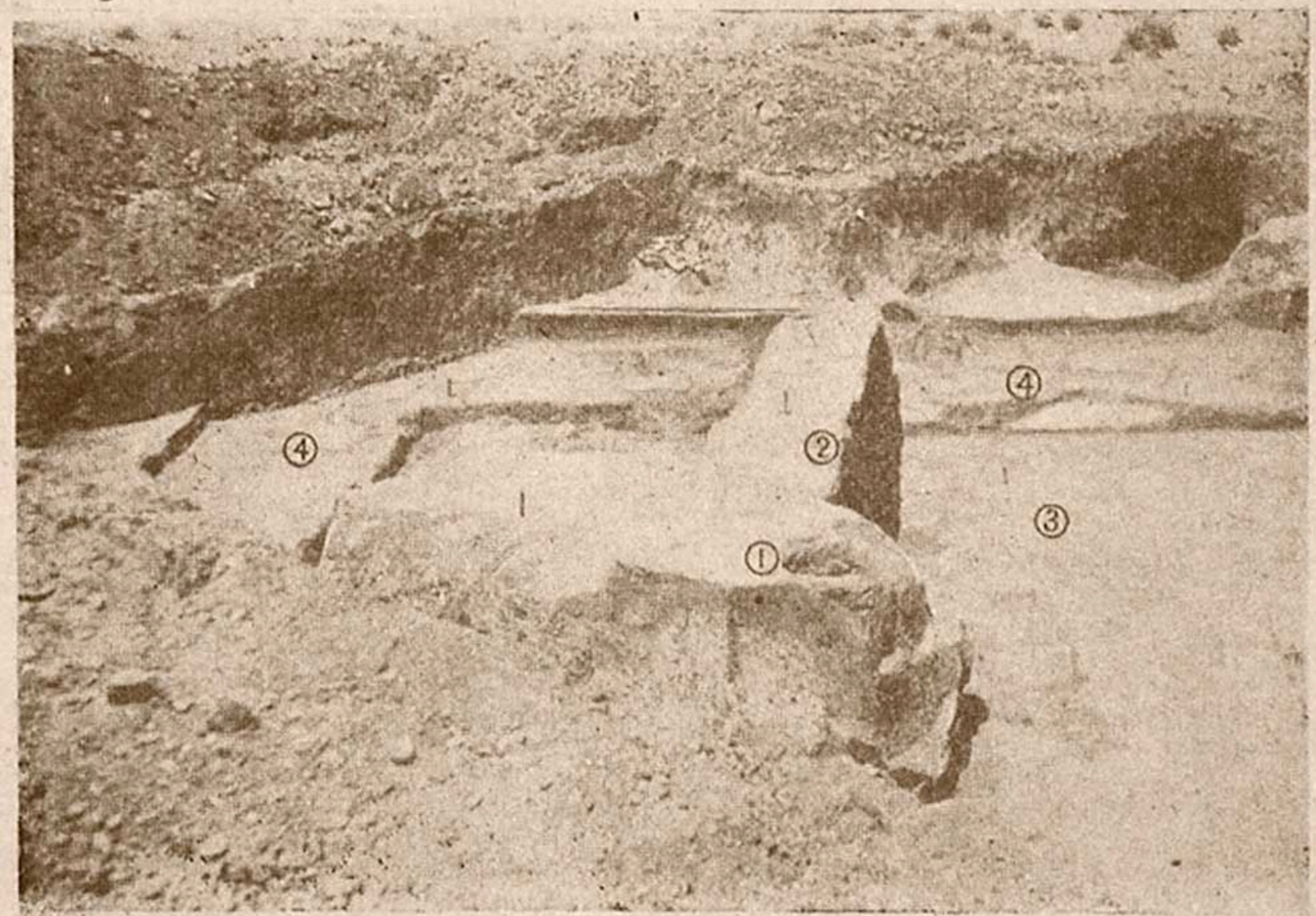

Рис. 3. Раскоп во дворе, вид с востока:

1—остатки хума, вкопанного в землю; *2*—глинобитная стена; *3*—нижний ярус пода печи; *4*—верхний ярус пода печи.

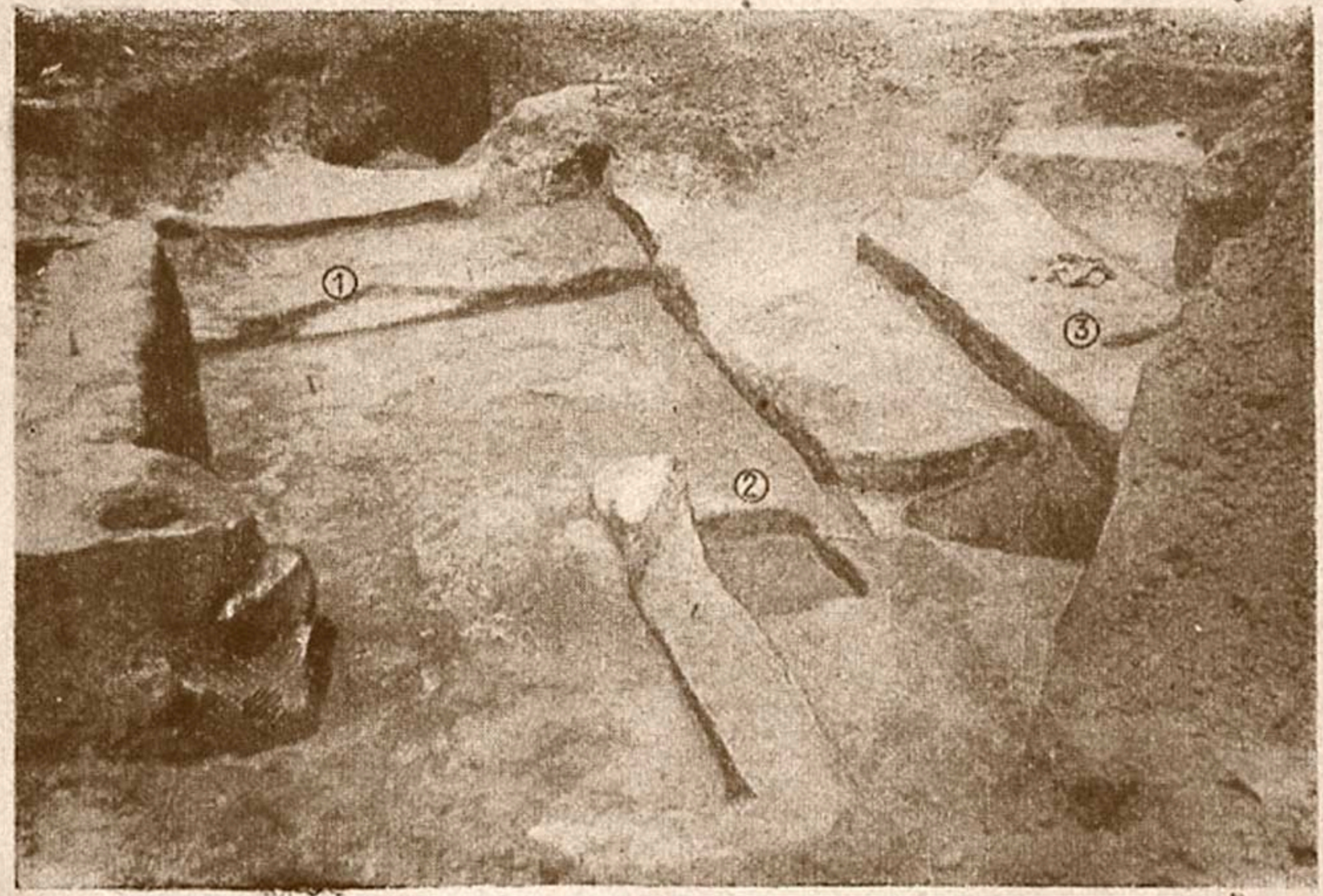

Рис. 4. Северная часть гончарной печи:

1—верхний ярус печи; *2*—входной проем; *3*—глинобитная стена.

крытая коркой обожженной земли. Дальше, на новом уровне, продолжалась шириной 155 *см* площадка (также покрытая коркой обожженной земли), которая завершалась с внешней стороны вертикальной стенкой высотой 30 *см*. Этой стенкой замыкался под печи, точнее — второй ярус пода.

Рис. 5. Юго-восточная стенка раскопа:

1—темно-желтая глина; *2*—обожженная земля; *3*—гумусные прослойки; *4*—фрагменты керамики; *5*—уголь и зола; *6*—раскоп 1952 г.; *7*—лесс с песком; *8*—лесс.

При дальнейшей расчистке восточной, южной и западной сторон пода обнаружена точно такая же двухъярусная поверхность, покрытая двух-трехсантиметровой коркой обожженной земли (с признаками смазывания глиной), окруженная снаружи ровной площадкой. На северной стороне не было полосы второго яруса. С этой же стороны, в северо-восточном углу, был устроен вход в печь, использовавшийся, надо полагать, при ее загрузке (рис. 4).

Стены печи не были обнаружены ни в горизонтальном, ни в вертикальных срезах (рис. 5). Казалось бы, стены были снесены еще в древности, при сооружении здания, остатком которого является глинобитная стена, проходящая почти по середине пода печи. Но дальнейшие наблюдения дают основание полагать, что печь была несколько необычной конструкции.

Обычно гончарные печи состоят из двух отделений — топки и обжигательной камеры, причем чаще обжигательная камера расположена над топкой, иногда, как на Ер-кургане[3], они находятся рядом. Однако план нижней части

---

[3] С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе, ТИИА АН УзССР, Ташкент, 1950, стр. 113—116.

печи восстанавливается полностью и в нем нет места для второго отделения. Можно предположить, что мы раскрыли остатки топки, а выше должна была бы находиться обжигательная камера. Однако под печи настолько велик (9,8×8,7 *м* с северо-восточным углом, где находится вход), что второй этаж не мог покоиться только на глинобитных стенах печи, потребовались бы дополнительные мощные опорные столбы, несущие часть тяжести массивной конструкции обжигательной камеры и обжигаемых изделий. Но если бы такие опорные столбы были, то они неизбежно оставили бы следы хотя бы в виде выбоин на обожженной поверхности пода. Однако совершенно ровная корка обожженной земли, сохранившая даже следы замазки глиной, никаких признаков опорных столбов не имеет. Следовательно, отсутствие признаков стен печи не случайно: это была просто квадратная двухступенчатая яма (глубиной до 80 *см*) для обжига. Такой способ — усложненный способ кострового обжига — в своем примитивном виде сохранялся до недавнего времени у горных таджиков; он описан Е. М. Пещеревой.

«Обжигается посуда также очень примитивным способом, без всяких гончарных печей. Выбирается для этого небольшая ровная площадка и все имеющие посуду женщины сообща убирают с нее камни и чисто выметают ее. Рассчитывая по количеству посуды, обводится граница при помощи камней. Внутри этой границы на землю кладут в несколько слоев (3—5) тонкие, хорошо просушенные лепешки из навоза. На эту подстилку укладывается посуда. В центре ставятся стоймя или кладутся на бок самые крупные предметы, а в промежутках и вокруг них укладываются вещи помельче. Самые мелкие кладутся внутрь крупным...

Когда посуда вся уложена, ее аккуратно закрывают сверху в 5—6 слоев лепешками из навоза, а затем лепешки эти поджигают сразу в разных местах». Огонь поддерживается подкладыванием лепешек из навоза в течение 3—4 часов, «после чего в последний раз кладут их толстым слоем и дают им прогореть до тла, на что уходит еще пять-шесть часов»[4].

Итак, на основании вскрытых остатков печи и приве-

---

[4] Е. М. Пещерева. Гончарное производство у горных таджиков, ИСАГО, т. XIX, Ташкент, 1929, стр. 29. Подробное описание обжига см. в ее же работе «Гончарное производство Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 40—43.

денных этнографических данных можно восстановить процесс обжига в шортепинской печи.

Невозможно, чтобы обжигаемые предметы ставили в середину печи, так как в этом случае, во-первых, топливо нужно было бы укладывать выше — на второй ярус пода и тогда значительно уменьшилось бы полезное действие огня; во-вторых, для доброкачественного обжига необходимо было бы добавлять топливо, накладывая его поверх обжигаемых изделий, но этого в процессе обжига невозможно сделать, так как топливо нужно перебрасывать через пламя. Поэтому вероятен следующий способ обжига. Загружали печь посудой и топливом через вход, находящийся в северной стороне. Верхний ярус пода, предварительно устлав плотным топливом, уставляли посудой. Затем на нижний ярус пода, занимающий большую часть печи, наваливали топливо. Немного топлива, быть может, только до уровня верхнего края ямы, накладывали и на посуду. Эту груду топлива в безветренный день и зажигали сразу в нескольких местах. В случае, если топлива оказывалось недостаточно, его можно было подкладывать охапками на середину или осторожно накладывать сверху и таким образом все время поддерживать пламя, необходимое для обжига.

Итак, раскрыта гончарная печь в виде двухъярусной, почти квадратной ямы, нижний ярус которой предназначен для топлива, верхний — для керамики. Таким способом обжигались, по-видимому, только толстостенные сосуды лепной работы, прежде всего котлы, в которые могли вкладывать при обжиге более мелкие сосуды.

Других предположений о назначении описанного сооружения мы пока сделать не можем. В пользу того, что это была именно гончарная печь, можно привести еще и тот факт, что в наслоениях были обнаружены куски гончарного шлака.

В восточной части раскопа была обнаружена круглая яма диаметром 120 *см,* прорезавшая ступеньку печи и часть второго яруса ее пода. При расчистке выяснилось, что это колодец, вырытый в последний период существования поселения, так как в нем была найдена керамика, подобная керамике верхних слоев. На глубине 3,33 *м* от пода печи (5,33 *м* от поверхности тепе) показалась вода.

Для исследования слоев, подстилающих гончарную печь, в северо-восточном и юго-восточном углах раскопа были заложены небольшие шурфы, в которых материковый лесс выявлен на глубине 4,5—5 *м* от поверхности. В отложениях, вскрытых в шурфах, обнаружен плотный лесс и

прослойка органических остатков с небольшим содержанием малохарактерной керамики.

Был расширен до 8 *м* раскоп 1952 г. на вышке для получения стратиграфического разреза северо-западной стороны тепе. Но здесь на глубине 225 *см* обнаружена плотная пахсовая кладка; выявить край кладки не было возможности, поэтому раскопки здесь пришлось прекратить. Керамика этого раскопа тождественна керамике верхнего слоя раскопа во дворе.

Рассмотрим комплекс находок, полученных в результате двух полевых сезонов раскопок на Шортепе (здесь отчасти затронуты материалы работ 1952 г., освещенные в предварительном сообщении и других наших статьях).

Основной материал для характеристики памятника был получен из раскопа во дворе, причем наиболее насыщенными были наслоения до метровой глубины; ниже, до уровня гончарной печи, грунт был с незначительным содержанием малохарактерного, но не резко отличающегося от комплекса верхних наслоений материала. Некоторый дополнительный инвентарь получен из раскопа на вышке.

Орудия труда представлены слабо. Жернова ручных мельниц найдены лишь в обломках. Нижние камни жерновов — с выпуклой поверхностью, верхние — с вогнутой. На краю одного из верхних камней обнаружено углубление для рукоятки. Изготовлялись жернова из камня малой твердости — из мелкогалечного конгломерата и сланцев.

Нередки находки пряслиц преимущественно из глины, но встречаются и алебастровые (их размеры: 2—3 *см* высоты, 2,5—4 *см* диаметра). Пряслица различной формы — конические, биконические, кольцевые; одно украшено точечным орнаментом.

Встречены пирамидальные отвесы для ткацкого станка, два из обожженной глины, один — из необожженной[5].

Найдены каменные терки подшестигранной формы, с двумя рабочими поверхностями и плоские, с одной рабочей поверхностью, в виде частей дисков и брусков. Терки изготовлялись преимущественно из песчаника и известняка.

Довольно часто встречались очажные подставки, почти все — в обломках. На относительно хорошо сохранившихся подставках — лишь по одному углублению на боковой поверхности.

---

[5] С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V веках, ВДИ, 1956, № 2, стр. 167.

Из керамики станковой работы наиболее характерными были тонкостенные кувшинчики, встретившиеся нам на ряде памятников Каршинского оазиса[6]. Наиболее типичные и в относительно хорошей сохранности сосуды этого вида попадались на Шортепе.

Рис. 6. Тонкостенные кувшинчики.

Почти целыми оказались два кувшинчика (рис. 6) на узком донышке с полого расширяющимися кверху стенками, что придает нижней их части вид обращенного вниз усеченного конуса, хорошо выраженными плечиками и горлышком, слегка расширяющимся вверху в виде раструба; устье обрамлено профилированным наружу валиком. Сохранились следы ручек, прикреплявшихся в виде скобы к венчику и расширенной части корпуса.

Кувшинчики изготовлены из хорошо промешанной чистой глины, обожжены до красного или розового цвета; ха-

---

[6] С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе, ТИИА АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 100—101, 118—119.

рактерны резко выраженные валики на внутренней поверхности, образовавшиеся при формовке сосуда на стенке. Наружная поверхность тщательно заглажена, иногда встречаются лишь отрезки спиральных царапин, нанесенных тонким острием. Тончайший светло-серый, почти белый

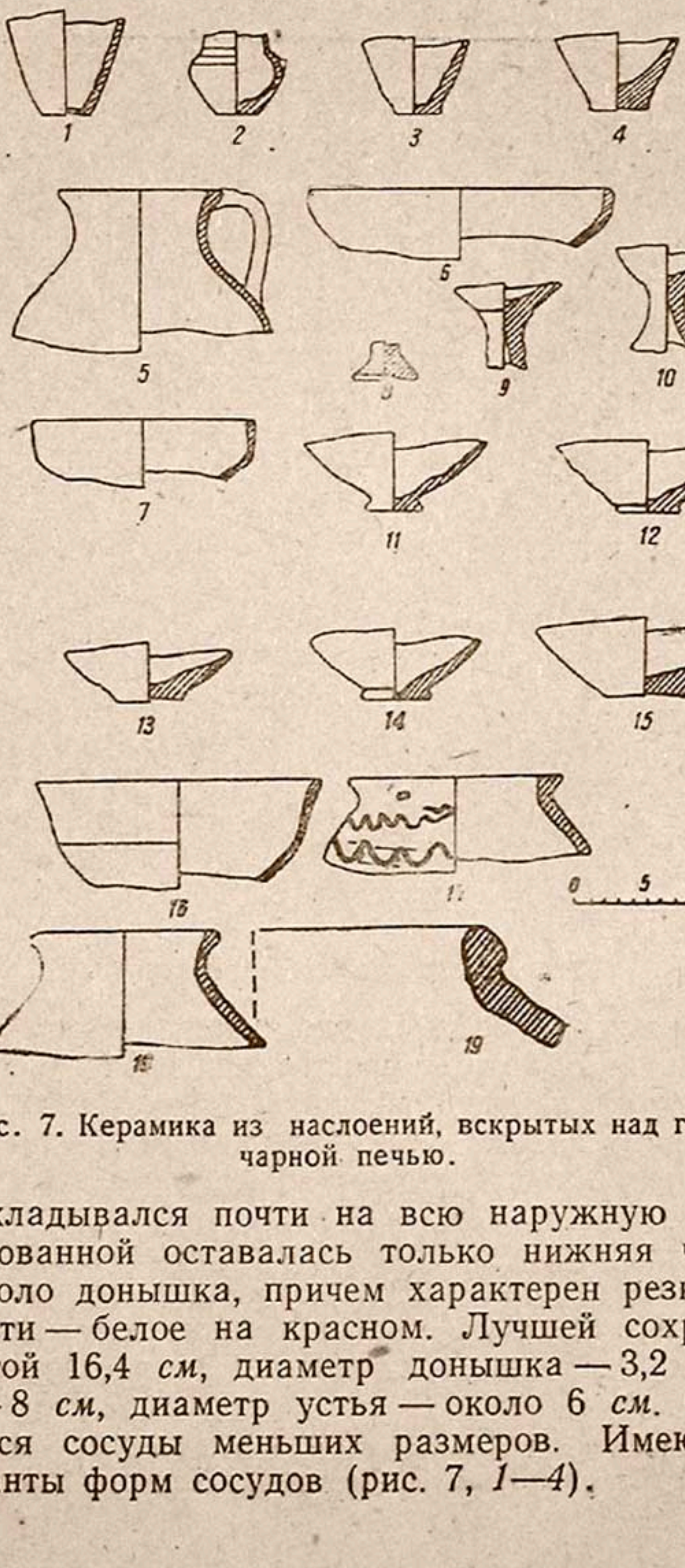

Рис. 7. Керамика из наслоений, вскрытых над гончарной печью.

ангоб накладывался почти на всю наружную поверхность; неангобированной оставалась только нижняя часть стенок сосуда около донышка, причем характерен резкий контраст в цветности — белое на красном. Лучшей сохранности сосуд высотой 16,4 *см*, диаметр донышка — 3,2 *см*, диаметр корпуса — 8 *см*, диаметр устья — около 6 *см*. Очень редко встречаются сосуды меньших размеров. Имеются некоторые варианты форм сосудов (рис. 7, *1—4*).

Найдены фрагменты более крупных кувшинов. Мы можем отметить лишь некоторые особенности их верхних частей: кувшин с суженным горлышком и пластинчатой ручкой, характерной особенностью его является пологий переход от горлышка к корпусу (рис. 7, 5); кувшин из глины красного цвета, покрытый тонким слоем серого ангоба.

На вышке найден крупный фрагмент кувшина с еще более узким горлом (рис. 8), но также с покатыми плечиками; слегка расширенное устье сосуда, частично отбитое, несомненно имело развитый слив. Характерна пластинчатая ручка, не закругленная в виде скобы как обычно, а круто изогнутая под острым углом. Сосуд из красной глины, покрыт серым ангобом. Интересной особенностью сосуда является тамгообразный знак в виде почти равнобедренного треугольника с продолженными и загнутыми против часовой стрелки в виде скоб сторонами, начерченный под горлышком острием после обжига. Подобные знаки характерны для монет самаркандских ишхидов VII в.[7], но генетически, как показала О. И. Смирнова, они связаны не с Согдом, а с Тохаристаном[8].

Рис. 8. Кувшин со знаком.

Из других видов керамических изделий станковой работы наиболее часто встречались чаши на невысоких поддонах с полого расширяющимися стенками и почти вертикальным бортиком (рис. *7, 6—7, 11—14*); форма их больше всего напоминает чаши из Еркургана[9]: как и они, покрыты ангобом различных оттенков — от темно-коричневого до ярко-красного — в зависимости от условий обжига[10]. Дно некоторых чаш почти плоское, слегка вогнутое (рис. *7. 15)*, другие чаши отличаются высокими стенками, отогну-

---

[7] О. И. Смирнова. Монеты Древнего Пенджикента, МИА, № 66, М.—Л., 1958, стр. 219, рис. 5—6.
[8] Там же, стр. 259—260.
[9] С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 г..., стр. 117.
[10] Там же, стр. 118.

тыми наружу (рис. 7, *16*); ангоб также темно-коричневый или красный.

Хумы делались без шеек, однако край устья хорошо профилирован (рис. 7, *19*).

Основная масса материала из Шортепе — фрагменты лепной керамики, прежде всего котлов, сосуды вылеплены из глины с большой примесью шамота, сверху покрыты обычно серым, реже красным ангобом.

Котлы встречены лишь в фрагментах (рис. 9); почти все они с широким корпусом и изогнутыми в срезе стенками корпуса при переходе к суженному устью. Ручки в виде

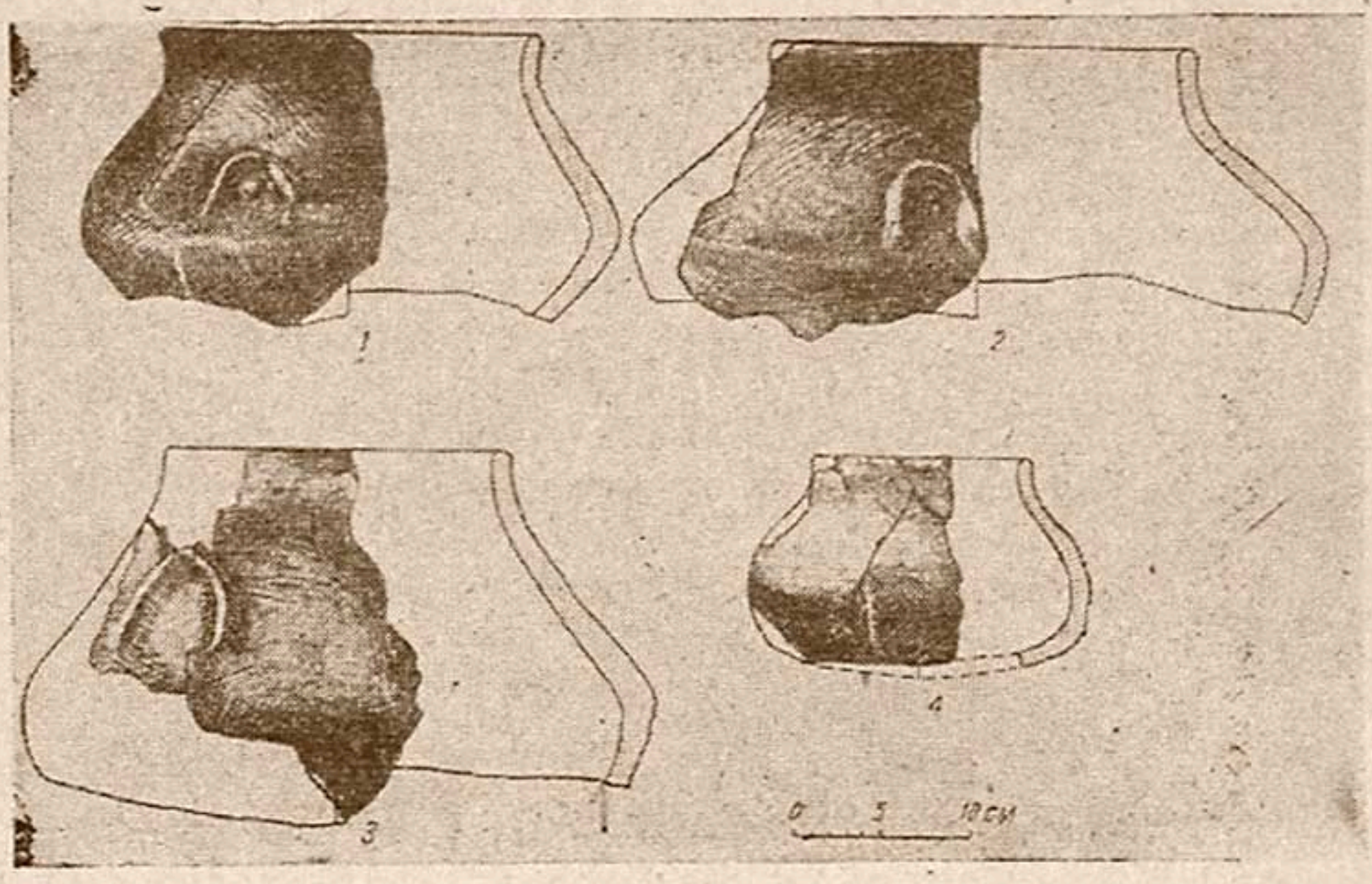

Рис. 9. Котлы лепной работы.

изогнутых полудужием накладных валиков, видимо имевших только декоративное значение. Встречаются ручки и других видов — в виде выступов, а также проушные ручки, из них под одной отмечена вмятина.

Крупные сосуды лепной работы изготовляли в два приема: сначала лепили дно с загнутыми кверху краями и отдельно корпус сосуда с устьем; затем обе изготовленные части сосуда слеплялись — место соединения на наружной поверхности выделяется валиком или ложбинкой. Похожие способы изготовления сосудов еще до недавнего времени существовали в горных долинах Таджикистана[11].

[11] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 25—30.

Крышки для сосудов лепили в виде дисков с верхней поверхностью, украшенной круглыми вдавлениями, нанесенными палочкой, возможно иногда и пальцем; вдавления расположены круговыми рядами или по радиусу. В Каршинском оазисе уже известны находки подобных крышек на Еркургане и Мудинтепе[12]. Крышки вылеплены из глины

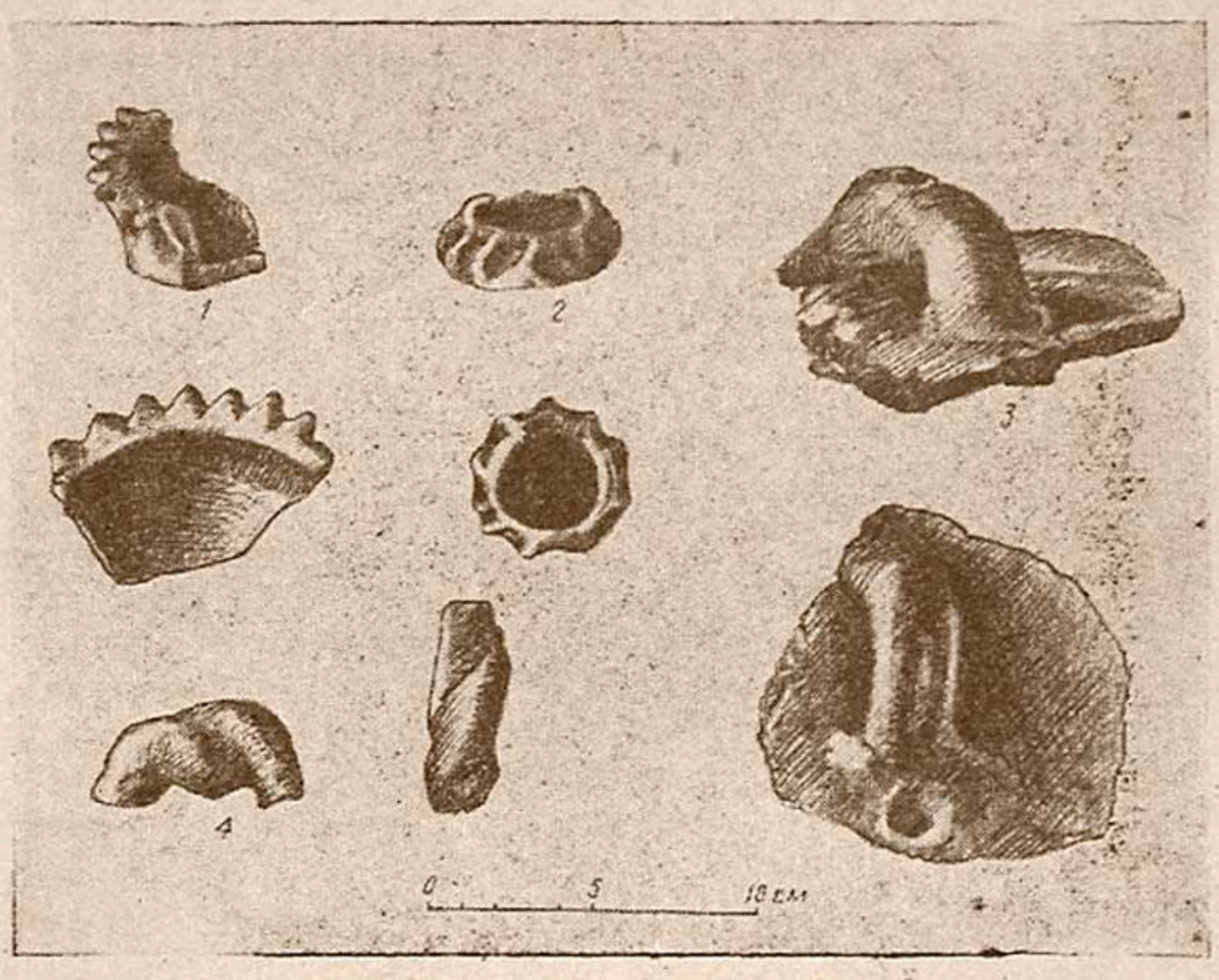

Рис. 10. Сосуды лепной работы (фрагменты и миниатюрный сосуд).

с примесью шамота, покрыты серым ангобом. Толщины крышек — не больше 1,5 *см*, диаметр — 22—26 *см* — соответственно размеру котла; встречаются и крышки более мелкие.

Крышки с ямочным орнаментом встречены и далеко за пределами долины Кашкадарьи: они были найдены на Каунчитепе[13], в Хорезме[14] и низовьях Сыр-Дарьи[15].

---

[12] С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 г.., стр. 97.

[13] Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940, стр. 20; он же, Краткий отчет о работах Янги-Юльской археологической экспедиции, 1937 г., Ташкент, 1940, стр. 31.

[14] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 131.

[15] С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Сб. «Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг.» под редакцией С. П. Толстова и Т. А. Жданко, ТХАЭЭ, т. II, М., 1958, стр. 247.

На Шортепе найдены также обломки курильниц на вертикальных стержнях (рис. 11, *6—7*), один из них — с шиповидными налепами. Привлекает внимание предмет загадочного назначения, у которого сохранилась верхняя часть в виде чаши, а резервуар без дна продолжается и в полом стержне (рис. 11, *5*).

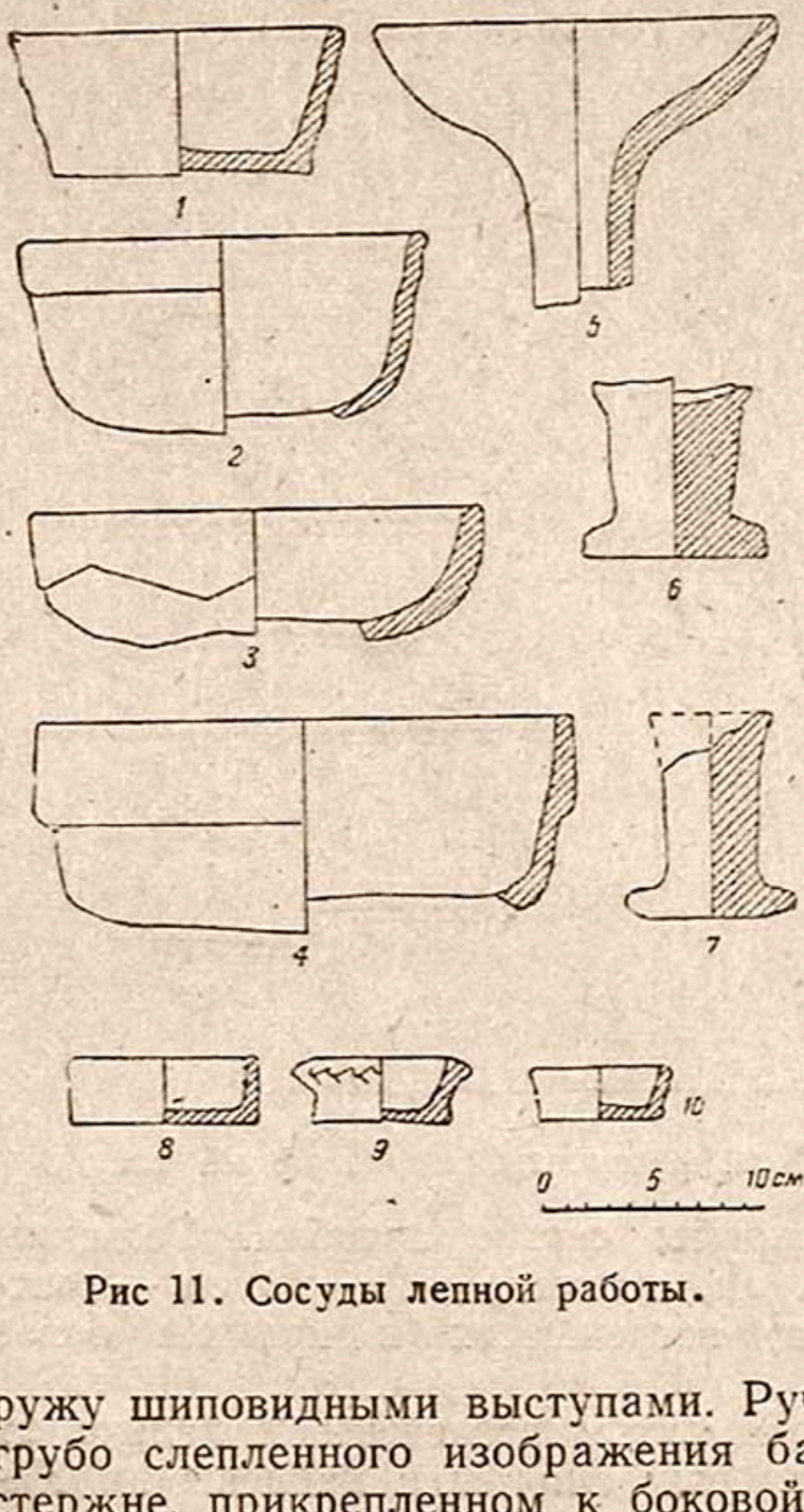

Рис 11. Сосуды лепной работы.

Очень характерны миниатюрные сосуды с закраинами, разработанными в виде шипов (рис. 10, *1*); нередки были находки миниатюрных сосудов с плоскими донцами и вертикальными бортиками (рис. 11, *8—10*), иногда украшенными круглыми или шиповидными налепами.

Из сосудов лепной работы интересны светильники (один почти в полной сохранности). Рабочая часть его — небольшой круглый резервуар диаметром 10 *см* и высотой 3 *см* со слегка наклонными наружу стенками, украшенными по краю устья отогнутыми наружу шиповидными выступами. Ручка светильника — в виде грубо слепленного изображения барана на горизонтальном стержне, прикрепленном к боковой поверхности резервуара. На фрагментах второго светильника также сохранилось лепное изображение барана, но еще с широкой повязкой на шее[16]. Найдены ручки светильника и без зооморфных изображений, проушные и в виде стерженьков.

---

[16] Светильники с зооморфными ручками из Шортепе уже неоднократно публиковались; последняя публикация: С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI вв., СА, 1963, № 1, стр. 227.

Зооморфные изображения довольно часто встречаются в комплексе Шортепе, среди них преобладают изделия грубой лепки прикладного назначения, вроде ручек крышек или светильников. Здесь отметим плохо сохранившееся изображение животного с массивным туловом и цилиндрическими ногами, как у слона; тулово украшено круглыми налепами; возможно, ими хотели показать фалары. Изделие выполнено из глины с большой примесью шамота; как у сосудов лепной работы, ангоб серый.

Зооморфными изображениями часто украшались предметы непосредственно бытового назначения. Видимо, эти памятники изобразительного искусства отражают магические представления древних обитателей поселения. Однако найдено и несколько предметов, имеющих более самостоятельное значение как памятники изобразительного искусства.

В раскопе во дворе уже на глубине около 50 *см* была найдена круглая каменная (песчаник) подвеска в виде диска со стилизованным изображением джейрана[17]. Изображение искусно выгравировано на плоской поверхности слегка углубленного ромбовидного медальона. С первого взгляда даже невозможно понять, что изображено — настолько невысок рельеф. Лишь при внимательном рассмотрении выявляются не только общие контуры, но и детали. Животное показано в прыжке, в момент отталкивания от земли, с подогнутыми передними и занесенными вперед задними ногами. Тулово тонкое, изогнутое, голова повернута назад, на шее повязана лента. Все изображение в целом сильно вытянуто в высоту.

Загадочно незначение предмета: о том, что диск подвешивался, можно судить по наличию отверстия над медальоном с изображением, но камень довольно тяжел (около 250 *г*) и вряд ли его можно было носить как украшение или талисман. Диаметр подвески 8,5 *см*, толщина в середине — 3,5 *см*.

Другая находка — терракотовая статуэтка на круглой ножке-подставке, изображающая птицу (рис. 12), — обнаружена в обрыве немного ниже пола раскопа на вышке. Статуэтка из красной глины, покрыта как бы внаброс, полосами, белым ангобом. Тулово четко не выявляется, а воспринимается как продолжение подставки, но от него вверх отведена довольно массивная шея, по сторонам — крылья

---

[17] С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V веках, ВДИ, 1956, № 2, стр. 169, рис. 11.

(отломаны), сзади — длинный хвост. Шея увенчана относительно небольшой заостренной головкой, с выступом в виде гребня на темени. Слабо выраженный зоб украшен круглым налепом. Высота статуэтки — 6,5 *см*. Вероятно, это изображение петуха, в зороастрийской религии имевшее, как известно, магическое значение.

Рис. 12. Изображение птицы (терракота).

В раскопе во дворе в 1952 г. было найдено терракотовое изображение человека во весь рост, в царственном облачении[18]. Другая подобная терракота найдена на поверхности — у западной стороны вышки Шортепе в комке глины. Эти терракоты уже описаны[19].

Из предметов украшения интересна довольно крупная бусинка (высота 2,5 *см*, диаметр 2,9 *см*) из египетской (голубоватой) пасты с ребристой поверхностью, довольно крупная (длиной 4,5 *см*) подвеска из камня с отверстием в середине (рис. 13) и три пуговицы — одна каменная, в виде диска с почти плоской верхней поверхностью и две глиняные шаровидные (рис. 13, нижний ряд).

На Шортепе найдено относительно много монет: в раскопе во дворе за два полевых сезона извлечено 10 монет с глубины до 1 *м*, на вышке — две монеты с глубины 1,1—1,2 *м*; во дворе поднята одна монета с поверхности. Из найденных в раскопе во дворе монет четыре оказались спекшимися столбиком в результате окисления и относительно лучше всех сохранились.

Монеты эти уже опубликованы, датировка их приведена выше[20].

---

[18] С. К. Кабанов. Археологические раскопки на Шор-тепе..., стр. 90, рис. 17. Под этим рисунком ошибочно указано, что терракота найдена у западной стороны вышки Шор-тепе; в действительности в указанном месте найдена терракота, изображенная на рис. 18.

[19] Там же, стр. 91—92.

[20] С. К. Кабанов. Нахшебские монеты V—VI веков, ВДИ, 1961, № 1, стр. 135—143.

На оборотной стороне подъемной монеты (диаметр 2 *см*, вес — 2,2 *г*) М. Е. Массон различил всадника вправо. О. И. Смирнова определяет подобные монеты как относящиеся к чекану (или литью) удельных правителей Согда[21].

Основной раскоп во дворе и шурф у останца дал значительный остеологический материал, обработанный И. М. Громовым.

Состав фауны Шор-тепе И. М. Громов дает в сводной таблице:

Таблица

Вид животных	Количество определимых костей	Наибольшее количество особей
Домашние		
Крупный рогатый скот	47	8
Мелкий рогатый скот	109	8
Лошадь	18	8
Осел	5	2
Свинья	8	3
Верблюд	1	1
Собака	1	1
Дикие		
Джейран	3	2
Заяц-песчаник	1	1
Гиена (?)	1	1

Таким образом, он считает, что здесь преобладают домашние животные, а породный состав на основании кухонных остатков, как обычно, установить не удается. Среди крупного рогатого скота, по Громову, преобладала мелкая порода, но имеются остатки двух особей почти в половину крупнее основной массы. Различаются остатки крупной и мелкой лошади; остатки второй преобладают; костей козы, по-видимому, больше, чем бараньих. Дикая фауна также типична для юга Узбекистана. Может быть, только гиена сейчас здесь уже не встречается. И. М. Громов считает, что к дикой фауне, возможно, следовало бы причислить свинью и осла.

Очевидно, в древности обитатели Каршинского оазиса в основном разводили тот же скот, что и теперь — преиму-

---

[21] О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджекента, МИА, 66, М.—Л., 1958, стр. 222, 247—248.

щественно мелкий рогатый. Некоторое место в занятиях населения занимала охота.

Раскопки на Шортепе показали, что этот памятник является развалинами поселения, пережившего довольно длительную и бурную историю. Основной раскоп выявил на глубине 2 *м* три строительных периода: древнейший — гончарная печь; второй — глинобитные стены, из которых одна была построена на поду гончарной печи; третий период — метровый слой от современной поверхности, в котором обнаружены вкопанные в землю хумы; этот слой и дал основную массу описанных материалов, в том числе и все найденные во дворе монеты (не считая найденной на поверхности).

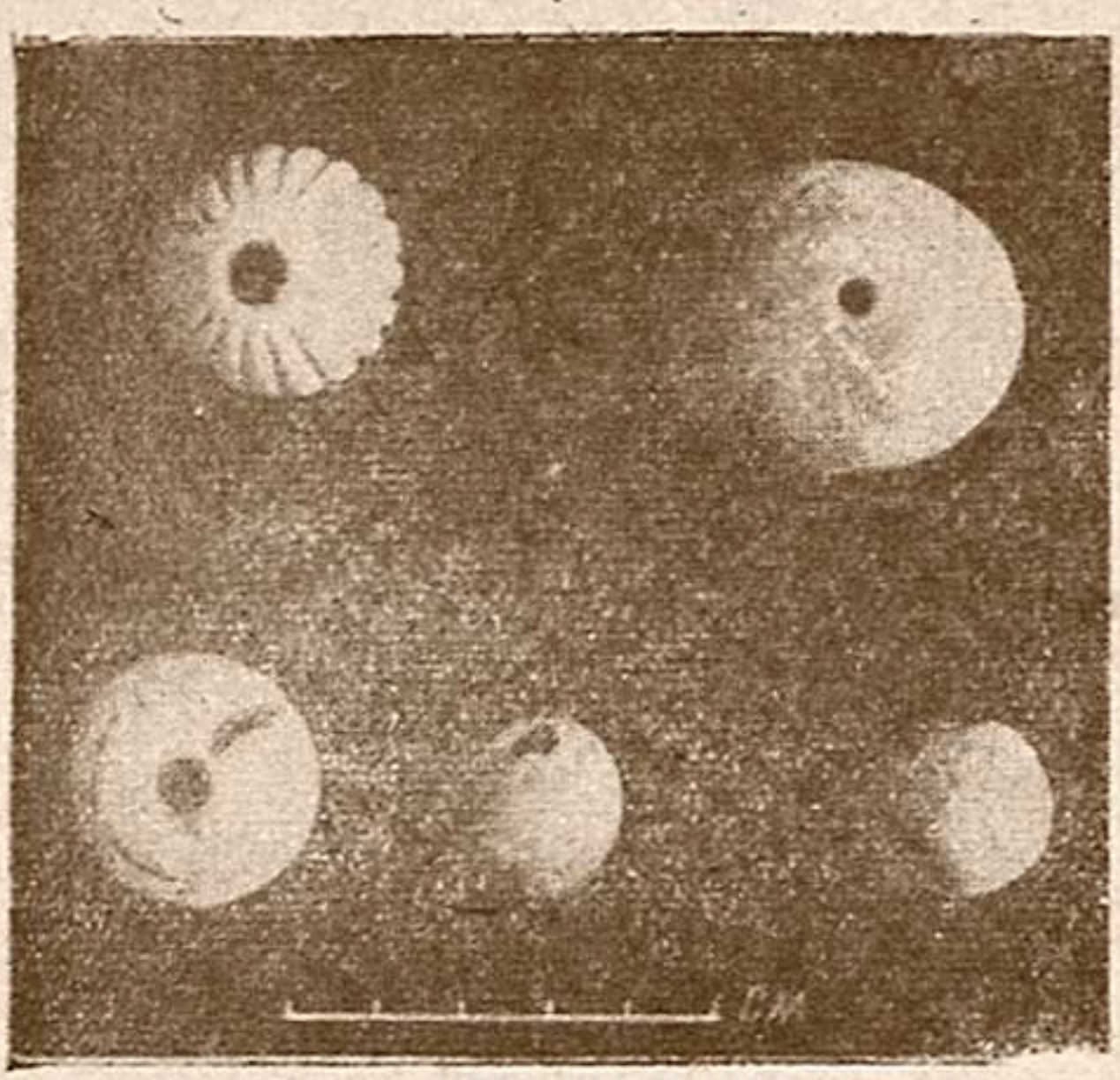

Рис. 13. Бусинка из египетской пасты (вверху слева), каменная подвеска (вверху справа) и пуговицы (внизу).

Монеты позволяют датировать третий слой V—VI вв. Следовательно, гончарная печь относится к значительно более раннему периоду, поскольку к указанному времени успело разрушиться и капитальное здание, построенное на развалинах печи.

По-видимому, Шортепе — это развалины замка, существовавшего на рубеже нашего летоисчисления; признаками древних наслоений являются фрагменты керамики первых веков до новой эры или новой эры (рис. 7, *8—10*).

Весьма важным фактом в изучении истории поселения является наличие мощного слоя (до 2 *м*) органических остатков между вышкой и остатками сооружений в восточной его части. Вряд ли это только скопление бытового мусора. Вполне возможно, что здесь, в наиболее защищенном месте двора, значительная площадь использовалась в качестве загона для скота. Загон этот, видимо, существовал, судя по найденным в нем фрагментам грубой лепной посуды, именно в V—VI вв.

Керамика домашней работы, не характерная для древнего керамического производства местного земледельческо-

го населения и до некоторой степени известная по раскопкам на Еркургане и Мудинтепе, а также загон для скота дают основание полагать, что носителями культуры рассматриваемого слоя Шортепе были скотоводы-кочевники, перешедшие к оседлости и частично занимавшиеся земледелием в V—VI вв. О том, что кочевники не были изолированы от окрестного населения, свидетельствуют находки в тех же слоях керамических изделий ремесленного производства, выполненных в хорошей гончарной технике. Культуру, обнаруженную в верхнем слое Шортепе, если еще нельзя назвать культурой синкретической, то несомненно, что это была культура смешанная. Одна из составных частей этой культуры — изделия ремесленного производства — была привнесена местным земледельческим населением; изделия домашнего изготовления на основе сопоставления археологических и исторических данных предположительно можно отнести к племенам Больших Юечжей (точнее — кидаритов)[22].

---

[22] С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI веках, СА, 1963, № 1, стр. 228—229.

Т. Р. АГЗАМХОДЖАЕВ

БРОНЗОВЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ ТЮЯБУГУЗА

В 1959—1960 гг. в Ташкентской области на правом берегу Ангрена, в зоне затопления Тюябугузского водохранилища, нами было вскрыто 72 курганных погребения катакомбного типа.

Помимо большого количества сосудов в курганах найдены оружие, монеты, зеркала. В кургане № 15 были обнаружены также бронзовые наременные украшения. В этом же захоронении лежал скелет мужчины на спине, головой на северо-восток-восток. С левой стороны скелета, около плеча, стоял кувшин, ручка которого изображает схематизированную голову барана. Тут же лежала одна хорошо сохранившаяся медная монета, которая, по определению В. А. Шишкина, относится к концу VII в. н. э. В области поясничных позвонков найдены 42 бронзовых наременных украшения и одна фигурная бронзовая пряжка. По количеству преобладает щитовидная форма наконечников ремня.

Все украшения можно разделить на восемь видов по форме и на одиннадцать по орнаменту.

Две подвески литые в виде сложного двойного листа с перехватом и прямоугольной петлей с отверстием также прямоугольным для подвешивания (рис. *1*); второе отверстие — сердцевидное — в середине верхней части листа, имеет лишь декоративное значение. Лицевая поверхность выпуклая, сплошь покрыта рельефным орнаментом в виде сложного растительного узора симметричного построения. Весь орнаментный сюжет по краю подвески обрамлен полосой, которая состоит из двух валиков и зерни между ними. Длина подвески — 8 *см,* наибольшая ширина — 3,5 *см.*

Бронзовая пряжка имеет овальную рамку с прямоугольной петлей для крепления к ней ремня (рис., *2*). Рамка с петлей соединена железным стержнем. На широкую сторону петли и прилегающую к ней длинную сторону овальной рамки надет язычок, который сделан из плоской бронзовой

пластинки. В месте крепления язычка пластинка согнута в трубку, а опирающийся на противоположную сторону рамки конец язычка плоский, что придает ему форму вытянутого овала. Короткие боковые стороны петли по отношению к длинной стороне слегка выступают.

Бронзовые украшения.

Щитовидный наконечник (рис., *3*) закруглен с нижней стороны, украшен растительным орнаментом в виде двух пересекающихся изогнутых стеблей с загнутыми внутрь концами; поля заполнены схематическими изображениями еловых шишек. Поверхность наконечника окантована двумя валиками.

Прямоугольные наременные украшения с узким горизонтальным отверстием в верхней части (рис., *4*) по наружной поверхности украшены одинаковым выпуклым растительным орнаментом, состоящим из двух отдельных веток, поднимающихся симметрично с нижних углов к центру.

Щитовидные наконечники (рис., *5*) по форме похожи на вышеописанные, но несколько меньше по размеру и с иным орнаментом — опущенная вниз стилизованная ветка, сверху с очень широким стерженьком и с парой ответвлений в стороны. Нижняя часть ветки раздвоена, концы загнуты в противоположные стороны. В середине стержень перехвачен полукругом с опущенными вниз концами. Поверхность наконечника окантована двумя валиками, промежуток между которыми заполнен зернью.

На щитовидный наконечник ремня с округлой нижней стороной (рис., *6*) нанесен зооморфный орнамент в виде сильно стилизованного изображения головы быка (?), с глазами, переданными завитками, с носом вдоль всего поля подвески, с сильно удлиненными ноздрями и растяну-

тым в стороны ртом; различаются рога и уши. По сторонам орнамент представлен пересекающими линиями.

Наконечники щитовидные (рис., *7*) по форме похожи на вышеописанные, но с иным орнаментом; в верхней и нижней частях расположено по паре пальметок, в центре между ними — ромбовидная фигура. Внизу в закругленной части поверхность заполнена укрупненной зернью.

Наременные украшения сердцевидной формы (рис., *8*) имеют выем вверху, под которым в середине изображена четырехлепестковая розетка; фон ее по обеим сторонам заполнен мелкой выпуклой зернью. Края бляшки утолщены и на наружной поверхности ее образуют раму в виде двойного валика.

Лицевые стороны наконечников ремня украшены рельефными стилизованными изображениями головы фантастического животного (рис., *9, 11*).

Наконечник ремня сердцевидной формы на лицевой стороне имеет рельефное стилизованное изображение головы барана с закрученными внутрь рогами (рис., *10*).

Наконечник ремня укороченной щитовидной формы украшен орнаментом в виде опущенного вниз раздвоенного стебелька с загнутыми в стороны концами и с еловой шишкой в середине (рис., *12*).

На обратной стороне всех украшений (кроме двух больших подвесок) имеется по два шпенька — выступы со шляпками для закрепления к ремню. Судя по точным копиям одного и того же орнамента на бляшках и на наконечниках можно предположить, что формы для отливки были предназначены для массовых изготовлений украшений.

Подвески, подобные нашим, — бляхи с более упрощенным орнаментом (рис. *1*) — найдены в Семиречье[1], Туве[2], Минусинской котловине[3] и в Забайкалье[4]. Такие же под-

---

[1] А. Н. Бернштам. Чуйская долина, Труды Семиреченской археологической экспедиции, МИА, № 14, М.-Л., 1950, табл. XIV, *9*.

[2] С. И. Вайнштейн. Археологические раскопки в Туве в 1953 г. Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. II, Кызыл, 1954, стр. 148, 150, табл. VI, VIII, *9*; А. Д. Грач. Древне-тюркские изваяния Тувы по материалам исследования 1953—1960 гг., М., 1961, стр. 64.

[3] С. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, Л., стр. 57 табл. II, *47*.

[4] Ю. Талько-Грынцевич. Материалы к палеонтологии Забайкалья, Иркутск, 1902, табл. VI—C.

вески изображаются на поясах древнетюркских изваяний Тувы[5].

Наконечники ремня (рис., *3*) щитовидной формы, но с другим орнаментом, или без орнамента, обнаружены на городище Ак-Бешим в Киргизии[6], на горе Муг[7], в Древнем Пянджикенте[8], в районе Самарканда[9] и с антропоморфным изображением — в Той-Тюбе[10].

Наконечники аналогичной формы найдены и за пределами Средней Азии, в могильниках Старой Ладоги[11], Кочергина на р. Немде[12], в Куликовском могильнике[13] и в других местах[14].

Наременные украшения прямоугольной формы с прямоугольным отверстием (рис., *4*) известны также в Древнем Пянджекенте[15], на горе Муг[16], в погребениях в районе Ал-

---

[5] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, МИА, № 24, М., 1952, стр. 83 и след.; А. Д. Грач, Каменные изваяния Западной Сибири и Тувы (к вопросу о погребальном ритуале Тюгю), Сб. музея антропологии и этнографии, т. XVI, М.—Л., 1955, стр. 401, 431.

[6] Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим 1953—1954 гг., Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, вып. II, М., 1959, стр. 225, рис. 7.

[7] И. Б. Бентович. Находки на горе Муг (Собрание государственного Эрмитажа), МИА, № 66, М.—Л., 1958, стр. 370, рис. 5—2.

[8] А. М. Беленицкий. О раскопках городища Древнего Пянджекента в 1956 г. Труды АН ТаджССР, т. XCI, 1959, стр. 9, рис. 8.

[9] В. И. Спришевский. Погребение с конем середины 1 тысячелетия н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека, Труды музея истории народов Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1951, стр. 36, рис. 2, *2*.

[10] М. Е. Массон. Ахангаран, Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953, стр. 52, рис. 28.

[11] С. Н. Орлов, Вновь открытый раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладоге, КСИИМК, 65, М., 1956, стр. 97.

[12] М. В. Талицкий, Кочергинский могильник, МИА, № 1, стр. 160; О. А. Кривцова-Гракова, Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г., Труды секции археологии, IV, Института археологии и искусствознания, М., 1928, стр. 295; Б. А. Рыбаков. Угличи, КСИИМК, вып. XXXV, М.—Л., 1950, стр. 12.

[13] А. Е. Алихова. Куликовский могильник, СА, X, 1948, стр. 283, рис. 12 на стр. 273.

[14] С. А. Плетнева. Подгоровский могильник, СА, № 3, М., 1952, стр. 251, рис. 2, *1*.

[15] А. М. Беленицкий. Указ. соч., стр. 96.

[16] И. Б. Бентович. Указ. соч. стр. 370.

тая[17], на могильнике Узук Усту в Монгу-тайге в Туве[18], в Минусинской котловине[19] и в могильнике около Кочергина на р. Немде[20]. Подобные украшения встречаются среди коллекции мордвы[21], в тюяхтинском кладе[22] и среди находок кочевников в Венгрии[23].

Сердцевидные украшения (рис., *8*), но с другим орнаментом на лицевой стороне, найдены в Киргизии[24]. Район распространения подобных наременных украшений — наконечников ремня и подвесок — охватывает огромную территорию от Венгрии на западе до Южной Сибири на востоке.

Наременным украшением в VII—X вв. придавалось особое значение у многих народностей. Так, непременной принадлежностью костюма у алтайцев VII—X вв. был ременный пояс, украшенный сердечками и привесками[25], а феодалы и знатные люди Мавераннахра отличались от остальной массы населения тем, что носили золотой пояс[26]. Поясные украшения с бляшками у народов Северного Кавказа и Крыма в IV—IX вв. также служили показателем знатности обладателя пояса[27]. Богатый киргиз еще в XIX и начале XX в. опоясывался кожаным ремнем, украшенным серебрянными бляхами[28].

---

[17] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г., Труды ГИМ, вып. XVI, М., 1941, рис. 15, 110, табл. III.

[18] А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-тайге и исследование в Центральной Туве, Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, т. 1, М.—Л., 1960, стр. 32, рис. 31, 33.

[19] В. П. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов, МИА СССР, № 24, М., 1952, стр. 127, рис. 5—5.

[20] М. В. Талицкий. Указ. соч., стр. 160.

[21] Дневник археологических раскопок П. П. Иванова, Материалы по истории Мордвы VIII—XI вв. из Моршанского краеведческого музея, Моршанск, 1952, стр. 30, табл. XXXI.

[22] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), Абакан, 1948, рис. 128.

[23] H. Fettich. Metalkunst der landehurunden Ungarn, „Arheologia Hungarica", Bd. XXI, 1937, taf. XVII, *1—4*, taf. XVII, *26—29*.

[24] А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943, стр. 18.

[25] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1957, стр. 527.

[26] В. В. Бартольд. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии, Отдельный оттиск из журн. «Средне-Азиатский вестник», июль, Ташкент, 1896, стр. 4, 5.

[27] В. Б. Деоник. Стеклянные, каменные и металлические украшения IV—IX вв. Северного Кавказа и Крыма как исторический источник, Автореферат, М., 1961, стр. 16.

[28] М. Т. Айтбаев. Историко-этнографический очерк Северной Киргизии, Автореферат, докт. дисс., Алма-Ата, 1962, стр. 34.

По сообщению Рашшид-ад-Дина, при церемонии восшествия Менгу на ханский престол (XIII в.) все присутствующие по монгольскому обычаю должны были распустить пояса и, сняв шапки, стать на колени[29].

Вполне возможно, что погребенный принадлежал к привилегированной части общества конца VII в.

Многочисленные аналогии и сходства с подобными украшениями Алтая и Южной Сибири VII в.[30] позволяют также предположить, что украшения этого рода появляются в Средней Азии с продвижением в нее тюркских племен. Это в свою очередь находит подтверждение в письменных источниках.

---

[29] Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. II, пер. с перс. Ю. П. Верховского, М.—Л., 1960, стр. 130.

[30] А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, стр. 18; История Киргизии, т. 1, Фрунзе, 1956, стр. 79.

М. Н. ФЕДОРОВ

КЛАД КАРАХАНИДСКИХ ДИРХЕМОВ НАЧАЛА XI в. ИЗ ТАШКЕНТА

В 1938 г. в Республиканский музей истории, культуры и искусства узбекского народа в Самарканде поступила часть нумизматической коллекции Д. Д. Букинича. В ее состав входил клад из 34 серебряных (вес 96,35 *г*) и 2 медных (5,95 *г*) монет. Этот клад (КП 1296, инв. № 7680—7715) был обнаружен в средневековом бадрабе на берегу арыка Бозсу в Ташкенте. Описание монет клада сведено в две таблицы.

Таблица 1

Место находки	Инв. №	Год	Металл, вес (*г*), размер (*см*)	Место находки	Инв. №	Год	Металл, вес (*г*), размер (*см*)
Исфиджаб, 14 монет	7704	396	AR. 2,35; 2,6		7686	396	AR. 3,7 ; 2,5
	7710	396	AR. 2,4 ; 2,6		7687	398	AR. 2,75; 2,5
	7711	396	AR. 2,6 ; 2,5		7699	400	AP, 2,45; 2,5
	7692	399	AR. 3,2 ; 2,6		7700	401	AR. 2,25; 2,65
	7693	400	AR. 3,4 ; 2,6	Тараз, 7 монет	7707	396	AR. 2,65; 2,5
	7694	400	AR. 2,1 ; 2,5		7703	39?	AR. 2,85; 2,6
	7695	400	AR. 2,3 ; 2,6		7685	397	AR. 3,2 ; 2,65
	7696	400	AR. 3,95; 2,5		7705	39?	AR. 2,64; 2,5
	7698	400	AR. 2,45; 2,5		7706	???	AR. 2,95; 2,7
	7680	400	AR. 2,5 ; 2,5		7691	399	AR. 3,5 ; 2,5
	7681	400	AR. 2,75; 2,6		7709	401	AR. 2,95; 2,6
	7712	400	AR. 3,05; 2,5	Бухара	7683	395	AR. 2,9 ; 2,6
	7697	401	AR. 2,7 ; 2,7	Самарканд	7688	398	AR. 2,65; 2,6
	7702	402	AR. 3,3 ; 2,5	Узгенд	7689	399	AR. 2,9 ; 2,6
Шаш, 8 монет	7714	394	AE. 3,1 ; 2,8	Кашгар	7713	???	AR. 3,05; 2,6
	7715	394	AE. 2,85; 2,75	?	7708	399	AR. 2,95; 2,5
	7682	394	AR. 2,8 ; 2,4	?	7690	399	AR. 3 ; 2,4
	7684	395	AR. 2,9 ; 2,3	?	7701	391?	AR. 2,25; 2,6

Инв. №	Аверс в поле	Реверс в поле	Круговые легенды Аверса и Реверса
7704	ما... محمد رسول الله القادر بالله قطب الدوله امير	لااله الاالله وحده لاشريك له	A. Под легендой ободок из 2 линейных кругов (л. к.) над ней ободок из 1 л. к. с отходящими от него вверх насечками: مما امر به الامير السيد قطب الدوله و نصر المله R. Легенда квадратом, над ней ободок из 1 л. к. ضرب هذا الدرهم بايسقحاب سنه ست و تسعين و ثلثمايه
7711	لله محمد رسول الله [ا]لقادر بالله قطب الدوله ابو منصور وضح (وضح؟)	محمد لااله الا الله وحده لاشريك له مله	A. Под легендой ободок из 2 л.к. над ней из 1 л.к. с отходящими от него вверх косыми насечками: .....سول الله ارسله الخ R. Легенда квадратом, над ней 1 л.к. с насечками: بسم الله ضرب هذا الدرهم بايسفجاب سنه ست و تسعين و ثلثمايه
7710	То же, только на реверсе над словом اله слово مله, а не محمد		
7692	مله محمد رسول الله القادر بالله احمد بن على صالع	لااله الاالله وحده لاشريك له	A. Под и над легендой ободок из 2 л.к. ..... الامير السيد الملك المظفر قطب الدوله نصر المله R. Легенда квадратом, над ней 2 л.к. с насечками между ними بسم الله ضرب هذا الدرهم بايسفجاب سنه تسع و تسعين و ثلثمايه

Инв. №	Аверс в поле	Реверс в поле	Круговые легенды Аверса и Реверса
			см.: А. Марков. Инвентарный каталог... №199, стр. 220
7693	مله محمد رسول اللهالقادربالله احمدبن على معز الدوله	لااله الاالله وحده لاشريكله	A. Под легендой ободок из 2 л.к., над ней из 2 л.к. с насечками между ними: مما امربه الامير السيد الملك المظفر قطب الدوله و نصر المله R. Легенда квадратом, над ней 2 л.к. с насечками меж ними: بسم...|... الدرهم| بايسفجاب|سنه اربعمايه см. А. Марков, Инвентарный каталог..., № 200, стр. 221
7694	по 7698 тот же тип и тот же год, только 7697 бита в 401 г., а не в 400 г.		
7680	الله محمد رسول الله القادر بالله ابو منصور معز الدوله مبرك؟	مله القادر الله لااله الاالله وحده لاشريكله عبده قواة الله بالله	A. Под и над легендой ободок из 2 л.к.: ممامربه الامير السيد الملك المظفر قطب الدوله نصر المله R. Под легендой ободок из 1 л.к. над ней из 2 л.к.: بسم الله الرحمن الرحيم ضرب هذا الدرهم بايسفجاب سنه اربعمايه
7681	и 7712 тот же тип и тот же год.		
7702	پادشاه محمد رسول الله القادر بالله نصر بن على	مله لااله الاالله و حده لاشريكله	A. Под и над легендой ободок из 2 л.к. ...هدى و دين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره... R. Под и над легендой ободок из 1 л.к.

Инв. №	Аверс в поле	Реверс в поле	Круговые легенды Аверса и Реверса
7714	محمد رسول الله الخان العادل		...رب هذا الدرهم بايسفجاب سنه [احد؟] و اربعمايه A. Под легендой точечный ободок: .... قطب الدوله..... R. Под легендой ободок из 2 л.к: بسم الله ضرب هذ االفلس بالشاش ... اربع و تسعين و ثلثمايه
7715	لله محمد رسول الله خان العادل	الله القادر بالله	A. Над легендой 1 л.к. под ней между 2 л.к. 1 точечный круг: ممامربه الامير الجليل يوسف بن عبدالله R. Под легендой 1 линейный, 1 точечный и 1 жгутообразный круг.: بسم الله ضرب هذاالفلس بالشاش سنه اربع و تسعين و ثلثمايه
7682	الخان محمد رسول القادر بالله الله نصر [المله؟]	لااله الا الله وحده لاشريك له يوسوف	A. Под легендой 2 л.к., над ней 1 л.к.: .... هره على الدين كله... R. Над легендой 1 линейный и 1 точечный круг: بسم الله ضرب هذاالدرهم بالشاش سنه اربع و تسعين و ثلثمايه см.: А. Марков Инвентарный каталог..., № 146, стр. 211
7684	الخان محمد	على لااله الا	A. Под легендой 2 л.к., над ней 1 л.к. محمد رسول الله ارسله الخ

Инв. №	Аверс в поле	Реверс в поле	Круговые легенды Аверса и Реверса
	رسول الله القادر بالله ناصر الحق خان ابو نصر احمد بن علی	الله و حده لاشریك له	R. Над легендой ободок из 1 точечного круга: بسم الله ضرب هذا الدر هم بالشاش سنه خمس و تسعین و ثلثمایه
7686	الله محمد رسول الله القادر بالله ناصر الحق خان ابو نصر احمد بن علی	لااله لا الله و خده لاشریك له	A. Под и над легендой ободок из 2 л.к.: ... هدی و دین الحق الخ R. Легенда квадратом, над ней ободок из 2 линейных и 1 точечного круга: بسم الله | ضرب هذا الدرهم | بالشاش سنه ست | و ثسعین و ثلثمایه
7687	Тот же тип, но не 396 г., а 398 г.		
7700	لااله الاالله محمد رسول الله القادر بالله نظام الدوله المظفر طیغا تکین	لااله الاالله وحده لاشریك له	A. Под и над легендой ободок из 2 л.к. ممامر به الامیر السید الملك المظفر قطب الدوله و نصر المله R. Легенда квадратом, над ней ободок из 2 л.к. с 7 сдвоенными кружками меж ними: بسم الله ضرب | هذا الدرهم | بالشاش سنه احد | و اربعمایه

Инв. №	Аверс в поле	Реверс в поле	Круговые легенды Аверса и Реверса
7699	Тот же тип, но худшей сохранности, и не 401, а 400 г.х.		
7707	تكين محمد رسول الله القادر بالله ناصر الحق خان محمد بن على . .	لااله الا الله و حده لاشريك له	A. Под легендой ободок из 2 л.к. над ней из 1 л.к. с насечками: محمد رسول الله ارسله الخ R. Легенда квадратом, над ней ободок из 2 л.к. и 1 точечного круга меж ними: بسم الله صرب | هذا الدرهم | بطراز سنه | ست و تسعين و ثلثمايه
7703	لله محمد رسول الله القادر بالله نصر الحق حان محمد بن على	تكين لااله الا الله و حده لاشريك له	A. Над и под легендой ободок из 2 л.к.: ممامر به الامير الجليل [المظفر؟]... R. Над и под легендой ободок из 2 л.к.: بسم الله ضرب هذا الدرهم بطراز سنه... تسعين و ثلثمايه
7685	الله محمد رسول الله القادر بالله احمد بن على	سر لااله الا الله و حده لاشريك له	A. Под легендой ободок из 2 л.к., над ней из 1 л.к.: ممامر به الامير السيد المظفر قطب الدوله نصر الملة R. Под легендой 2 л.к. и 4 колечка меж ними, над ней ободок из 2 л.к.: بسم الله ضرب هذا الدرهم بطراز سنه سبع و تسعين و ثلثمايه

Инв. №	Аверс в поле	Реверс в поле	Круговые легенды Аверса и Реверса
7705	и 7706 То же, но даты 39? и ???. 7705 на R над калимой تكين		
7691	الله محمد رسول الله القادر بالله | ناصر الحق خان عبد [ال]له؟	تكين لااله الا الله و حده لاشريك له	A. Над и под легендой ободки из 2 л.к.: ... الامير ال...حوله ارسن [sic] تكن [sic] R. Под легендой ободок из 2 л.к.: بسم الله ضرب هذا الدرهم بطراز سنه تسع و تسعين و ثلثمايه
7709	لله محمد رسول الله القادر بالله...	لااله الا الله وحده لاشريك له	A. Над и под легендой ободки из 2 л.к. ممامر به الامير السيد... حوله ارسلان تكين بسم الله R. Легенда квадратом: ضرب | هذا الدرهم | بطراز سنه | احد و اربعمايه
7683	پادشا [sic] محمد رسول الله القادر بالله ناصر الحق خان الموید العدل ایلك نصر الله	لااله الا الله و حده لاشريك له	A. Легенда не сохранилась, под ней ободок из 2 л.к. R. Над легендой ободок из 1 л.к. بسم الله ضرب.. بهبحارا سنه خمس و تسعين و ثلثمايه см. А. Марков, Инвентарный каталог... № 37, стр. 201
7688	محمد رسول الله القادر بالله ناصر الحق خان الموید العدل ایلك نصر	حق لااله الا الله و حده لاشريك له	A. Под легендой ободок из 2 л.к., над ней — из вертикальных насечек: .... بالهدی و دین الحق ... R. Легенда квадратом, над ней ободок из 2 л.к.: بسم الله ضرب هذا | الدرهم بسا | مرقند سنه | ثمان و تسعين و ثلثمايه

Инв. №	Аверс в поле	Реверс в поле	Круговые легенды Аверса и Реверса
7689	الله محمد رسول‌الله القادر بالله ناصر الحق خان الموید العدل ایلك نصر	لاالهالا الله و حد لاشریك له	A. Под и над легендой ободок из 1 л.к.: محمد رسول الله ارسله الخ R. Над внутренней круговой легендой 1л.к. и 1 точечный یسم‌الله صرب هذاالدرهم یه اوز کند سنه تسع و تسعین و ثلثمایه Внешняя круговая: [لله الامر]من قبل و من بعد و یومیذ الخ см.: А. Марков. Инвентарный каталог..., №119, стр.206
7690 и 7708	То же, что и на № 7689	То же, но над калимой слово تکین	A. Над и под легендой ободок из 2 л.к.: [محمد رسول‌الله] ارسله‌الخ R. Легенда квадратом, над ней ободок из 2 л.к.: یسم الله ضرب |هذاالدرهم| ... سته تسع |و تسعین و ثلثمایه
7701	بادشا[sic] محمد رسول الله‌القادر بالله الموید العدل معز الدوله ملك	لاالهالا الله و حده لاشریك‌له	A. Под и над легендой ободок из 2 л.к.: مماامر به الامیر السید الملك المظفر قطب الدوله نصر الملة R. Под и над легендой ободок из 2 л.к.: یسم‌الله ضرب‌هذاالدرهم ... احد و تسعین و ثلثمایه
7713	محمد رسول الله القادر بالله ناصر الدوله... ابن بغرا خان	لاالهالا الله و حده لاشریك‌له	A. Под легендой 1 л.к.: ....بالهدی و دین الحق الخ Под легендой 1 линейный и 1 точечный круг: ....[ك]شغر سنه...

Итак, в Ташкентском кладе чекан Исфиджаба представлен 14 монетами, Шаша — 8, Тараза — 7, Бухары — 1, Самарканда — 1, Узгенда — 1, Кашгара — 1. Место чекана трех монет неизвестно. Из 36 монет 8 бито в 400 г. х., по пять — в 399 и 396 гг. х., по три — в 401 и 394 гг. х., по две — в 395, 397 и 398 гг. х., по одной — в 391, 396 и в 40? гг. х.

На монете Кашгара (№ 7713) дата не сохранилась. По всей вероятности, клад был спрятан в 401 или начале 402 г. х., следовательно, этот дирхем был выбит не позже 402 г. х.[1] Кроме монеты Кашгара с именем Кадыр-хана Юсуфа ибн Богра-хана и титулом ناصر الدولة و ملك المشرق и монеты Шаша (394 г. х., № 7715) с именем Юсуфа ибн Абдаллаха и титулом الامير الجليل, все остальные имеют имена или титулатуру трех братьев — Насра, Ахмада и Мухаммада. С именем одного из них, Насра ибн Али, связано окончательное завоевание Трансоксианы Караханидами и падение династии Саманидов.

Монеты Ташкентского клада позволяют выяснить взаимоотношения этих трех правителей и состав их удельных владений между 391 и 401 гг. х.

Работы в области караханидской нумизматики сопряжены известными трудностями. Монеты раннекараханидского периода дошли до нас в достаточном количестве, однако число различных титулов и имен на монетах, битых в начале XI в. в Мавераннахре, столь велико, что, по словам В. В. Бартольда, «из-за отсутствия точных исторических данных мы часто не знаем, представляют ли различные титулы, упомянутые на одной и той же монете, одну персону или нескольких»[2]. Мавераннахр при Караханидах был разбит на множество крупных и мелких удельных владений, состав которых часто менялся так, что один и тот же город за два-три года мог переходить из рук в руки несколько раз. Менялись и правители этих уделов, носившие пышную и длинную титулатуру. Вассальные правители, помимо собственной титулатуры, помещали на монетах имя или титул своего сюзерена, так что нередко на одной и той же монете упоминаются два, а то и три лица. В титулатуру каждого такого правителя, помимо широко распространен-

---

[1] Известно несколько дирхемов Кашгара, битых от имени Кадыр-хана Юсуфа ибн Богра-хана в 401 г. х.; см.: Е. А. Давидович. Клад караханидских монет XI в. из южного Таджикистана, СА, 1937, № 3, стр. 257 и 259.

[2] W. Barthold. Turkestan down to the mongol invasion, London, 1958, p. 268.

ных титулов, как правило, входят индивидуальные титулы, присущие исключительно одному лицу, и никем из современных ему караханидских правителей в титулатуру не включаются. Правда, известны случаи, когда эти индивидуальные титулы присваивали родственники данного правителя по восходящей линии: внуки, правнуки, внучатые племянники и т. д.[3]

Индивидуальные титулы являются своеобразными индикаторами особенно в тех случаях, когда на монетах не сохранилось или просто не выбито имени правителя или его сюзерена. Давно возникла необходимость выявить и отождествить их с тем или иным историческим лицом. Прямо или косвенно этот вопрос был затронут в работах Б. Дорна[4], Лэн-Пуля[5], В. В. Бартольда[6], М. Е. Массона[7], О. Прицака[8] и Е. А. Давидович[9]. Однако некоторые вопросы остаются спорными или требующими уточнения.

Индивидуальными титулами Насра являются Насир ал-Хак Хан и ал-Мовейд ал-адл. Индивидуальные титулы Ахмада ибн Али — Кутбад-Додуле и Наср ал-Милле, его кунья — Абу Наср. Вопрос об индивидуальных титулах Мухаммада ибн Али несколько осложняется тем, что этот правитель отличался особой любовью к пышным титулам, имел их целое множество и присваивал себе новые по мере изменения своей политической карьеры. Будучи после смерти своих братьев Ахмада (407 г. х.)[10] и Туган-хана (408 г. х.)[11] вплоть до 415 г. х. номинальным главой династии[12], Мухаммад еще раз изменил свою титулатуру так, чтобы она более отвечала его новому положению. Кунья Мухаммада — Абу Мансур.

---

[3] М. Е. Массон. Надписи на штуке из архитектурного ансамбля у мавзолея Хаким-и Термези, Труды ТашГУ, Археология Средней Азии, вып. 5, Ташкент, 1960, стр. 60.

[4] B. Dorn. Über die Münzen der Ileke oder ehemaligen Chane von Turkistan, Melanges Asiatiques, т. VIII, СПб. 1881 стр. 706—707.

[5] Стенли Лэн-Пуль. Мусульманские династии, пер. В. В. Бартольда, СПб., 1899, стр. 110.

[6] В. Бартольд. Указ. соч., стр. 274.

[7] М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 59—60.

[8] O. Pritsak. Karachanidische Streitfragen, Oriens, v. 3, № 2, Leiden, 1950, стр. 215.

[9] Е. А. Давидович. Клад караханидских монет XI в. из южного Таджикистана, СА, 1957, № 3, стр. 257—259.

[10] В. Бартольд. Указ. соч., стр. 274.

[11] Туган-хан, самый старший из братьев, правил в Восточном Туркестане. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 279.

[12] Там же, стр. 281.

Основные титулы Мухаммада ибн Али до 403 г.х.: Сина ад-Доуле, Инал Тегин, Моиз ад-Доуле и гораздо реже — Сирадж ад-Доуле и Арслан Тегин. Титулы Инал Тегин и Сина ад-Доуле встречаются вместе и порознь. Однако есть монета Тараза, битая в 404 г. х.[13], где оба титула непосредственно связаны с именем Мухаммада.

На монетах Исфиджаба 400 г. х.[14] титул Моиз ад-Доуле непосредственно связан с куньей Мухаммада — Абу Мансур. Позже, особенно после того, как Мухаммад стал номинальным главой династии, все эти титулы были вытеснены титулом Арслан-хан и его многочисленными вариантами (Арслан Кара-хан, Арслан Кара-хакан, Арслан-хан илек, Арслан-хан илек Падишах). В последние годы правления Мухаммад чеканил на своих монетах также титул Маула Эмир ал-Муменина.

Совершенно обособленное место занимает титул Тига Тегин. В настоящее время он приписывается пока трем лицам: Мансуру б. Али[15], правителю по имени Мухаммад, имя отца которого не сохранилось[16], и Насру б. Али[17]. Титул Тига Тегин (князь Тига) так же, как например Бури Тегин (князь волк), мог быть и индивидуальным титулом. Известно, что Наср носил этот титул хотя бы до захвата Бухары в 389 г. х. Существует фельс, битый в Фергане в 386 г. х. с титулом Тегин ал-Джалил ал-Эмир ал-Мовейд ал-адл Тига Тегин. Принадлежность Насру титула ал-Мовейд ал-адл неоспорима; вместе с тем время (386 г. х.) и место (Фергана, бывшая удельным владением Насра до захвата им Бухары в 389 г.) чекана монеты делают отождествление титула Тига Тегин с Насром наиболее приемлемым. Однако трудно утверждать, что этот титул принадлежит только Насру.

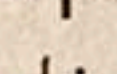
Тем не менее позволю себе привести ряд соображений, которые, как кажется, могли бы послужить в пользу отождествления титула Тига Тегин с персоной Насра.

Как известно, Наср, с именем которого связано окончательное завоевание караханидами Трансоксианы с ее важнейшими городами Бухарой и Самаркандом и падение саманидской династии, имел главенствующую роль в этой области, и его братья Ахмад и Мухаммад признавали его

---

[13] А. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, СПб., 1896, стр. 216/217, № 182.
[14] Ташкентский клад, № 7680, 7681, 7712.
[15] O. Pritsak. Указ. соч., стр. 215—216.
[16] Е. А. Давидович. Указ. соч., стр. 259.
[17] М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 60.

своим сюзереном. Это зафиксировано и многочисленным нумизматическим материалом из различных коллекций и музеев. На многих монетах Ахмада и Мухаммада помещены титулы Насра или его имя.

Чаще всего встречаются титул Насир ал-Хак Хан и имя Насра, нередко написанное по уйгурски — . Вот ряд примеров.

Дирхем Шаша 395 г. х. Наср — сюзерен Ахмада[18]:

الخان|محمد رسول الله|القادر بالله ناصر الحق حان|ابو نصر احمد بن على

Дирхем Тараза 396 г. х. Наср — сюзерен Мухаммада:

نصر|محمد رسول الله|القادر بالله ناصر الحق خان|محمد بن على

Дирхем (место чекана стерто) 4** г.[19]:

....|.....|القادر بالله ناصر الحق خان|محمد بن على ايلك

Иногда титул Насра пишется „Насир ал-Хак“: ناصر الحق

Дирхем Иль Орду 395 г. х.[20]:

....|.....|القادر بالله ناصر الحق|احمد بن على قراخا|خ

Поэтому возможно, что титул Тига Тегин чеканился на монетах Шаша 399, 400, 401 г. х. и Самарканда 401 и 403 г. х. как титул Насра — верховного сюзерена. Возможно также, что титул Тига Тегин и титул ал-амир ал-джелил Низам ад-Доуле Абу-л-Музаффар принадлежат разным лицам. Это может быть принято лишь в порядке предположения, которое по мере накопления фактов может подтвердиться или не подтвердиться.

В свое время В. В. Бартольд писал: «Имеются монеты с именем Наср ибн Али, датируемые до 401 г. х. Мы не знаем, взял ли его преемник также титул Насир ал-Хак; если нет, то мы должны допустить, что он (Наср. — *М. Ф.*) правил до 406 г. х.»[21]. Итак, перед нами два вопроса: первый — принадлежал ли титул Насир ал-Хак исключительно Насру или был взят его непосредственным преемником; второй — какой именно год является последним годом жизни Насра

---

[18] Ташкентский клад, № 7684.
[19] А. Марков. Инвентарный каталог..., стр. 208, № 132 и 133.
[20] Там же, стр. 209, № 139.
[21] В. Бартольд. Указ. соч., стр. 274.

ибн Али. Наиболее вероятным годом кончины Насра является 403 г. х. Согласно Утби, Наср умер в 403 г. х.[22] На первый взгляд, этому противоречит нумизматический материал. Однако при тщательном его изучении можно найти подтверждение тому, что Наср правил до 403 г. х. Предположим возможность перехода титула Насир ал-Хак непосредственному преемнику Насра, вместе с тем, титул Мовейд ал-адл в начале XI в. принадлежал Насру и только Насру. Ни у кого из исследователей не возникло сомнений по этому поводу. Второй титул Насра не перешел ни к кому из его непосредственных преемников. И именно этот факт дает возможность считать, что монета Илака 403 г. х., где выбиты оба титула Насра (Насир ал-Хак Хан и ал-Мовейд ал-адл) вместе с титулом его вассала (Саха ад-Доуле)[23], является свидетельством того, что Наср еще жил в 403 г. В этой связи интересно отметить, что, насколько нам известно, титул Тига Тегин после 403 г. х. на монетах в течение некоторого времени не встречается.

Вместе с тем титул Насир ал-Хак Хан продолжает чеканиться на монетах и после смерти Насра до 406 г. х. Это явление можно объяснить следующим образом: после смерти Насра Ахмад как старший брат Мухаммада, несомненно, претендовал на роль сюзерена в Трансоксиане. Однако Мухаммад по каким-то соображениям не желал признавать себя вассалом Ахмада и предпочитал считать своим сюзереном покойного Насра, оставаясь фактически самостоятельным. Поэтому на монетах Мухаммада и только Мухаммада титул Насра Насир ал-Хак Хан продолжает чеканиться до 406 г. х. В. В. Бартольд считает, что после смерти Туган-хана, которая, несмотря на утверждения древних историков, могла произойти в 406 г. х. (а не в 408 г. х. — *М. Ф.*), Мухаммад принял титул Арслан-хан[24]. Интересно, что примерно в это же время исчезает с монет

---

[22] В. Бартольд. Указ. соч., стр. 274.
[23] А. Марков. Инвентарный каталог..., стр. 216, № 181.
[24] В. Бартольд. Указ. соч., стр. 281.

Мухаммада титул Насра Насир ал-Хак Хан. Скорее всего тут надо полагать следующее.

К 406 г. х. позиции Ахмада и особенно Туган-хана, большую часть владений которого захватил Кадыр-хан[25], ослабли, а положение Мухаммада упрочилось в такой степени, что он мог не признавать сюзереном ни того, ни другого, а сам претендовать на эту роль. С этим, очевидно, и связано появление нового титула — Арслан-хан и исчезновение титула Насра.

После выявления титулов-индикаторов Насра, Ахмада и Мухаммада — сыновей Али — мы можем судить о взаимоотношениях этих правителей и о составе их удельных владений в начале XI в.

Сюзереном на территории завоеванных Караханидами саманидских владений был Наср, старший из трех братьев, имевших там свои уделы. Самый старший из братьев, Туган-хан, сидел в Восточном Туркестане. На вновь захваченные земли его власть не распространялась. До завоевания Трансоксианы Наср был удельным правителем Ферганы (в 386 г. х., а возможно, и раньше), а Ахмад начинал свою карьеру в районе Ахангерана (в 387 г. х. его имя появляется на монетах дихкан Илака)[26]. Оба эти брата, по мнению Б. Дорна и В. В. Бартольда, участвовали в завоевании Трансоксианы[27]. Мы не знаем, принимал ли участие Мухаммад в этих походах. Будучи младшим из братьев, он появляется на сцене несколько позже. Первое упоминание о нем есть на дирхеме 391 г. х., наименование монетного двора на котором не сохранилось. Здесь Мухаммад выступает как вассал Насра и имеет титул معز الدوله ملك[28], затем в 394 и 395 г. х. на дирхемах, битых в هصله (Хафтдехе, Джетыкенде)[29], он выступает как вассал Насра с титулом Инал Тегин. В 396 г. х. Мухаммад владеет Исфид-

---

[25] Там же.
[26] М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 59.
[27] В. Бартольд. Указ. соч., стр. 274.
[28] Ташкентский клад № 7701.
[29] А. Марков. Инвентарный каталог..., стр. 206–207, № 124, 125.

жабом как вассал Ахмада[30] и Таразом как вассал Насра[31]. В 397 г. х. Тараз переходит к Ахмаду[32], а с 399 г. х. Тараз снова в руках Мухаммада[33], где он чеканит монету на правах вассала Насра с титулом (sic!) ارسن تكن, т. е. ارسلان تكين (ошибкой в написании титула мы обязаны неграмотности резчика штампов для монет). С этим же титулом на правах вассала Насра Мухаммад чеканит монету в 401 г. х. в Тункете: Падишах ал-Мовейд ал-адл (Наср) и Сина ад-Доуле Арслан Тегин (Мухаммад)[34]. В 401 г. х. Мухаммад бил также монету в Таразе с титулом Арслан Тегин[35].

В 400 и 401 г. х. Мухаммад владеет Исфиджабом как вассал Ахмада, чеканя на монетах свою кунью — Абу Мансур и титул معز الدوله[36]. Из этого перечня можно судить о положении Мухаммада в начале его карьеры и о судьбе некоторых городов, например Тараза, который с 396 по 399 г. х. несколько раз переходил из рук в руки.

Анализ состава городов, в которых били монету Наср, Ахмад и Мухаммад, позволяет судить о размерах и росте их удельных владений.

Имя или титулатура Насра как непосредственного владетеля чеканятся на монетах Ферганы, Бухары, Узгенда, Кеша, Самарканда, Ахсикета, Нисабура и Исфиджаба. Кроме того, Наср пользовался правами сюзерена в Шаше, Джетыкенде, Саганиане, Таразе, Согде и Тункете. На монетах Тараза, Ходженда и Осрушаны после смерти Насра Мухаммад чеканил титул Насра по причинам, о которых уже говорилось.

Имя Ахмада ибн Али впервые встречается на монетах дихкан Илака[37] и позднее вместе с титулом или именем

---

30 Ташкентский клад, № 7707.
31 Там же, № 7707.
32 Там же, № 7685.
33 Там же, № 769 .
34 А. Марков. Инвентарный каталог..., стр. 225, № 225.
35 Ташкентский клад, № 7709.
36 Ташкентский клад, № 7693—7698, 7680, 7681 и 7712.
37 М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 59.

Насра, а с 399 г. х. иногда и без него. После смерти Насра до 407 г. х. Ахмад самостоятельно чеканит монету в Орду, Ил-Орду, Кара-Орду, Исфиджабе, Шаше, Узгенде, Оше, Ахсыкенте, Самарканде, Согде, Иштыхане и Таразе.

Любопытно проследить состав и рост удельных владений Мухаммада ибн Али. Сначала Мухаммад был вассальным правителем областей к северу и северо-востоку от Шаша и, будучи в одном городе непосредственным вассалом Насра, а в другом — Ахмада, бил монету в Джетыкенде, Таразе, Исфиджабе, Тункете и Кара-Орду. После смерти Насра (наиболее вероятной датой является 403 г. х.) в состав владений Мухаммада входят Бухара, Илак и Ходженд. В 407 г. х. после смерти Ахмада к Мухаммаду переходят такие исконные владения Ахмада, как Шаш, а также бывшие исконные владения Насра, попавшие после смерти последнего в руки Ахмада, — Ахсикент, Узгенд, Фергана, Осрушана, Самарканд.

Таким образом, ташкентский клад вместе с другими уже известными науке данными позволил выявить индивидуальные титулы трех первых караханидских правителей Трансоксианы и проследить рост и состав их уделов, а также взаимоотношения между ними.

Г. В. ШИШКИНА

КЛАД МЕДНЫХ МОНЕТ С АФРАСИАБА

Клад из 55 медных монет найден в 1959 г. на городище Афрасиаб[1] в квартале X—XI вв. Он относится к периоду полного запустения квартала. Монеты были завернуты в хлопчатобумажную тряпочку полотняного плетения (ткань „прикипела" к одной из монет) и зарыты в руинах на глубине 10—15 *см*. От современной поверхности они оказались на глубине 1,20 *м*. После очистки спекшихся столбиком монет от окислов обнаружилось, что все они крайне плохой сохранности, сильно стерты, края зазубрены и нередко обломаны.

Уже по внешним признакам клад делится на несколько неравных частей. Основу его составляют 47 монет, объединенных рядом общих черт: единый эпиграфический облик, неправильная форма тонкого монетного кружка, смещенные штампы. Три монеты из числа прочих принадлежат чекану династии Саманидов: одна монета (вес 1,83 *г*, диаметр—2,41 *см*) 322 г. х., датированная на основании типологического сходства с варахшскими монетами[2], и две монеты с именем Мансура б. Нуха (вес 2,10 и 1,95 *г*, диаметр 2,42 и 2,35 *см*). Кроме того, обособляются еще две отличные одна от другой монеты. Первая имеет правильную форму, вес 3,19 *г*, диаметр 2,94 *см*. Центральные надписи, заключенные в линейные ободки, полустерты. В поле одной из сторон в нижней строке читается: خاقان..., вокруг в широкой полосе между линейными ободками помещен суннитский символ веры. На оборотной стороне в круговой легенде читается часть даты خمس و عشرين و... (?25 г. х.).

---

[1] Клад упомянут в статье М. Федорова „Клад медных хорезмских дирхемов, обнаруженный на Афрасиабе в 1959 г.", Научные работы и сообщения АН УзССР, кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 291.

[2] Коллекция хранится в Институте истории и археологии АН УзССР, 2/16 и др.

Вторая монета — значительно меньшего диаметра (вес 1,35 *г*, диаметр 2,21 *см*). В поле лицевой стороны, в точечном ободке: الخاقان|محمد|رسول الله|لله. На обороте в таком же ободке: سليمان|لاشريك له|الله وحده|لا اله الا|لله ... Круговые легенды сохранились фрагментарно.

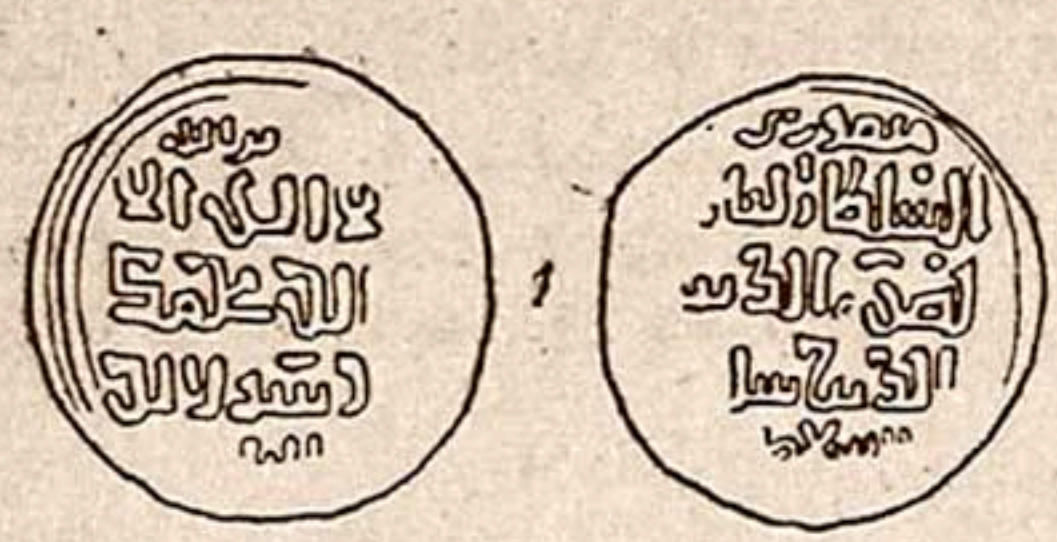

Рис. 1. Типы медных посеребренных дирхемов.

Упомянутые 47 монет прежде всего следует разделить по величине монетного кружка: 18 монет диаметром больше 3 *см*, весом 5,63—2,94 *г* (группа А) и 29 монет диаметром меньше 3 *см*, весом 3,21—1,23 *г* (группа Б). При более детальном рассмотрении этих монет определяются 13 типов (четыре типа—для группы А и 9 — для группы Б), причем три монеты из-за очень плохой сохранности невозможно отнести к какому-либо типу. Все монеты настолько плохо сохранились, что надписи восстанавливаются по фрагментам, сохранившимся на отдельных экземплярах монет, и то далеко не полностью.

1 тип (рис. 1,*1*; табл. 1, № 1).

Av. В поле в линейном ободке:

[لد]ين الله|لااله الا| الله محمد
|رسول الله| النا[صر]

Rev. В поле в линейном ободке:

منصورى | السلطان العادل | نصرة الدني[ا] | [و] الدين سل[طان]
السلاط[ين]. Круговая надпись обеих сторон частью выходит за пределы монетного кружка, частью стерта.

2 тип (рис. 1,*2*; табл. 1, № 2—11). Av. В поле в линейном ободке: ... |لا اله الا الله محمد رسول| الله الناصر
Внизу виньетка. Rev. В поле в линейном ободке: عادلى

السلطان العادل| نصرة الدنيا |[و] الدين سلطا[ن] السلاطين
В слове سلطان буква ن не поместилась в строку.

3 тип (рис. 1, 3; табл. 1, № 12—16). Av. В квадратном поле, ограниченном четырьмя строками надписи слева: لااله الا الله | محمد رسو[ل الله]| الناصر لدين [ه]ذ الدر[هم] внизу: |ضر]ب[سمرقند]. Rev. В линейном ободке: ... ى شاهان. В верхней строке неразобранное слово. Окончание последнего слова السلطان العادل | الاعظم الغ | سلطان السلا [طين]. не поместилось в строке, طين выпало из надписи, а ن перенесен строкой выше.

4 тип. (рис. 1, 5; табл. 1, № 17—18). Av. В квадратном картуше с двумя „узлами“ по бокам: لااله الا | الله محمد | رسول الله. Картуш вписан в линейный ободок, внизу в сегменте между ободком и картушем какое-то слово. Rev. В поле в линейном ободке: ...|السلطان العادل| الاعظم الغ | سلطان السلا [طين]. Последнее слово изображено так же, как и в 3 типе. 5 тип (рис. 2, 1; табл. 2, № 1). Av. В поле орнамент, в основе которого четырехлепестковая розетка. Вокруг:(??1 г. х.)... ...سمرقند سنة احد... ...ضربهذا Rev. В поле в линейном ободке: نصر | الدنيا | والدين Вокруг: ... [العا]دل الاعظم الغ سلطان الس[لاطين]

5а тип (табл. 2, № 2). Av. Тот же орнамент, но более тонких линий. Rev. Содержание центральной надписи, как и в 5 типе, но под нижней строкой три точки ⁖. Круговая легенда содержала не титулатуру, а выпускные сведения, так как читается слово „фельс“.

6 тип (рис. 2,2; табл. 2, № 3). Av. В поле в линейном ободке: السلطان | الاعظم Вверху полукруглый значок с точкой. Круговая легенда стерта. Rev. В двойном квадрате: [سم]رقند سنة تس[عين و ... |والدين الدنيا. По краю:

7 тип (рис. 1, 3; табл. 2, № 4—7). Av. В шестиконечной звезде, вписанной в круг, в две строки: ابرهيم Вокруг: ... س[مرق]ند س[نة]اربع و... Rev. В поле в линейном ободке: بـ[سم]الله ضربهذ الفلس...اربع... |السلطان | السلاطين. Вокруг: ...الغ (?? 4г. х.)

8 тип (рис. 2, 4; табл. 2, № 8—12). Av. В линейном ободке в центре розетка, делящая поле на три части,

Таблица 1

Сводная характеристика медных посеребренных дирхемов (группа А)

№№ пп	Тип	Кол-во экземпляров по типам	Вес, г	Диаметр, см	Данные качественного и количественного (%%) химического анализа				Следы серебрения	Место чекана	Принадлежность монеты по косвенным данным	Титулатура	Имя халифа	Эпитет монеты	Знаки, картуши
					Cu	Ag	Pb	Sn							
1	I	I	5,63	3,75	92,97	1,81	1,90	0,24	+		Ибрахим б. Хусейн	السلطان العادل نصرة الدنيا والدين سلطان السلاطين	الناصر لدين الله	منصورى	
2	II	10	4,87	3,44	93,21	1,43	2,41	0,34	—		Ибрахим б. Хусейн	السلطان العادل نصرة الدنيا والدين سلطان السلاطين	الناصر	عادلى	
3			4,13	3,25	91,91	1,65	3,57	0,23	—						
4			4,12	3,55		есть			—						
5			3,98	3,34		есть			—						
6			3,86	3,57		есть			—						
7			3,74	3,27		есть			—						
8			3,60	3,45		есть			—						
9			3,54	3,55	91,50	0,00	4,93	0,23	+						
10			3,13	3,61	92,96	1,46	3,23	0,08	—						
11			2,94	3,32		есть			—						
12	III	5	5,24	3,69	93,07	0,00	2,36	0,31	—	Самарканд		السلطان العادل الاعظم الغ سلطان السلاطين	الناصر لدين	ساهاى	
13			4,14	3,47		есть			+						
14			4,10	3,61	92,88	1,29	3,04	0,24	+						
15			3,38	3,61		есть			+						
16			3,21	3,30		есть			+						
17	IV	2	3,72	3,45		есть			—			السلطان العادل الاعظم الغ سلطان السلاطين			
18			3,47	3,35	93,59	1,70	2,53	0,24	—						

в каждой из которых последовательно: السلاطين|سلطان الغ ... круговой легенде перед словом ضرب разделитель в виде трилистника. Читается: ... بسمرقند سنة ... ضرب. Rev. В поле в точечном ободке: العادل|السلطان Внизу виньетка. Вокруг: ضربهذالفلس بسمرقند س[نة]ست و ستما[يه]؟ (606 г. х. ?).

Такое чтение даты предположительно, так как слово, обозначающее сотни, искажено резчиком штампа.

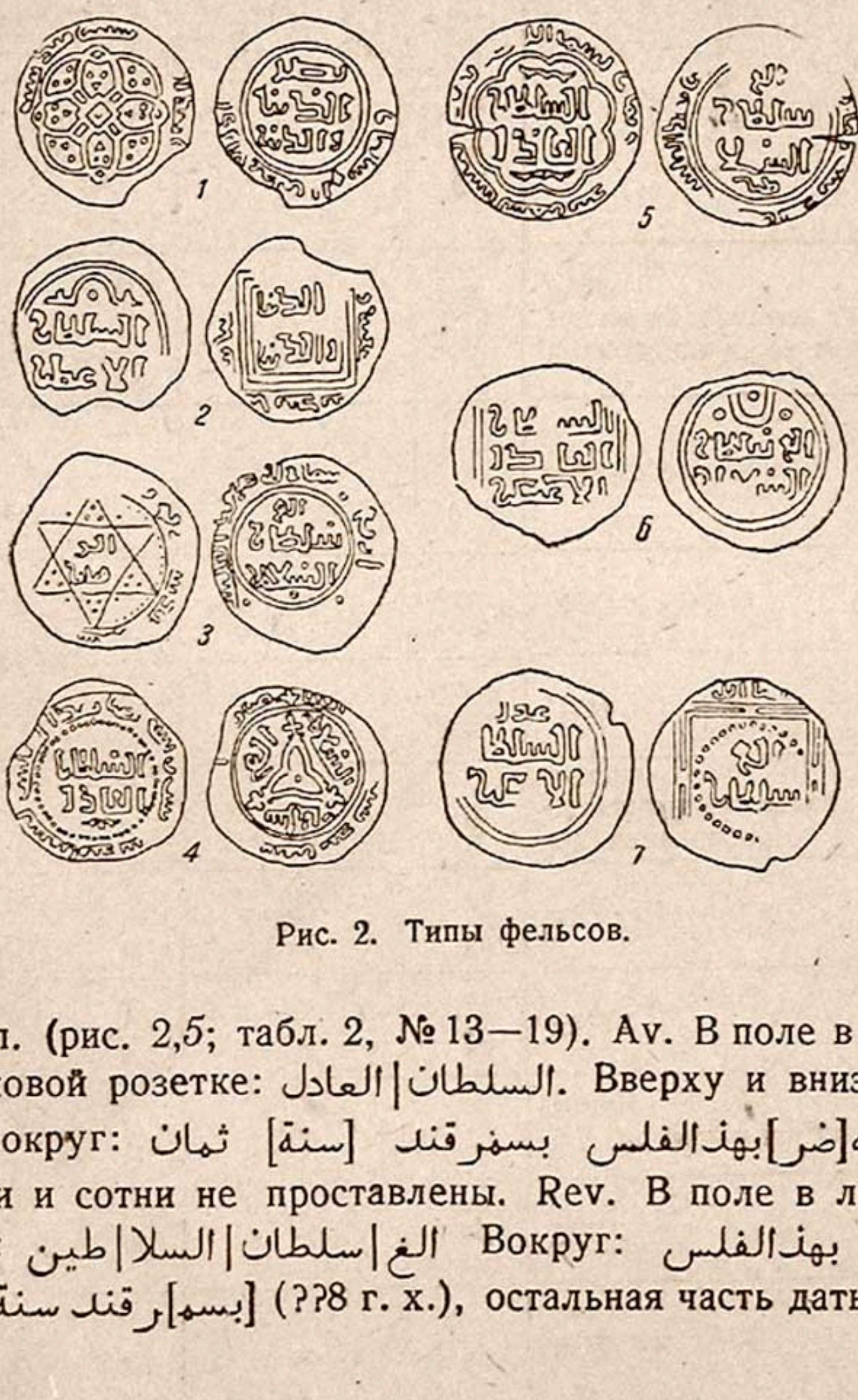
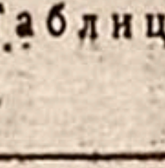

Рис. 2. Типы фельсов.

9 тип. (рис. 2,5; табл. 2, № 13—19). Av. В поле в восьмилепестковой розетке: السلطان|العادل. Вверху и внизу виньетки. Вокруг: بسم الله[ضر]بهذالفلس بسمرقند [سنة] ثمان Десятки и сотни не проставлены. Rev. В поле в линейном ободке: ... [ض]ر بهذالفلس Вокруг: الغ|سلطان|السلا|طين ... [بسم]رقند سنة ثمان (?78 г. х.), остальная часть даты стерта.

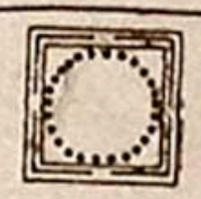
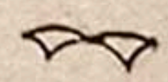
Таблица 2

Сводная характеристика фельсов (группа Б)

№№ пп	Тип	Кол-во экземпляров по типам	Вес, г	Диаметр, *см*	Наличие серебра, качественный химический анализ	Дата по хиджре	Место чекана	Имя правителя	Принадлежность монеты по косвенным данным	Титулатура	Знаки, картуши
1	V	1	2,79	2,68	нет	$5\frac{8}{9}$ I	Самарканд		Ибрахим б. Хусейн	السلطان العادل الاعظم سلطان السلاطين	
2	Va	1	2,65	2,50	нет		Самарканд			نصرة آلدنيا и و الدين	
3	VI	1	2,39	2,71	следы	590	Самарканд		Ибрахим б. Хусейн	السلطان الاعظم [نصرة] الدنيا و الدين	

4	VII	4	3,21	2,82	следы	5(7–9)4	Са-марканд	ابرهيم		الغ سلطان السلاطين	
5			1,90	2,59	следы						
6			1,75	2,35	следы						
7				2,53	следы						
8	VIII	5	2,60	2,76	следы	606?	Са-марканд			السلطان العادل الغ سلطان السلاطين	
9			2,26	2,53	следы						
10			1,54	2,30	следы						
11			1,23	2,36	следы						
12				2,53	следы						
13	IX	7	2,58	2,79	следы	??8	Са-марканд			السلطان العادل الغ سلطان السلاطين	
14			2,53	2,88	следы						
15			2,51	2,78	следы						
16			2,16	2,70	следы						
17			2,00	2,69	следы						
18			1,18	2,27							
19				2,82							

Продолжение таблицы 2

№№ пп	Тип	Кол-во экземпляров по типам	Вес, г	Диаметр, см	Наличие серебра, качественный химический анализ	Дата по хиджре	Место чекана	Имя правителя	Принадлежность монеты по косвенным данным	Титулатура	Знаки, картуши
20	X	3	2,70	2,74	нет					السلطان العادل	
21			2,22	2,59	следы					الاعظم الغ سلطان	
22			1,88	2,64	следы					السلاطين	
23	XI	2	2,27	2,76	нет					السلطان الاعظم	
24			1,87	2,85	следы					الغ سلطان السلاطين	
25	XII	1	2,21	2,54							
26	XIII	1	2,00	2,46							
27	XIV	1	3,19	2,94		?25		سليمان			
28	XV	1	2,35	2,21							

10 тип (рис. 2, *6*; табл. 2, № 20—22). Av. В квадратном поле: الاعظم | العادل | السلطان. Rev. В поле в линейном ободке: السلاطين | سلطان الغ. Вверху полукруг с точкой. Круговые надписи обеих сторон стерты. На одной из монет хорошо заметен двойной удар штампом с большим смещением строк.

11 тип (рис 2, 7; табл. 2, № 23, 24). Av. В поле в линейном ободке: الاعظم | | السلطا[ن] | عدل. Круговые надписи стерты. Rev. В поле в точечном круге, вписанном в двойной квадрат: سلطان | الغ. Вверху: بسم الله, остальная часть надписи стерта.

12 тип (табл. 2, № 25). Следы звездчатого картуша на обеих сторонах. Надписи стерты.

13 тип (табл. 2, № 26). На одной стороне точечно-линейный ободок, на оборотной — такой же квадрат. Надписи стерты.

Как видно из описания, все монеты за исключением четырех, анонимные. Только на монетах 7 типа есть имя — Ибрахим. В то же время монеты 1, 2, 5, 5а, 6-го типов содержат в своих надписях слова „нусрат-ад-дунья ва-д-дин", бывшие, как это известно по нумизматическим данным, постоянным лакабом Ибрахима ибн Хусейна[3], правившего в Самарканде с 574 г. х. (1177/8 г.) до рубежа VI и VII вв. х.

Все монеты чеканены в Самарканде. Место чекана не сохранилось лишь на монете первого типа. Но у А. Маркова опубликован сходный с этим медный самаркандский дирхем 595 г. х.[4] На обеих монетах — один эпитет „мансури", одинаково расположено имя халифа Насира, отличаются лишь надписи на оборотной стороне. На эрмитажном экземпляре содержание надписи то же, что на монетах 3 и 4-го типов. Вероятно, описываемая монета не только относится к самаркандскому чекану, но и близка по времени к эрмитажной.

Исходя из изложенного, монеты с лакабом Ибрахима ибн Хусейна (1, 2, 5—7 типы) следует датировать годами его правления в Самарканде, может быть, даже пределами последнего десятилетия правления.

---

[3] Е. А. Давидович. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов, Труды ГИМ, Нумизматический сборник, ч. 2, М., 1957, стр. 106.

[4] А. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет, СПб., 1896, № 592, стр. 288.

На монете 5-го типа читаются единицы, следовательно, дата ее ограничивается 581—591 гг. х., так как в 601 г. х. (1204 г.) в Самарканде уже правил сын Ибрахима Осман[5].

С правой стороны картуша монеты 4-го типа, где была проставлена дата, сохранился фрагмент слова, обозначающего десятки سبعين, что может быть прочтено и как 70 и как 90. Однако, если восстановить سنة, то между ним и обозначением десяток не останется места для единиц. Остается выбор между 570 и 590 г. х., но в 570 г. Ибрахим был еще узгентским правителем, значит монета чеканена в 590 г. х. (1193/4 г).

В круговых легендах фельсов 7-го типа с именем Ибрахима читается обозначение единиц — 4, таким образом дата для них устанавливается в пределах 574—594 гг. х.

Сменивший Ибрахима где-то около 1204 г. Осман оставил себе титул отца — «ас-султан ал'адил ал-а'зам улуг султан ас-селатин». Поэтому трудно говорить о принадлежности и датировке монет, не содержащих в надписях лакаба Ибрахима; они в равной мере могут быть отнесены и к Ибрахиму и к Осману. На одной из монет 8-го типа читается без большой уверенности год 606. Если чтение правильно, то монета принадлежит Осману и чеканена в тот отрезок 606 г., когда Осман не считал себя зависимым от хорезмшаха Мухаммада[6].

Что касается номинала описанных монет, то его наименование — «дирхем» — можно прочесть только на одной монете группы А (3 тип, табл. 1, № 6), а на шести монетах группы Б (табл. 2, № 2, 5, 6, 8, 13, 14) читается «фельс». Вероятно, все монеты, которые мы отнесли к группе А, — дирхемы, а группа Б — фельсы. При тщательном осмотре на шести монетах 1, 2, 3-го типов (группа А) были замечены слабые следы серебрения.

Качественный химический анализ 43 монет, проведенный в лаборатории археологической технологии Л. И. Ждановой, показал наличие серебра в монетах группы А (за двумя исключениями; табл. 1, № 9, 12) и лишь следы его в монетах группы Б. Здесь серебро являлось естественной примесью. Кроме того, восемь монет группы А были подвергнуты количественному химическому анализу (также проводился Л. И. Ждановой) на серебро, медь, свинец и

---

[5] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, СПб., 1900, стр. 379.

[6] В 606 г. х. Осман признавал себя вассалом Мухаммада, что выразилось в чекане двуименных монет. Е. А. Давидович. Нумизматические материалы.., стр. 106.

олово. При взятии проб поверхность монеты зачищалась. Преобладающим металлом оказалась медь (более 90%), примесь олова настолько незначительна (меньше 0,5%), что оно может быть только рудной примесью. Серебра содержится в среднем около 1,5%. Но все же считать его рудной примесью нет оснований ввиду разницы в составе металла монет групп А и Б. Поскольку и те и другие чеканены на одном монетном дворе в течение сравнительно короткого отрезка времени, естественно предположить и один сырьевой источник, следовательно, добавка даже столь малого количества серебра в медь была преднамеренной. Н. С. Гражданкина высказала мысль, что на добавку в подобных случаях могли использовать отходы серебряного производства — смесь серебра со свинцом, что составляло всего 4—5% добавки. Предположение оправдывается тем, что серебро-свинцовые руды в IX—XII вв. разрабатывались в Средней Азии[7].

Вряд ли незначительная добавка белого металла имела практическое значение. Не было ли это скорее традиционной примесью серебра к металлу, долженствовавшему заменить серебро.

Основываясь на разнице размеров и веса, наличии следов серебрения и определений номинала на ряде экземпляров, а также на данных химического анализа, монеты группы А можно с уверенностью считать дирхемами, а монеты группы Б — фельсами.

Е. А. Давидович, занимавшаяся сложными вопросами «серебряного кризиса» в Средней Азии, доказала на основе уже достаточных теперь фактов, что сферу серебряного обращения на определенных этапах этого периода обслуживали медные посеребренные дирхемы, т. е. государственные фальсификаты с принудительным курсом. Из монет, обслуживавших в XII—XIII вв. сферу медного обращения, были отмечены только два типа медных монет, именуемых в надписях фельсами (фельсы Ибрахима ибн Хусейна) 595 г. х. и Мухаммада ибн Текеша (608 г. х.)[8]. Афрасиабский клад прибавляет к ним еще четыре типа монет, сохранивших в своих легендах наименование фельса, а если основываться

---

[7] О. И. Исламов. Зарождение геологических знаний в Средней Азии, Сб. «Очерки по истории геологического изучения Средней Азии», Ташкент, 1956, стр. 39; М. А. Бубнова. Горно-металлургическая область Шельджи в XI—XII вв., Автореферат, Л., 1963, стр. 10 и др.

[8] Е. А. Давидович. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв. Нумизматика и эпиграфика, II, М., 1960, стр. 106, 110.

на косвенных данных, то число новых типов фельсов конца XII — начала XIII в. возрастет до девяти.

Большие колебания веса и размеров в пределах даже одного типа не могут быть объяснены разным достоинством монет. Такая неустойчивость определяется степенью изношенности и несоблюдением стандартов при чеканке. Реконструкция штампов показывает, что диаметр их для дирхемов всех четырех типов был не менее 4 *см*, для фельсов — от 2,7 до 3 *см*. Монетные кружки дирхемов значительно меньше штампов, поэтому круговые легенды помещались на монете неполностью. У фельсов расхождения с размерами штампа меньше и реже, но смещение штампов так же обычно, как и для дирхемов.

Клад кроме монет, выпущенных в конце XII — начале XIII в., включает и монеты такого далеко отстоящего времени, как середина X в. Считать, что саманидские фельсы обращались в XII в., нет никаких оснований. Вероятно, владелец присоединил эти монеты к своим сбережениям случайно.

Н. Б. НЕМЦЕВА

ИССЛЕДОВАНИЯ В «ЗАПАДНОМ КОРИДОРЕ» АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ ШАХИ-ЗИНДА

Одним из объектов археологических раскопок 1961—1962 гг.[1] на известном историко-архитектурном ансамбле Шахи-Зинда в г. Самарканде явился так называемый «западный коридор». Это условное наименование было дано группе полуразрушенных сооружений, скрытых под культурными наслоениями и расположенных на запад от мавзолеев Туман-Ака и Ходжа-Ахмада, в северной части существующего комплекса, впервые обнаруженных и частично вскрытых в 1925 г. археологом В. Л. Вяткиным[2].

Отчетного материала по его работам не имеется, сами раскопки давно оплыли, и в настоящее время результаты этих работ во многом утрачены.

Графический материал по раскопкам 1925 г., считавшийся до 1962 г. утерянным[3], представлен генпланом в М = 1 : 50 и разверткой двух фасадов по южной линии коридора в М = 1 : 20. В общей сложности зафиксировано четыре сооружения, одно из которых, вскрытое полностью, в декоре фасада содержит поливные изразцы, другое облицовано шлифованной терракотой.

---

[1] Комплексное археолого-архитектурное исследование ансамбля Шахи-Зинда проводится Главным управлением по охране памятников материальной культуры и музеев Министерства культуры УзССР совместно с Институтом истории и археологии АН УзССР в связи с реставрационными работами.

[2] Работы проводились Самкомстарисом при участии архитектора Б. Н. Засыпкина в связи с освобождением стен мавзолея Туман-Ака от навалов земли.

Б. Н. Засыпкин. Вопросы изучения и реставрации ансамбля Шахи-Зинда в г. Самарканде, 1948, Рукопись архива ГУ ОПМК и музеев Министерства культуры УзССР, инв. № 561, стр. 20.

[3] Чертежи, выполненные на ватмане тушью с акварельной покраской фасадов, хранятся в архиве архитектурного музея г. Москвы, инв. № 1612/1—2 1613.

Вторым документом по «западному коридору» является небольшой отчет А. И. Тереножкина, который, предвидя опасность окончательного оплыва раскопок В. Л. Вяткина, в 1946 г. сделал их краткое описание с некоторыми общими замерами[4].

В нем приводятся размеры цоколей семи сооружений, каждый по 7—8 *м* в длину, с общим описанием частично сохранившейся облицовки, где наряду с декором из шлифованного кирпича упомянуты голубые и синие изразцы. Приложена схема расположения мавзолеев. Время строительства мавзолеев «западного коридора». А. И. Тереножкин, как и большинство других авторов, относит к XI—XII вв.[5]

Между тем В. Л. Вяткин в работах, опубликованных после 1925 г., прямо или косвенно исключает наличие в некрополе мавзолеев XI—XII вв.[6]

В результате последних археологических раскопок (1959, 1960 и 1962 гг.) на ансамбле Шахи-Зинда по западной стороне существующего коридора нами вскрыты сооружения конца XI—XII вв., которые дали некоторый сравнительный материал, также позволивший усомниться в этой общепринятой датировке.

Таким образом, вопрос о характере мавзолеев «западного коридора» и времени их строительства оказался весьма противоречивым и неопределенным. В плане общих археолого-архитектурных исследований ансамбля Шахи-Зинда, одной из главных задач которых является уточнение истории сложения ансамбля, он особенно важен и поэтому являлся первоочередным при исследованиях.

Осенью 1961 г. было вскрыто первое сооружение на запад от мавзолея Туман-Ака. Судя по генплану раскопок 1925 г., именно этот мавзолей В. Л. Вяткин исследовал полностью (рис. 1, *2*).

---

[4] А. И. Тереножкин. Отчет об археологических работах в Шахи-Зинда, Самарканд, 1946, рукопись архива ГУ ОПМК и музеев Министерства культуры УзССР, инв. № 951, стр. 7—11.

[5] А. И. Тереножкин. Указ. рукопись, стр. 7; Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, М., 1948 г., стр. 79; М. Е. Массон. Самарканд времени Улугбека, журн. «Звезда Востока», 1948, № 5; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, 1958, стр. 109—110; Г. А. Пугаченкова. Самарканд—Бухара (Спутник по древним городам), М., 1961, стр. 27.

[6] В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда, 1926, стр. 17; Он же. Памятники древностей Самарканда, Самарканд, 1933, стр. 25.

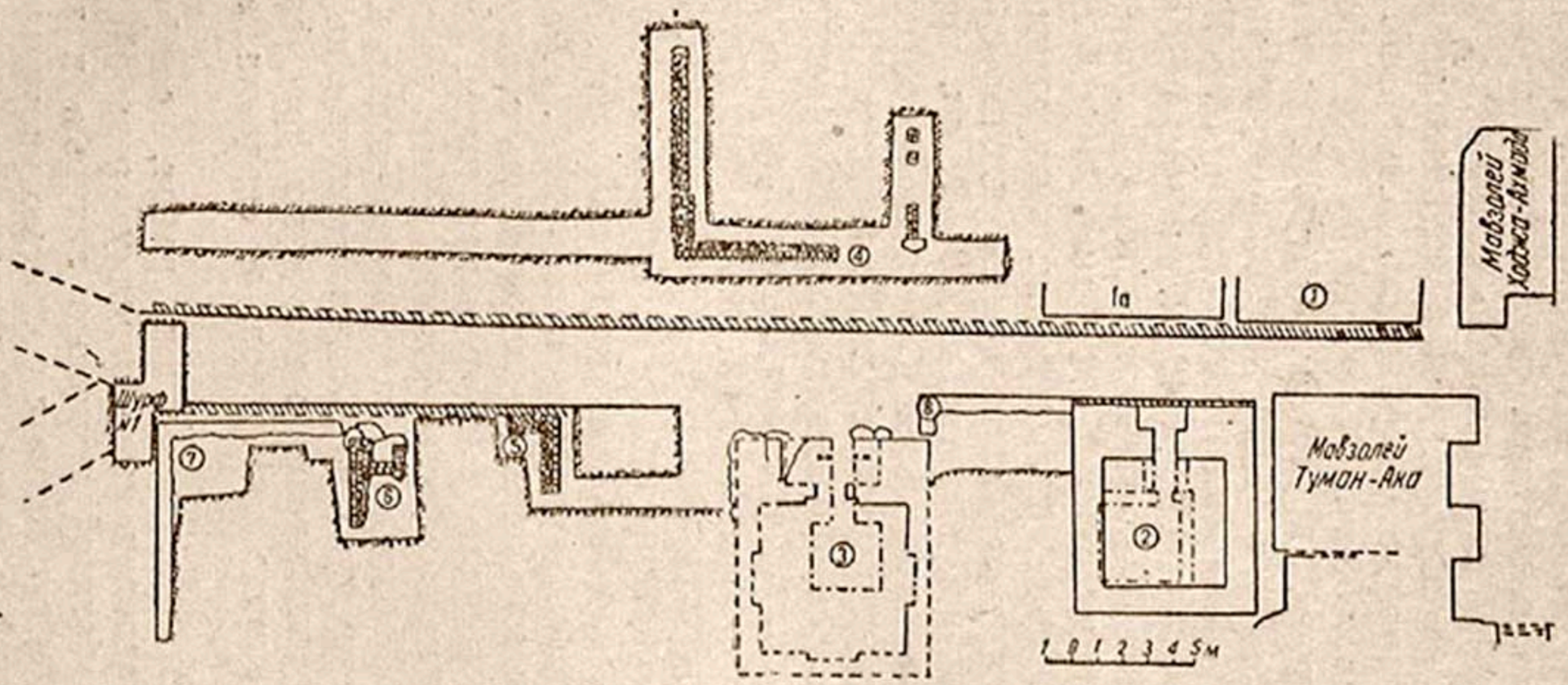

Рис. 1. План раскопок „западного коридора":

1—остатки неизвестного мавзолея, обнаруженного раскопками 1925 г.; *1а*—остатки неизвестного мавзолея, обнаруженного в 1946 г.; *2*—мавзолей начала XV в. (раскопан в 1961 г.); *3*—мавзолей конца XIV—начала XV в. (раскопан в 1962г.); *4*—остатки сооружения XV—XVII вв. (раскопаны в 1962 г.); *5*—остатки кладки XV—XVII вв.; *6*—полуразрушенная сагана XVI—XVIII вв.; *7*—остатки сооружения XV—XVII вв.; *8*—подпорная стенка начала XV в.

На данном участке археологические исследования 1961 г. были проведены на всю глубину культурного слоя мощностью 5,50—5,70 *м*. Нижний горизонт до 2,50 *м* представлял собой не перемешанный кладбищем слой периода обживания этой территории Афрасиаба в IX — первой половине XI вв. с остатками глинобитных помещений и большим количеством бытового инвентаря, детальная характеристика которого явится темой специального сообщения.

Остатки мавзолея обнаружены в верхнем трехметровом горизонте. Максимальная сохранность стен его вместе с фундаментом равна 2,50 *м*.

Вскрытый мавзолей представлял собой типичное для XIV в. в ансамбле Шахи-Зинда портально-купольное сооружение, внутренний квадрат которого составляет 5,10 × 5,20 *м*, наружные габариты — 8,60 × 7,40 *м*, ширина портальной ниши — 2 *м*, глубина — около 1,5 *м*. Стены выложены камуфлетной кладкой из кирпича $25^2 \times 5$ *см* и $26^2 \times 5$ *см*, внутри забиты кирпичным боем, булыжником, поливными изразцами XIV в. Вдоль стен на уровне предполагаемого пола, выше горизонта булыжной забутки на 30—40 *см*, прослежены полусгнившие деревянные связи. Верхние конструкции, к сожалению, совершенно утрачены. Из-за плохой сохранности кладки не удалось проследить даже характера ниш в стенах интерьера, но, по-видимому, они были неглубокими. В нижней части мавзолея имеется склеп, сбитый по отношению к верхнему помещению в юго-западный угол, с купольным перекрытием системы «балхи». Общая высота склепа около 1,5 *м*. Коридорообразный сводчатый лаз в него был ориентирован на север, по входу в мавзолей. Характерно, что стены склепа и мавзолея выкладывались с одного уровня, в общем вырытом для этой цели котловане. Этот метод строительства сближает вскрытый мавзолей с усыпальницей Туман-Ака, где наблюдается аналогичная картина.

Внутреннее и наружное убранство мавзолея не сохранилось. Некоторое представление о нем дают фрагменты декора, найденные в завале интерьера, и сведения архивного порядка.

Так, Б. Н. Засыпкин, участник работ, сообщает, что «интерьер этого мавзолея имел отделку резьбой по ганчу и сталактитами с богатой росписью лазурью и золотом»[7].

О тех же фрагментах ганча с росписью упоминает С. Судаков, исследовавший в конце 30-х годов, попутно с други-

---

[7] Б. Н. Засыпкин. Вопросы изучения и реставрации ансамбля Шахи-Зинда..., стр. 21.

ми работами по живописи Шахи-Зинда, завал ганчевого декора в не оплывшем еще тогда интересующем нас мавзолее[8].

Большое количество фрагментов ганчевой штукатурки с росписью, профилированных тяг и сталактитов типа «муканнас» было найдено и при раскопках 1961 г.

Росписи выдержаны в типичной для памятников Самарканда конца XIV — начала XV в. манере стилизованно-растительного орнамента с геометризированными линиями[9], прямые аналогии которым можно видеть в интерьерах медресе Мухаммед-Султана[10], мавзолеев Гур-Эмир, Биби-Ханым, Туман-Ака, Ширин-Бека-ака и ряда др. Основу цветовой гаммы составляет синяя с золотом по белому фону (рис. 2). Черная краска и кизил-кесак введены как дополняющие основной тон росписи. Причем кизил-кесак являлся не только подосновой листового золота, но и оставлялся как созвучный ему в виде самостоятельного ободка. Рисунок росписи измельчен и насыщен. Основой композиции являются геометрические фигуры, мадохили, трилистники, покрытые золотом.

В качестве фона в орнаментальный мотив широко введены спирали, веточки с мелкими листьями, предельно стилизованные гроздья винограда. Этот прием характерен не только для интерьеров рубежа XIV—XV вв. и улугбековского периода, как уже указывалось в литературе[11], но в качестве декоративного элемента распространен и на бытовой керамике XV в.

Ближайшими аналогами найденному декору являются росписи интерьеров мавзолеев Туман-Ака и Ширин-Бека-ака в ансамбле Шахи-Зинда. Характер найденных сталактитов и их орнаментация настолько идентичны сталактитам мавзолея Ширин-Бека-ака, что не только свидетельствуют о

---

[8] С. Судаков. Живопись по алебастровым штукатуркам Шахи-Зинда г. Самарканда, 1940 г., рукопись архива ГУ ОПМК и музеев Министерства культуры УзССР, инв. № 943, стр. 11—28.

[9] С. Судаков упоминает еще пейзажную и каллиграфическую (эпиграфическую) живопись на фрагментах из завала, не найденных во время работ 1961 г. С. Судаков. Указ. рукопись, стр. 26.

[10] Фрагменты ганчевых штукатурок с синей росписью в виде спиралей и веточек были найдены при археологических раскопках северо-западного помещения медресе Мухаммед-Султана в 1951 г. См.: Н. Б. Немцева. Археологические раскопки на Гур-Эмире, 1951, рукопись архива ГУ ОПМК и музеев Министерства культуры УзССР, инв. № С1771/Н50, стр. 11.

[11] И. Ф. Бородина. Интерьер зданий Самарканда времени Улугбека, СА, 1962, № 2, стр. 198.

близости их по времени строительства, но и о руке одного мастера, что очень важно для датировки вскрытого мавзолея.

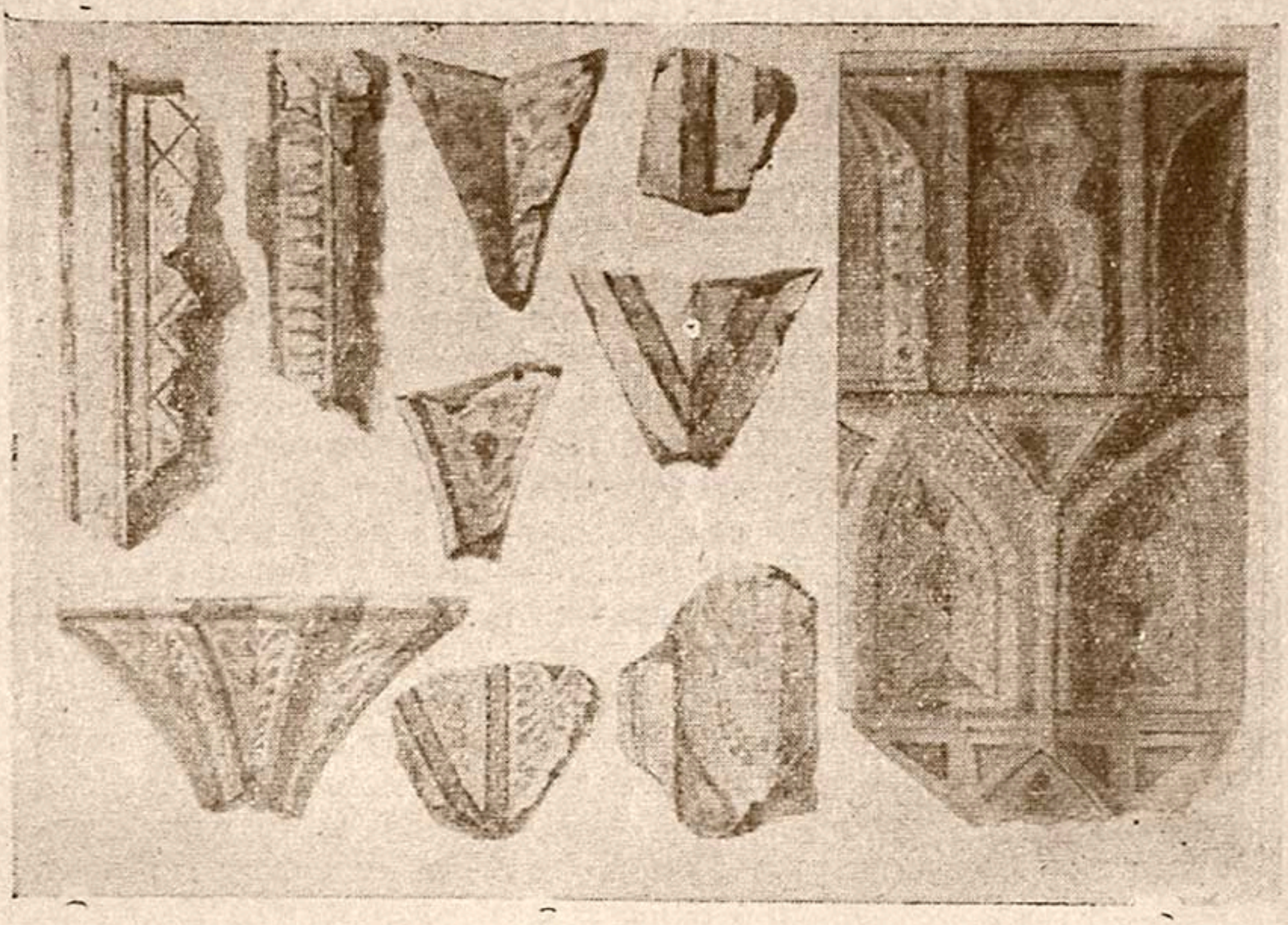

Рис. 2. Росписи по ганчу из мавзолея № 2.

Общее декоративное убранство мавзолея, видимо, как и в указанных выше двух усыпальницах Шахи-Зинда, дополнялось в нижней части стен интерьера панелью, следов которой при раскопках не найдено.

Снаружи мавзолей был облицован только со стороны портала. Чертежами 1925 г. зафиксированы гнезда от облицовки панелей пилонов, набранной из шестигранной шашки[12]. Общая высота панелей составляла 1,20 *м*. Бордюр, содержащий голубые и синие продолговатые глазурованные плитки[13], членил панель каждого пилона на три секции

---

[12] Окончательно панель портала была уничтожена при «благоустройстве» западной дорожки, проведенном Духовным управлением в середине 50-х годов.

[13] Изразцовые плитки на щеках портальной ниши описывает А. И. Тереножки. Размеры голубых — 19 × 5,20 *см*, синих — 24 × 3,20 *см*. А. И. Тереножкин. Указ. рукопись, стр. 9.

(рис. 3). Этот традиционный прием прослеживается и на других, более ранних памятниках в ансамбле Шахи-Зинда (мавзолеи Шади-Мульк-ака, Эмир-Заде — 80-ые гг. XIV в.).

Касаясь вопроса датировки вскрытого мавзолея, уже определившейся путем сравнительного анализа концом XIV — началом XV в., нужно принять во внимание еще некоторые обстоятельства, уточняющие время его строительства.

Вскрытая усыпальница стоит в 80 *см* от западной стены мавзолея Туман-Ака, богато облицованной кирпичной мозаикой, и полностью ее скрывает от обозрения. Это дает основание полагать, что мавзолей Туман-Ака был выстроен и облицован раньше, чем соседний с ним по «западному коридору». Нет необходимости выкладывать дорогую облицовку в узкой щели, да и технически это было бы затруднительно. Кроме того, в кладке склепа вскрытого мавзолея найден фрагмент кашинной мозаики начала XV в.

Таким образом, дату облицовки мавзолея Туман-Ака (1405 г.), видимо, можно принять за нижнюю границу времени постройки вскрытого мавзолея. Датировке началом XV в. не противоречит и близость росписей вскрытого мавзолея росписям усыпальницы Ширин-Бека-ака, которая по своим архитектурным формам и мозаичному декору больше всего тяготеет к мавзолею и мечети Туман-Ака. Дата же 1385 г., указанная на мавзолее Ширин-Бека-ака, как уже предполагалось, скорее относится не к строительству памятника, которое было

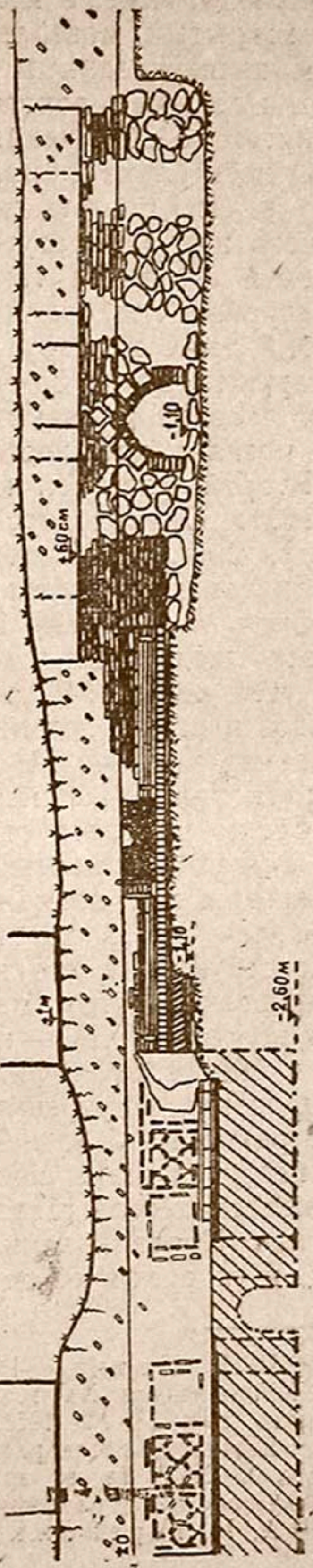

Рис. 3. Развертка фасадных стен мавзолеев южной стороны «западного коридора».

несколько позже, а к смерти сестры Тимура[14]. Нам кажется, что вскрытый мавзолей своей типологической близостью к двум вышеуказанным усыпальницам связывает их по времени и служит дополнительным аргументом в пользу выдвинутого соображения.

Относительно принадлежности мавзолея определенному лицу ничего сказать нельзя, никаких материалов археологического или литературного порядка не найдено. Полы мавзолея и склепа, а также свод склепа были уничтожены[15], культурные наслоения внутри памятника перемешаны, надгробий даже в разрушенном виде не найдено. Захоронения, обнаруженные на 50—70 *см* ниже стен склепа, не дают прямых оснований связывать их с данным мавзолеем, скорее это могилы, предшествующие его постройке.

Второй мавзолей по «западному коридору» был вскрыт в 1962 г. Он находится в 6 *м* на запад от описанного выше сооружения, с отступом к югу на 1,60 *м* от линии фасадов, продиктованной мавзолеем Туман-Ака (рис. 1, *3*).

Судя по генплану 1925 г., этот мавзолей В. Л. Вяткиным не вскрывался. Он упомянут в описаниях А. И. Тереножкина[16], так как в 1946 г. кладка его цоколя хорошо прослеживалась в осыпи склона. Названа длина цоколя, равная 8 *м*, и размер кирпича $24^2 \times 4$ *см*. Другими сведениями к моменту раскопок 1962 г. мы не располагали.

Стены мавзолея сохранились только ниже уровня пола. Но счастливо уцелевший мозаичный бордюр по периметру интерьера дал возможность полностью восстановить план мавзолея, что в дальнейшем явится основой графической реконструкции и его верхних частей. Мавзолей близок по планировке другим мавзолеям комплекса Шахи-Зинда второй половины XIV — начала XV в., в том числе и вскрытому в 1961 г. Это тот же тип небольшого портально-купольного сооружения. Внутренний квадрат его равен 6×6 *м*., наружные размеры —$7{,}90 \times 9{,}75$ *м*. Стены интерьера были разбиты по центру нишами шириной 2 *м* и глубиной 25—27 *см*, что может свидетельствовать о ярусе арочных парусов в восьмерике. Портальная ниша оказалась совершенно разрушенной, и ее графическое изображение, предложенное как воз-

---

[14] И. И. Ноткин. Развитие структуры однокупольного сооружения XIV — начала XV в. в ансамбле Шахи-Зинда, Архитектурное наследство, вып. 13, М., 1961, стр. 185.

[15] Возможно после раскопок 1925 г., так как в мусоре среди материалов X—XVII вв. во время работ 1961 г. были найдены осколки от современных пиал, парфюмерной бутылки и пр.

[16] А. И. Тереножкин. Указ. рукопись, стр. 11.

можный вариант, по аналогии с другими памятниками имеет в основании два квадрата.

Фундаменты мавзолея, вскрытые только со стороны портала, выложены из мешаной кладки кирпича и крупных глыб серого камня, в основании лежат пласты чупанатинского сланца.

В нижней части мавзолея имеется склеп, близкий к квадрату (2,75 × 2,90 *м*), перекрытый куполом типа «балхи», с

Рис. 4. Бордюр панели в мавзолее начала XV в.

длинным (3,40 *м*) коридорообразным сводчатым лазом, ориентированным на север в сторону портальной ниши.

Внутри склепа, наполовину заваленного строительным мусором, были обнаружены перемешанные кости не менее чем от двух человек и полусгнившие доски гроба. В северо-западном углу лежала брахицефальная черепная коробка европеоидного типа, принадлежавшая взрослому мужчине[17].

Наружный декор мавзолея полностью утрачен. Внутри сохранился мозаичный бордюр панели, орнаментированный вьющейся веткой типа «ислими» (рис. 4). Раскрытый шестилепестковый цветок чередуется с полураскрытым и нераскрытым бутонами. Стилистически и по цветовому сочетанию рисунок близок мозаикам комплекса Туман-Ака. Заполнение панели могло состоять из шестигранных голубых плиток, найденных в большом количестве при раскопках.

---

[17] Антропологическое определение произведено В. Я. Зезенковой.

Таким образом, общая архитектурная характеристика мавзолея по сохранившимся остаткам достаточно хорошо определилась, что дает основание говорить и о его датировке.

Общие размеры мавзолея, его внутренний план с мелкими нишами по центру, наличие кашинной мозаики в декоре — все это находит прямые аналогии с мавзолеями конца XIV в. в ансамбле Шахи-Зинда и особенно с первой мозаичной усыпальницей, принадлежащей сестре Тимура, Ширин-Бека-ака.

Это, однако, не исключает возможности постройки и данного мавзолея вскоре после возведения мавзолея Туман-ака, что кажется наиболее вероятным, хотя последний и дает нам крестообразную планировку интерьера, получившую дальнейшее развитие вместе с изменением верхних конструкций в XV в. Такое соображение продиктовано уже самим местоположением описываемого мавзолея в «западном коридоре», появление которого хронологически следовало за окончательным сложением ансамбля Шахи-Зинда на рубеже XIV—XV вв., вытянутого с севера на юг в пределах городской стены.

Других мавзолеев, достаточно хорошо сохранившихся, по «западному коридору» не обнаружено. Обрывки каких-то стен или фундаментов в черновой кладке из квадратного кирпича, боя, поливных изразцов, булыжника и серого камня, сохранившихся на высоту 50—70 *см,* не представляют особого интереса (рис. 1, *4, 5, 6, 7*).

Полуразрушенная кладка № 5 (2,5 × 3,5 *м*) по южной стороне коридора напоминает небольшое намогильное сооружение XIX — начала XX в. типа сагана, разбросанных по кладбищу близ ансамбля. Как видно, эта бытующая до сих пор форма намогильного памятника является традиционной и уходит в глубь веков на два-три столетия.

В 1962 г. по северной стороне коридора раскопаны остатки только одного сооружения, видимо, мавзолея (рис. 1, *4*), расположенного в 25 *м* от мавзолея Ходжа-Ахмада. От него на высоту 60—80 *см* сохранились части южной и западной стен протяжением в 6,70 и 8,50 *м* из квадратного кирпича ($25^2 \times 5$ и $26^2 \times 5$ *см*) и кирпичного боя.

Это сооружение располагалось напротив мавзолея с мозаичным бордюром так же, как и последнее, с отступом на север от линии фасадов, продиктованной мавзолеем Ходжа-Ахмада, но не на 1,60 *м,* как по южной линии, а на 2.50 *м.* Такая постановка сооружения на данном участке расширяла коридор до 7 *м* с 2,70 *м*, как у мавзолея Туман-Ака, созда-

вая несколько иную общепланировочную композицию. Чем она была вызвана, трудно сказать за отсутствием сохранившихся мавзолеев на протяжении коридора.

По северной стороне коридора рядом с мавзолеем Ходжа-Ахмада имелось еще два сооружения. Фасад одного из них зафиксирован генпланом 1925 г. (рис. 1, *1*). Общая длина его цоколя, по замерам А. И. Тереножкина, равна 8 *м*, высота 60 *см*, кирпич кладки $25^2 \times 5$ *см*. Облицовка цоколя состояла из шлифованных кирпичиков, уложенных чередующимися горизонтальными и вертикальными рядами[18].

Остатки другого мавзолея (рис. 1, *1а*), сохранившегося в черновой кладке на половину длины цоколя (от средины до западного угла) из кирпича $25^2 \times 4$—5 *см*, в 1946 г. были обнаружены рядом с описанным выше цоколем[19].

Выявленные таким образом по архивным материалам и нашими раскопками остатки погребальных сооружений по «западному коридору» свидетельствуют о том, что только два из них с юга представляли собой парадные мавзолеи, датированные началом XV в.

Отмеченные выше обрывки стен и фундаментов, как видно, принадлежали скромным небольшим усыпальницам или сагана. Датировка их может быть определена временем не ранее XV в. Об этом свидетельствуют характер строительного материала, длина цоколя (8 *м*) первого от мавзолея Ходжа-Ахмада сооружения, близкая стандартизированным размерам сохранившихся мавзолеев конца XIV — начала XV в. в ансамбле Шахи-Зинда, общий характер окружающего культурного слоя с материалом XIV—XVI вв.

В начале XV в. два описанных выше мавзолея (рис. 1, *2, 3*) по южной стороне коридора, вскоре после их строительства, были объединены между собой и с мавзолеем Туман-Ака подпорной стеной, облицованной шлифованным кирпичом (рис. 1, *8*). Подпорная стенка между мавзолеями (*2, 3*) была раскопана В. Л. Вяткиным, а затем включена в сложенную уже в наше время подпорную стену «западного коридора» и принималась предшествующими исследователями за цоколь одного из мавзолеев[20], а декор из шлифованного кирпича, представленный на чертежах 1925 г., видимо, дал основание датировать его XI—XII вв.

При раскопках 1962 г. выяснилось, что эта Г-образная самостоятельно существующая стенка объединяет два мавзо-

---

[18] А. И. Тереножкин. Указ. рукопись, стр. 7.
[19] Там же, стр. 3.
[20] Там же, стр. 10.

лея начала XV в. (*2, 3*), стоящих в разных плоскостях, и не вызывает никаких сомнений относительно своего назначения.

Стенка сохранилась на высоту 50—80 *см*, длина ее 6,20 *м*, Г-образного участка 1,60 *м*, ширина 50—60 *см*. Обратная сторона представлена рваной кладкой. Фасад облицован шлифованным кирпичом (см. рис. 5). В основании стены и по краям проходит рамка шириной в 10 *см* из кирпичиков

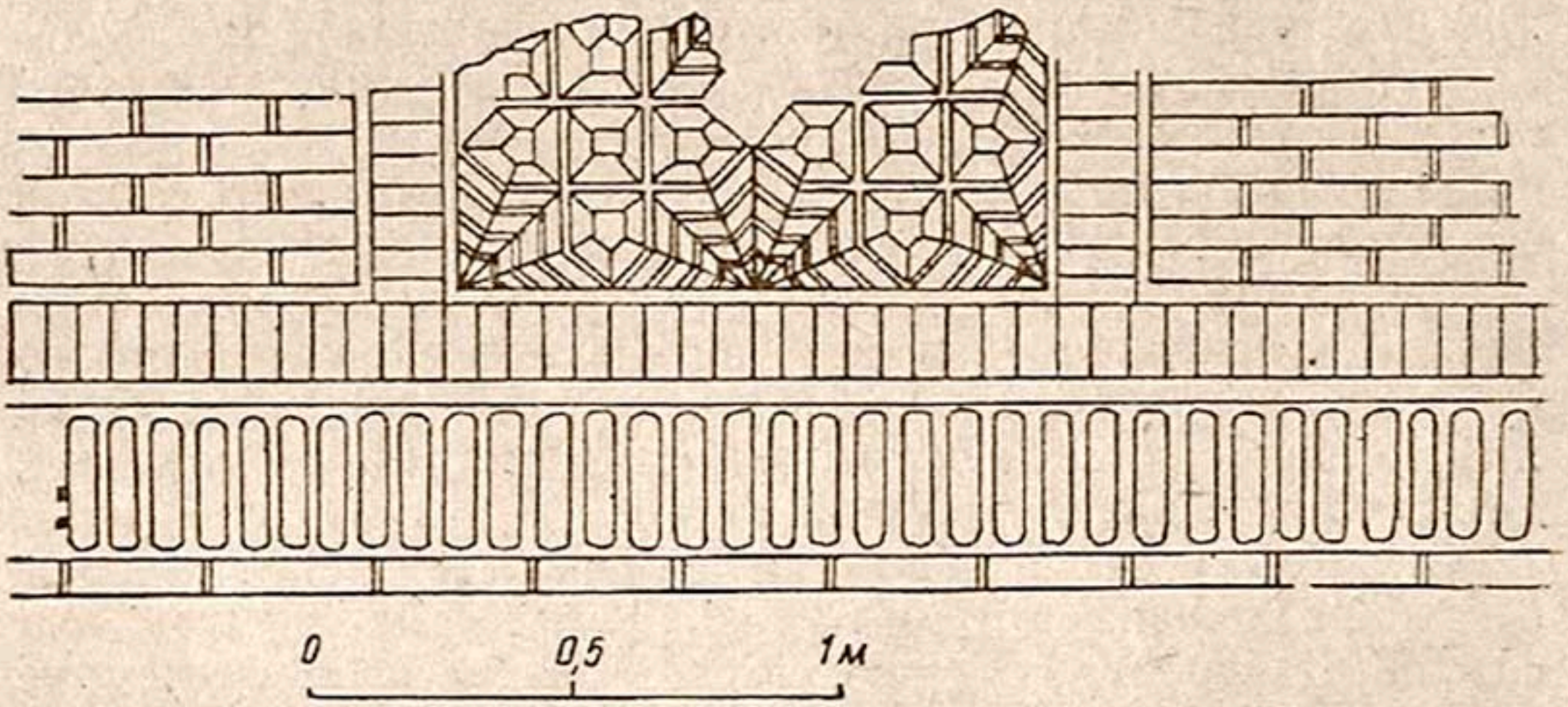

Рис 5. Фрагмент декора подпорной стены начала XV в.

на ребро. Такая же рамка обрамляет и участок стены в 1,60 *м*. Центральную часть украшало панно[21] шириной в 1,10 *м*, также обведенное рамкой из кирпичиков на ребро. Заполняет панно геометрический гирих, основой композиции которого являются восьмиконечные звезды, расположенные по осям, и заключенные между ними крестообразные фигуры.

Расположенное по центру стены на фоне обычной кирпичной кладки панно зрительно как бы делило ее на три части, символизируя портал с входной нишей. Нам кажется, что это не случайно. Зодчие, проектируя стенку чисто утилитарного назначения, стремились также создать впечатление сплошной застройки коридора мавзолеями по аналогии с тесно поставленными усыпальницами «средней группы» в ансамбле Шахи-Зинда.

Узкая щель в 80 *см* между мавзолеем Туман-Ака и первым от него на запад также, судя по чертежам 1925 г., была

---

[21] Панно ко времени раскопок 1962 г. не сохранилось, но зафиксировано чертежами 1925 г.

закрыта стенкой, облицованной кирпичной мозаикой с поливными изразцами. Проследить рисунок кирпичной выкладки не представляется возможным, так как к 1925 г. стенка сохранилась на высоту всего 50 *см,* но даже имеющиеся остатки свидетельствуют, что декор был выполнен в стиле облицовки боковых фасадов мавзолея Туман-Ака, характерном для XV в.

Строительство подпорных стен между названными мавзолеями было, по-видимому, вызвано осыпью окружающего рыхлого кладбищенского грунта и связано с каким-то заключительным строительным этапом по оформлению «западного коридора», а может быть, и некрополя в целом. Это могло произойти в начале XV в. в ближайшие годы после строительства усыпальниц по «западному коридору». Очевидно, к этому времени строительство двух мавзолеев с северной стороны, соседних с мавзолеем Ходжа-Ахмада, было закончено, и организация подпорной стены с юга, создавая линию сплошных фасадов, должна была противостоять фасадам с севера, образуя коридор.

Подводя итоги исследований по «западному коридору», нужно еще раз остановиться на вопросе его датировки и месте в общепланировочном развитии ансамбля Шахи-Зинда.

Приведенные выше доводы показали, что строительство мавзолеев по «западному коридору» началось лишь после окончательной отделки в 1405 г. группы сооружений, построенных от имени жены Тимура Туман-Ака в северо-западной части комплекса. Эти постройки как бы завершили формирование некрополя XIV в., вытянутого с севера на юг в пределах крепостной стены средневекового Самарканда.

Выбор нового западного направления в застройке был, видимо, связан с отсутствием свободных площадок на территории ансамбля XIV в.[22] и обусловлен топографией местности.

В конце XIV — начале XV в. вокруг комплекса Шахи-Зинда широко разрослось кладбище, и сохранившиеся старые дороги или тропы городища использовались для нового строительства как наиболее удобные и для подвоза материалов, и для подхода к гробницам вообще. Сильно пересеченный рельеф местности западнее ансамбля Шахи-Зинда и крутые склоны городища с юга свидетельствуют о том,

---

[22] Как показали археологические раскопки 1959—1960 гг., западная сторона основного коридора ансамбля к XV в. была действительно полностью застроена. Восточная сторона в этом отношении окончательно не исследована.

что место «западного коридора» было наиболее удобным путем, связывающим в начале XV в. население Самарканда через Железные и полуразрушенные Кешские ворота с главной святыней города Шахи-Зинда.

В то же время свободный проход между мавзолеем Туман-Ака и мавзолеем Ходжа-Ахмада объединял оба коридора, создавая единый ансамбль.

Хронологически строительство по «западному коридору» совпадает с периодом смут и борьбы за престол в Самарканде после смерти Тимура (1405 г.) или же с самым началом правления Улугбека (1409 г.).

Период правления Улугбека был ознаменован, как известно, большими преобразованиями на ансамбле Шахи-Зинда, связанными уже со строительством по южному склону Афрасиаба. К этому времени значение «западного коридора» и дороги через него к «хисару» было, как видно, утрачено, так как у подошвы южного склона в 1434—1435 гг. возводится специальный портальный вход с дарваза-ханой, богато облицованный мозаикой.

Кому же принадлежали эти гробницы, так быстро исчезнувшие с лица земли? В наиболее древнем письменном источнике по комплексу Шахи-Зинда — в «Малой Кандии»— при описании зиарата от Железных ворот к гробнице Кусам ибн Аббаса упоминаются наиболее чтимые могилы (мавзолеи?) духовных лиц, которым следует поклоняться (шейха Абуль Хасана, Ходжа Мухаммад Ислама Балхи, Ходжа Насри Кассаба)[23]. О них же упоминает и более поздний источник — Самария[24]. Большая же часть мавзолеев существующего ансамбля, как известно, принадлежит особам светского происхождения, родственникам и приближенным Тимура. Указания переписчика «Малой Кандии» относительно могил шейхов и ходжей, как нам кажется, можно связать именно с «западным коридором».

Текст, касающийся описания комплекса Шахи-Зинда в свете новых данных, полученных в результате раскопок, нужно относить ко времени не ранее средины XV в. и связывать с описанием известного нам некрополя XIV—XV вв., а не древних мавзолеев XI—XII вв., предполагавшихся по

---

[23] Кандия Малая (перевод В. Л. Вяткина). Справочная книжка Самаркандской области, вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 261—262.

[24] Абу-Тахир-Ходжа. Самария, Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда, пер. В. Л. Вяткина, Справочная книжка Самаркандской обл. на 1898 г., вып. VI, Самарканд, 1899, стр. 22.

«западному коридору», как это утверждается в специальной литературе[25].

Об этом говорит само упоминание Железных ворот, значительно более поздних. Кроме того, зиарат в XI—XII вв. не нужно было связывать с западным направлением, с Кешскими воротами, так как большая часть населения в это время обживала еще Афрасиаб.

Переписчик же «Кандии» (дошедший до нас вариант относится к XVII в.), не имевший никакого представления о давно утраченном караханидском некрополе, сообщает о том ансамбле Шахи-Зинда, большая часть которого существует и сейчас. «Каждый, желающий поклониться», — пишет автор, — пусть «войдет со стороны железных ворот» в средину между двумя полотнищами ворот (видимо, имеется в виду входной портал с дарваза-ханой); затем по выходе поднимется по ступеням, которые следует облобызать (уже в XV в., как установлено раскопками, склон городища оформили террасы со ступенями[26]). Далее путь ведет мимо мавзолеев «все правителей мусульманских» (ряд мавзолеев «средней группы» XIV в.). «После того пусть войдет в мечеть царевича Кусама (мечеть или зиарат-хана. — *Н. Н.*), но замедлит входить в усыпальницу». После обряда поклонения «святому гробу, испросивши свои нужды, пусть возвращается (разрядка наша)..., выйдет на место расхождения трех путей (коридоров — по В. Л. Вяткину) под кипарисовое дерево, близ которого находится... кладбище Бану-Нахия»[27]. Как нам кажется, наиболее вероятное отождествление «расхождения трех путей», судя по сложившейся в XV в. планировке всего некрополя, возможно только с расхождением путей (коридоров) в северной группе комплекса.

Действительно, уже в начале XV в., как показали раскопки 1925, 1961—1962 гг., на запад от ансамбля XIV в. шел коридор мавзолеев, что создавало перекресток двух путей. Третий же путь, видимо, шел на восток от мавзолея Ходжа-Ахмада, где еще и сейчас в оплывах земли видны руины каких-то сооружений. Проход же в этом направлении мог осуществляться через небольшой проем в 70 *см*,

---

[25] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, 1958, стр. 109; Г. А. Пугаченкова. Самарканд—Бухара, М., 1961, стр. 27.

[26] В. А. Левина. Туглу-Текин (археологическое исследование 1952 г.), Рукопись архива ГУ ОПМК и музеев Министерства культуры УзССР, инв. № 603, стр. 30.

[27] Кандия Малая..., стр.261.

шириной между мавзолеями Ходжа-Ахмада и «безымянным» мавзолеем 1360—1361 гг.; тем более что при расчистке этого простенка в 1922 г. М. Е. Массоном были найдены относящиеся к XIV в., сильно сбитые кирпичные ступени и стертый порог, которым пользовались не один десяток лет[28].

Раскопки показали, что «западный коридор» был очень небольшим и выводил прямо на кладбище (Бану-Нахия — по «Кандии»). Далее в тексте именно на этом отрезке пути упоминаются имена вышеназванных шейхов и ходжей, причем подчеркнуто, что паломник должен являться сюда, так как «Хазрет Хызр часто здесь проходил».

Действительно, «западный коридор» — наиболее короткий путь от ансамбля Шахи-Зинда к мечети Хазрет Хызра, которая, как видно, переписчиком «Кандии» связывалась с самим образом «святого».

Не исключено, что именно представителям духовенства принадлежала часть мавзолеев «западного коридора», что до некоторой степени объясняло бы и их строительство в период политических смут начала XV в.

Таким образом, результаты раскопок на «западном коридоре» выявили один из совершенно утраченных строительных этапов на ансамбле Шахи-Зинда, относящийся к промежутку времени между широко развернутым строительством мавзолеев в XIV в., особенно при Тимуре, и 30-ми годами XV в., когда новый правитель Самарканда Улугбек возводит нижнюю группу сооружений.

---

[28] М. Е. Массон. Краткое сообщение о результатах исследования фундаментов мавзолея Ходжа-Ахмада в группе Шахи-Зинда, Известия ТОРГО, т. XVII, стр. 159.

Ю. З. ШВАБ

К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ АНСАМБЛЯ ШАХИ-ЗИНДА

В северную группу сооружений ансамбля Шахи-Зинда входят памятники, обзор которых начинается с третьей арочно-купольной сени — чартака № 3. Третий чартак, так же как и первый, — входное помещение ансамбля — Дарваза-хана, и второй, расположенный на верхней площадке лестницы, служат как бы организующим композиционным центром соответствующей группы, но последний в отличие от первого и третьего конструктивно составляет единое целое с комплексом помещений, носящих имя Туман-ака (рис. 1).

Если обратиться к источникам конца XIX — начала XX в.[1], то в большинстве из них под названием «Туман-ака» имеются в виду поминальная мечеть и небольшое помещение южнее нее, над дверью которого находится надпись с именем строительницы[2]. Купольная усыпальница к северу от мечети названа «мавзолеем 808 г. х.»[3], а чартак как бы исключается из этого комплекса. В работах последних трех десятилетий[4] под названием Туман-ака рассматривается вся

---

[1] «Туркестанский альбом» (введение Л. Куна), часть археологическая, т. II, стр. 21, 29; т. VII, стр. 41; С. А. Лапин. Перевод надписей на исторических памятниках города Самарканда, Самарканд. 1895, стр. 5; Г. А. Панкратьев. Исторические памятники Самарканда, Самарканд, 1910, стр. 11; В. Л. Вяткин. Памятники древностей Самарканда, Самарканд, 1933, стр. 24; Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, М.—Л., 1939, стр. 154 и далее.

[2] С. А. Лапин. Указ. соч., стр. 5.

[3] Г. А. Панкратьев. Указ. соч., стр. II; И. И. Умняков. Архитектурные памятники Средней Азии (Исследование, ремонт, реставрация 1920—28 гг.), Ташкент, 1929, стр. 12; В. Л. Вяткин. Указ. соч., стр. 26; Б. П. Денике. Указ. соч., М.—Л., стр. 154, 161, 163, 164; А. Ю. Якубовский. Самарканд при Тимуре и Тимуридах, Л., 1933, стр. 28—42.

[4] Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии, М.—Л., 1940, стр. 72; Самарканд, Краткий справочник-путеводитель, состав. И. И. Умняков и др., Ташкент, 1956, стр. 25; Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, М., 1948, Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, 1958, стр. 114; Л. И. Рempель, Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 303.

группа помещений, т. е. мавзолей, мечеть с небольшой худжрой и четырехарочная купольная сень, включаемая исследователями в комплекс, по-видимому, благодаря отмеченной конструктивной взаимосвязи и общности декоративного оформления. Однако ни в одной из указанных публикаций принадлежность чартака к комплексу или его самостоятельность ничем не доказывались. Объясняется это тем, что специальные исследования по памятнику не проводились; он лишь упоминался в общих трудах по ансамблю, в искусствоведческих работах, где анализировались керамические облицовки, либо в исследованиях, посвященных другим памятникам, где конструкции и декор комплекса привлекались в качестве аналогов.

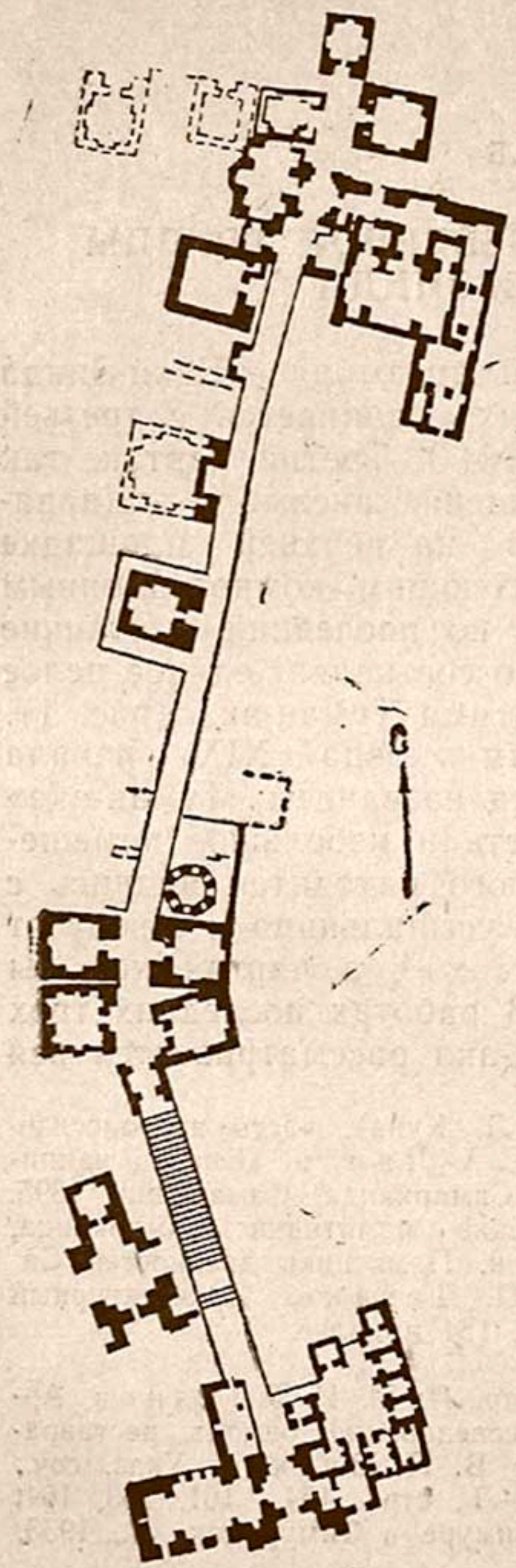

Рис. 1. Генеральный план ансамбля Шахи-Зинда.

Скудный графический материал по памятнику[5] также не помог ответить на этот вопрос.

Второй вопрос, нередко возникавший у исследователей,— одновременно ли и по единому ли плану были построены все помещения комплекса или он складывался постепенно — также остался окончательно не разрешенным. Причиной сомнений в одновременности постройки комплекса послужил отмеченный выше разнобой с названием, а также то, что оси основных помещений — мечети и мавзолея находятся под углом друг к другу, составляющим примерно 8°.

Лишь в сводной работе Б. Н. Засыпкина по ансамблю Шахи-Зинда было высказано мнение, что комплекс, судя по результатам последних обмерных работ 1948 г., был возведен одновременно с чартаком.

В 1960 г. Специальным научно-реставрационным проектным бюро Комитета по охране памятников материальной культуры[7] были начаты научно-исследовательские работы по комплексу[8]. В 1960—1961 гг. были выполнены архитектурно-археологические обмеры, заложены исследовательские шурфы и зондажи. Данные этих работ позволили сделать ряд выводов по истории сложения и существования северной группы ансамбля.

К последнему десятилетию XIV в. северную и восточную сторону дорожки север-юг уже замыкали мавзолей Ходжа-Ахмада и безымянный мавзолей 1360—1361 гг.; южнее, по оси дорожки, стояло сооружение четырехарочной купольной сени, называемой сейчас чартаком № 3 (рис. 2).

На север, юг, запад и восток чартак был обращен широкими (2,35 *м*) проходами, завершаемыми стрельчатыми арками. Щековые поверхности северной и южной арок проследить не удалось, так как они были повреждены при последующей облицовке чартака. На щековых стенах застроенных впоследствии западной и восточной арок сохранились фрагменты первоначальной штукатурки, по которым и была уточнена ширина проемов.

Пилоны чартака сложены из прямоугольного кирпича хорошего обжига размером $29 \times 17{,}5 \times 4$ *см*, $29 \times 17 \times 4{,}5$ *см*. В верхних частях встречается кирпич размером $29 \times 16 \times 4$ *см*. Пилоны выше уровня замков арок и конструкции переходного к куполу яруса остались необследованными, так как они скрыты декоративными ганчевыми сталактитами, и, возможно, переложены. Выяснение первоначальных конструкций перехода от четверика к куполу составляет одну из задач дальнейших исследований, так как конструкции переходного яруса являются важнейшим определяющим моментом в оценке сооружения. Анализ пропорций плана чартака (его основного подкупольного квадрата

---

[5] Существуют обмерные чертежи 1921 г., выполненные бригадой архитектора А. П. Удаленкова (Государственный эрмитаж); обмеры бригады Московского архитектурного института в 1937 г. (МАИ); схематические обмеры архитектора Г. Томаева 1939 г. и обмеры мечети и чартака архитектора А. Н. Виноградова 1948 г. (Архив ГУ ОПМК и музея Министерства культуры УзССР).

[6] Б. Н. Засыпкин. Вопросы изучения и реставрации ансамбля Шахи-Зинда, Ркп. архива ГУ ОПМК, инв. № 560, 1948 г.

[7] С 1961 г. Комитет переименован в Главное управление по охране памятников материальной культуры и музеев Министерства культуры УзССР.

[8] Работы осуществлялись археологом Н. Б. Немцевой и автором — архитектором Ю. З. Шваб.

и арочных ниш) подтверждает, что конструкция арочных парусов здесь не была применена. Ширина ниш значительно больше стороны восьмигранника, заплечики основного квадрата до ниш равны 50 *см.*

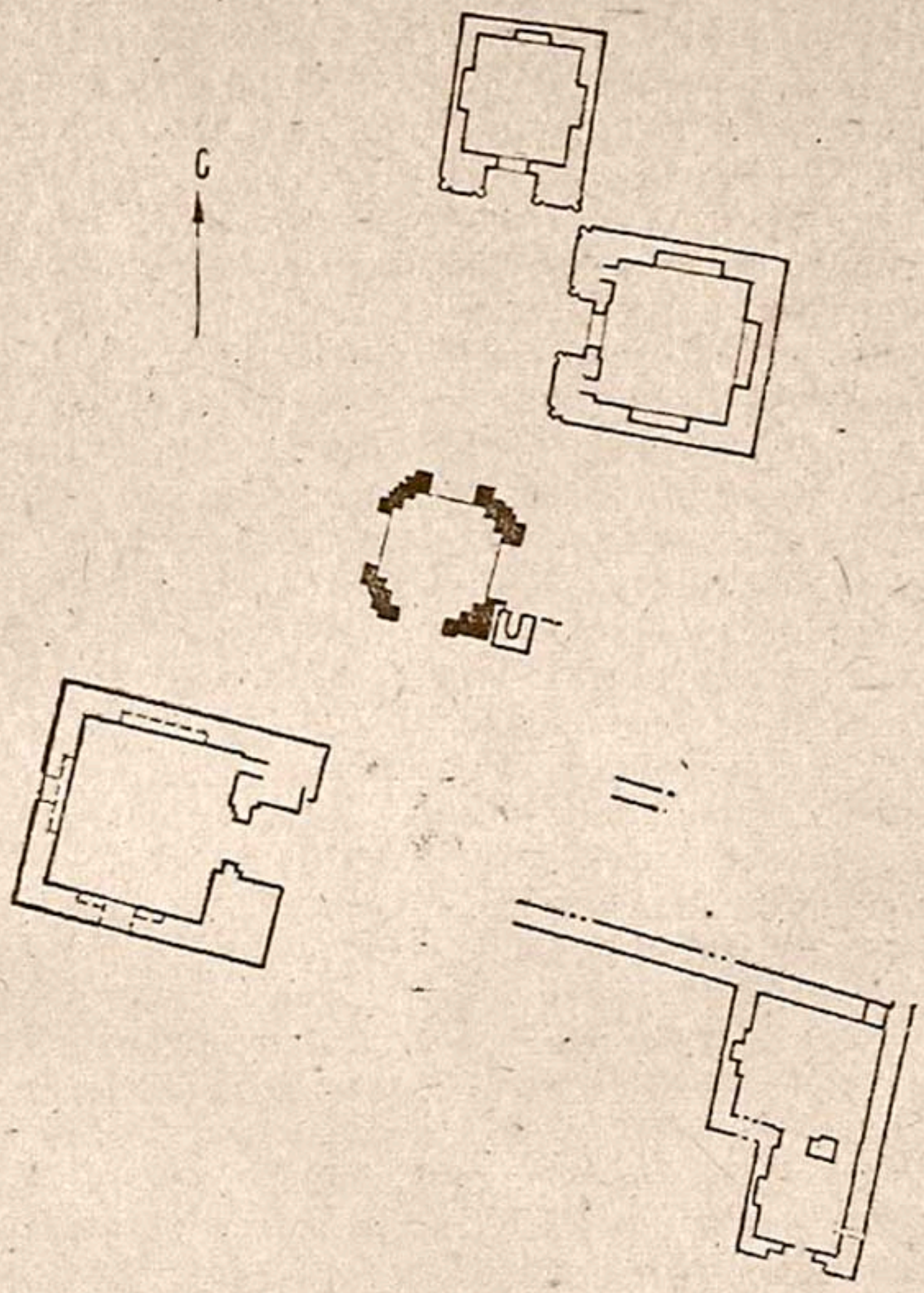

Рис. 2. План северной группы до строительства мечети Туман-ака (конец XIV в.).

При подобном решении плана из известных конструкций переходного яруса могли быть применены следующие:

1) конструкции типа консольных или ячеистых парусов. Например в мавзолее Музлум-Сулу переход к куполу выполнен системой конструктивных сталактитов[9]. Продолжение сторон восьмигранника в этом мавзолее пересекает арки значительно выше уровня пят, т. е. пролет арок больше

---

[9] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, М., 1948, стр. 71.

стороны восьмигранника. Конструктивные сталактитовые паруса применены в зиаратхане мавзолея Кусам-ибн-Аббаса. Причем Б. Н. Засыпкин отмечает структурную близость этих памятников[10], построенных в начале XIV в. Сходными по типу вполне могли быть и конструкции переходного яруса чартака, хорошо согласующиеся с отмеченными выше особенностями его плана;

2) стены с нишами могли быть выделены в самостоятельный горизонтальный ярус, выше которого на продолжении стен четверика возможно применение любых конструкций, включая и арочные паруса. Примером подобного решения служат мавзолеи Эмир-Заде и Бурундука. Этот прием неизбежно влечет за собой увеличение высоты сооружения, в то время как в чартаке само назначение проходного сооружения предполагает более скромные размеры, не спорящие с основными объектами некрополя — мавзолеями;

3) при большой ширине ниш возможен также и третий вариант перехода — применение щитовидного или балочного паруса. Но эти конструкции получили распространение в Средней Азии лишь в самом конце XIV — начале XV в., т. е. во время строительства мечети Туман-ака. А данные наших исследований указывают на то, что чартак был построен раньше мечети.

Следовательно, из трех рассмотренных нами типов подкупольных конструкций представляется наиболее вероятным применение в чартаке консольных или ячеистых парусов. Ни архитектурные формы чартака в их современном состоянии, ни высказанные соображения о конструкциях переходного яруса не дали достаточных оснований для уточнения датировки. Разрешить задачу выяснения даты строительства помогли соседние сооружения.

С восточной стороны юго-восточного пилона чартака, за дверью, ведущей в Большую мечеть и к мавзолею Кусам-ибн-Аббаса, было обнаружено основание небольшого минарета (рис. 3). Верхняя часть минарета, возвышающаяся над кровлей чартака, давно привлекала к себе внимание исследователей [11], датировавших его XI—XII вв. Вскрытое нами основание минарета представляет четырехгранную призму высотой 2 *м* 20 *см* от верхнего обреза фундамента. Фундамент состоит из нескольких рядов кирпича, уложенного по глинобитному основанию. Квадратное в плане основание минарета со сто-

---

[10] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, стр. 22.

[11] Б. Н. Засыпкин. Вопросы изучения и реставрации ансамбля Шахи-Зинда, Ркп. архива ГУ ОПМК, инв. № 560. 1948 г.; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. Указ. соч., стр. 110.

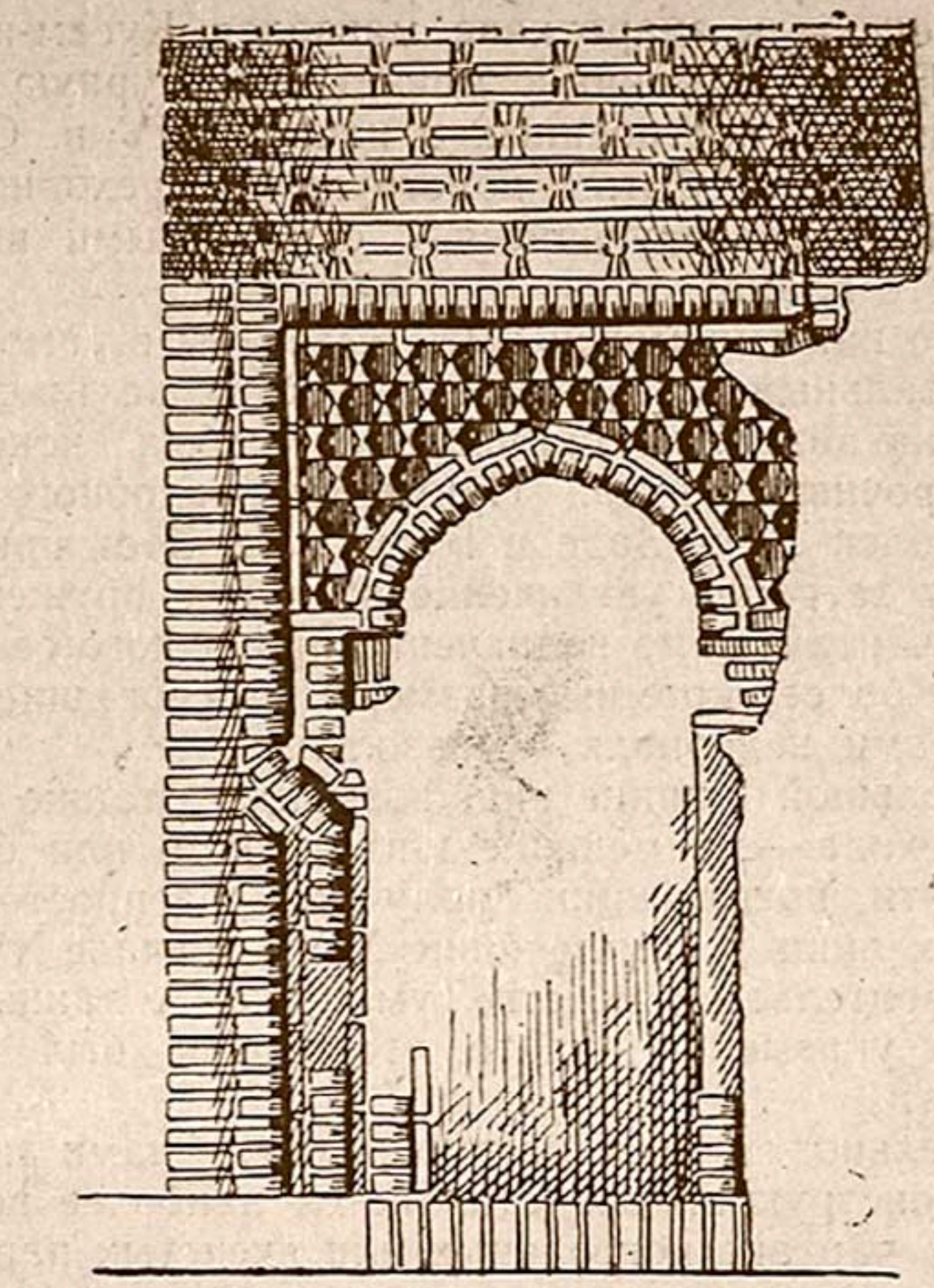

Рис. 3. Основание и план минарета.

роной, равной 1 *м* 70 *см*, выложено монолитной кладкой из прямоугольного кирпича размером 29 × 16,5 × 4,5 *см* и 29 × 16 × 4 *см*. В массиве кладки с северной стороны устроена полукруглая в плане ниша; ее размеры: глубина — 1 *м*, 5 *см*, ширина — 65 *см*, высота до замка перекрывающего сводика стрельчатого очертания — 1 *м* 61 *см*. Обследование стенок и свода ниши показало, что кладка выполнена из однородного кирпича, не носит никаких следов ремонта или перекладок и не имеет проема, ведущего в ствол на винтовую лестницу.

Весьма примечательно декоративное оформление ниши. Рельефный жгут из фигурного тесаного кирпича образует вокруг ниши прямоугольную раму и проходит по архивольту арки. Несколько ниже пят арки жгут поворачивает, подчеркивая нависающую пяту, и еще ниже переплетается с вертикальной лентой П-образного жгута. Жгут собран из отдельных кирпичей размером 29 × 8 × 4,5 *см*, каждый брусок представляет половину распиленного вдоль кирпича с одним торцом, обтесанным по полуциркульной кривой. Часть из брусков имеет полную длину — 29 *см*, а часть — половину, так как бруски перевязаны с кладкой основания.

Тимпаны заполняет несложный узор из шестигранных гнезд с геометризированными фигурами восьмерки, представляющей упрощенный «бантик» размерами 9,5 × 4,5 *см*, вытесанный из того же кирпича. Хвостовая часть бантика прослеживается плохо, но составляет не менее 13—14 *см*. В глубине шестигранных гнезд сохранились остатки розоватого ганчевого раствора, — по-видимому, гнезда заполняли резные ганчевые вставки. Таков несложный, но очень выразительный декор основания минарета.

Аналогичные приемы кирпичной декорации, сочетающейся с резным ганчем, характерный мотив переплетающихся жгутов, собранных из фигурного тесаного кирпича, известны по памятникам, относящимся к XI—XII вв. (Рабат-и-Малик, Магоки-Аттари, Узгентские мавзолеи).

Над квадратным основанием минарета возвышается почти без утонения круглый ствол из спаренных кирпичей, уложенных тычком к лицевой поверхности. Между каждой парой кирпичей вертикально вставлены бантики. Кирпич в кладке того же размера, что и в основании, а бантики имеют размер 11 × 5 см и крестообразную врезку по фасу (рис. 4).

Кирпичная кладка минарета выполняет одновременно две функции — конструктивную и декоративную, фактура поверхности увязана с композицией сооружения, подчеркивает его особенности, небольшой масштаб. Такая взаимосвязь

конструкций и декора является отличительной чертой архитектуры XI—XII вв.[12], когда жженый кирпич становится основным строительным и декоративным материалом. Лишь позже, с середины XII в., резные терракотовые плиты приходят на смену декоративной выкладке из шлифованного и обычного кирпича, теряя конструктивную связь с основой сооружения.

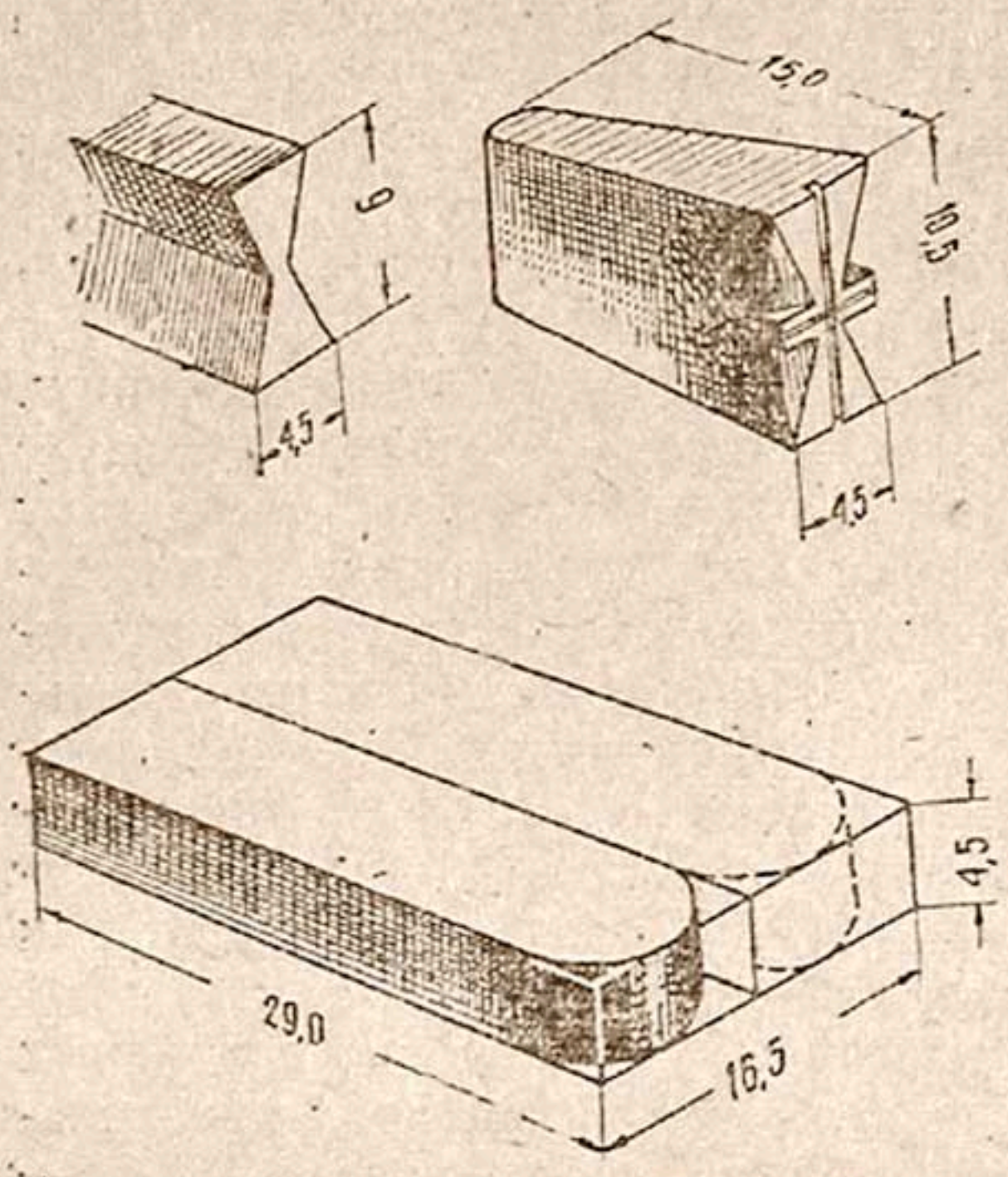

Рис. 4. Кирпичные детали декора минарета.

Стрельчатая арочка на юго-восточной стороне ствола минарета оформляет вход на винтовую лестницу, ведущую к фонарю. Подъем до уровня входа (расположен на высоте *м* 20 *см.*) осуществлялся, по-видимому, по наружной лестнице. Фрагменты кладки ее сохранились с восточной стороны основания минарета. Клинчатая арочка и ступени лестницы (направленные против хода часовой стрелки) выполнены вперевязку и из однородного кирпича со всем минаретом без каких-либо следов перекладок.

Судя по стертым и закопченным кирпичам кладки, минарет, по всем вышеприведенным данным построенный в конце XI — начале XII вв., просуществовал довольно долго. И лишь много лет спустя он был застроен кладкой юго-восточного пилона чартака, замуровавшего его основание.

Такова картина последовательности строительства, открывшаяся при исследовании восточной стороны чартака.

На западной стене чартака, где расположен вход в мечеть Туман-ака, была вскрыта обратная картина — пилоны чартака застроены пилонами мечети. На западной щипцовой стене на глубину свыше 30 *см* прослежены швы между кладкой пилонов чартака и пристроенной кладкой пилонов мечети,

---

[12] В. А. Нильсен. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв., Ташкент, 1956, стр. 99—109; А. М. Прибыткова, Памятники архитектуры XI века в Туркмении, М., 1955, стр. 111—116.

причем на первых в глубине швов сохранились фрагменты хорошей ганчевой штукатурки со следами значительного загрязнения.

Таким образом, время строительства чартака ограничивается с одной стороны минаретом конца XI — начала XII в., и с другой — мечетью, строительство которой могло быть начато не ранее конца XIV в. В этот период оживление строительной деятельности на ансамбле отмечается лишь в середине XII и в середине XIV вв.

К первому этапу относятся сооружения, вскрытые по западной стороне дорожки север-юг около мавзолеев Эмир-Заде, Шади-Мульк-ака, Неизвестного № 2[13].

Второй этап — первая половина XIV в. — дает ряд сооружений в непосредственной близости от мавзолея Кусам-ибн-Аббаса. Строительство или перестройка в 1334—1335 гг. зиаратханы и прилегающего к ней со стороны мечети большого помещения, обнаруженного исследованиями 1962 г., могло послужить толчком к организации входа в эту группу. Чартак как раз и явился таким организующим проходным помещением, ориентированным одной из своих арок на комплекс Кусам-ибн-Аббаса. Последнее обстоятельство, наряду с высказанными выше соображениями, дало некоторые основания датировать чартак первой половиной XIV в. Дальнейшие исследования и, в частности выяснение конструкций подкупольного яруса, исследование нижних слоев Большой мечети и мечети Туман-ака могут дать дополнительный материал для уточнения предложенной датировки.

Следующей задачей наших исследований было выяснение взаимосвязи мечети и мавзолея Туман-ака.

Исследованием стыка помещения мечети и мавзолея Туман-ака также установлена их разновременность. Прямоугольный по наружному контуру мавзолей был задуман и построен как самостоятельное сооружение. Раскопками[14] установлено, что на участке мавзолея был вырыт котлован глубиной в 1 *м* 90 *см*, на выровненном дне которого одновременно и по единому плану заложены стены склепа и фундаменты под стены мавзолея. Прямоугольный в плане склеп с внутренними размерами 3,12 × 4,28 *м* перекрыт коробовым сводом, выложенным вертикальными отрезками в сочетании с клинчатой кладкой. Восточная торцовая сторона склепа с

---

[13] Работы археологов В. А. Левиной, Н. Б. Немцевой с 1952 по 1962 г.

[14] Раскопки мавзолея Туман-ака проводились археологом Н. Б. Немцевой в 1961 г.

проемом лаза совмещена с внутренней гранью восточной ниши интерьера, западная на 25 *см* отступает во внутрь от фундамента западной стены мавзолея. Южная и северная стены склепа, служащие опорой своду, вписаны в габариты основного квадрата помещения. Древний пол мавзолея, сохранивший свой уровень и поныне, находится на 15—20 *см* выше

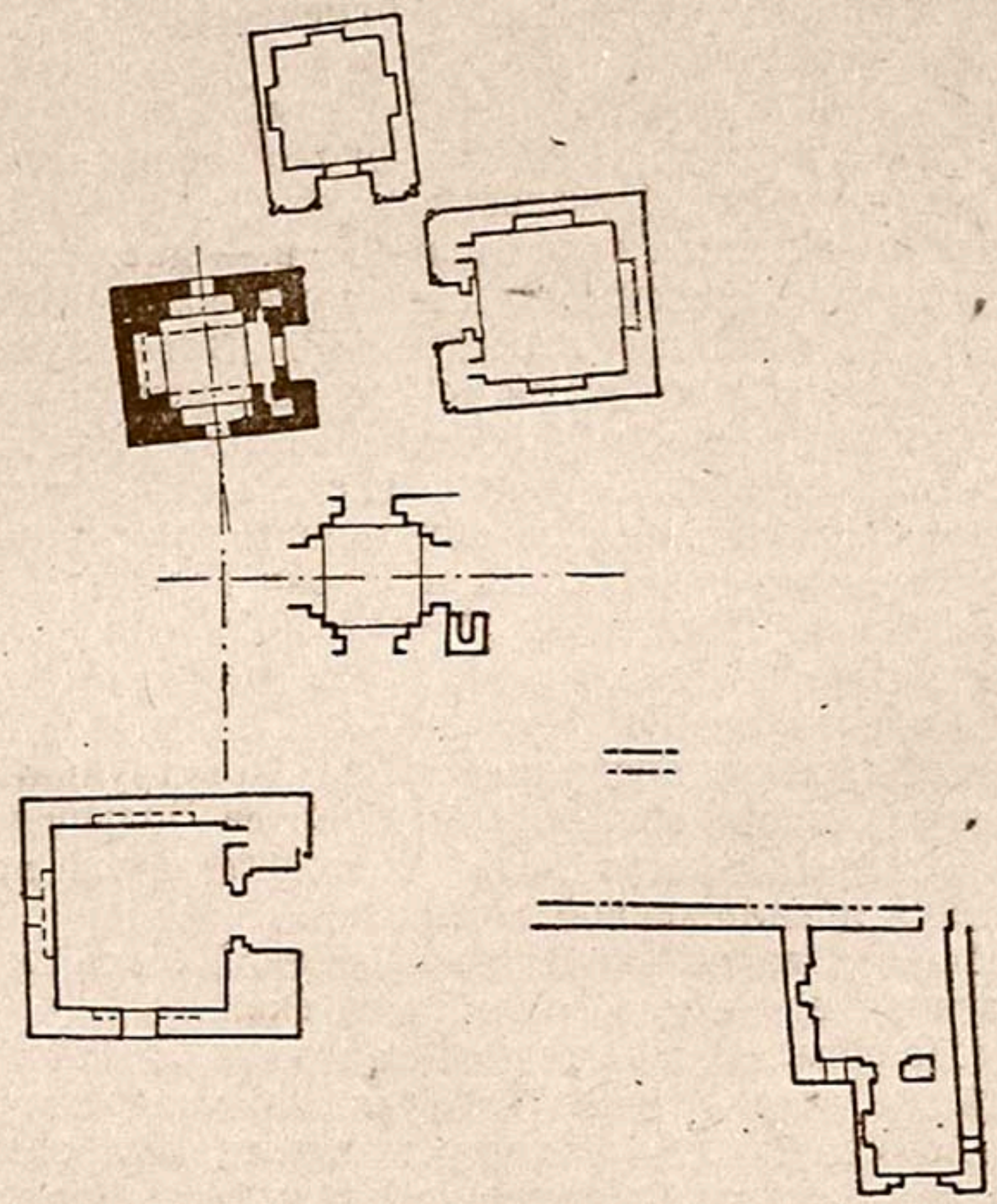

Рис. 5. План северной группы после строительства мавзолея Туман-ака (середина XIV в.).

замка свода склепа. Четыре массивных пилона служат опорой четырех арок и диагональных балок, перекинутых через углы помещения. Тяжесть вышележащего сферо-конического купола и соответствующих ему наружных барабана и купола благодаря балочной конструкции равномерно распределяется по пилонам, не создавая распора. Такова в общих чертах конструктивная схема мавзолея (рис. 5).

Мавзолей был закончен вчерне и не облицован, когда началось строительство мечети. Сложная задача встала перед

зодчими — надо было так встроить на небольшом участке между чартаком и мавзолеем мечеть, чтобы объединить эти два сооружения в единой композиции.

Ось мечети восток-запад была совмещена с осью прохода к мавзолею Кусам-ибн-Аббаса. Перпендикулярная ей ось север-юг была ориентирована на центр южного проема мавзолея Туман-ака. Пересечение этих двух осей определило центр и габариты мечети.

Южная стена мавзолея Туман-ака была использована в качестве северной стены мечети. Расхождение ее направления с направлением осей мечети было замаскировано следующим образом: на западной половине стены кладка была сбита на глубину до 12 *см*. Подтеска постепенно уменьшалась к центру, а к востоку толщина стены наращивалась за счет наброски слоя раствора и обкладки кирпичом плашмя (рис. 6). Этим несложным приемом направление северной стены было подчинено осям мечети. Западная стена мечети была пристроена к западной стене мавзолея; она несколько выступала за фасадную плоскость последней и образовывала на месте стыка небольшой излом (см. рис. 6).

В парусном ярусе отсеки мечети сведены к квадратам за счет дополнительных подпружных арок, перекинутых нормально к основным. Основные арки, расположенные поперек помещения, упирающиеся в них неполные арки и щитовидные паруса явились основой для трех куполков небольшого подъема. Аналогичная конструкция перекрытия почти одновременно была применена на одном из крупнейших сооружений того времени — комплексе Ходжа-Ахмеда Ясеви в г. Туркестане, а с XV в. широко использовалась при перекрытии прямоугольных помещений.

Проем по центру восточной стены мечети, совмещенный с западной аркой чартака и ориентированный на комплекс Кусам-ибн-Аббаса, был парадно оформлен. Ширина проема соответствовала размеру интерьерной ниши, панель которой доходила до наружного края. Напротив проема, на западной стене в глубине ниши, был размещен михраб.

Основные размеры мечети, как отмечалось выше, были обусловлены уже существующими сооружениями и задачей, поставленной перед строителями, — создать единый комплекс.

С юга между мечетью и уже построенным к 90-м годам мавзолеем Бурундука остался небольшой участок длиной около трех метров, который зодчие использовали, построив на нем небольшое помещение с главным портальным входом, ориентированным на восток, и с выходом на север, в мечеть (см. рис. 6). Однако участок для него был так мал, что и в

этом случае зодчие в целях экономии площади пошли на использование стены соседнего мавзолея Бурундука, пристроив к нему восточную и западную стены нового строения.

До нашего времени это помещение дошло с очень большими искажениями. Первоначально оно было двухэтажным, о чем свидетельствуют остатки щитовидных парусов и ганчевой

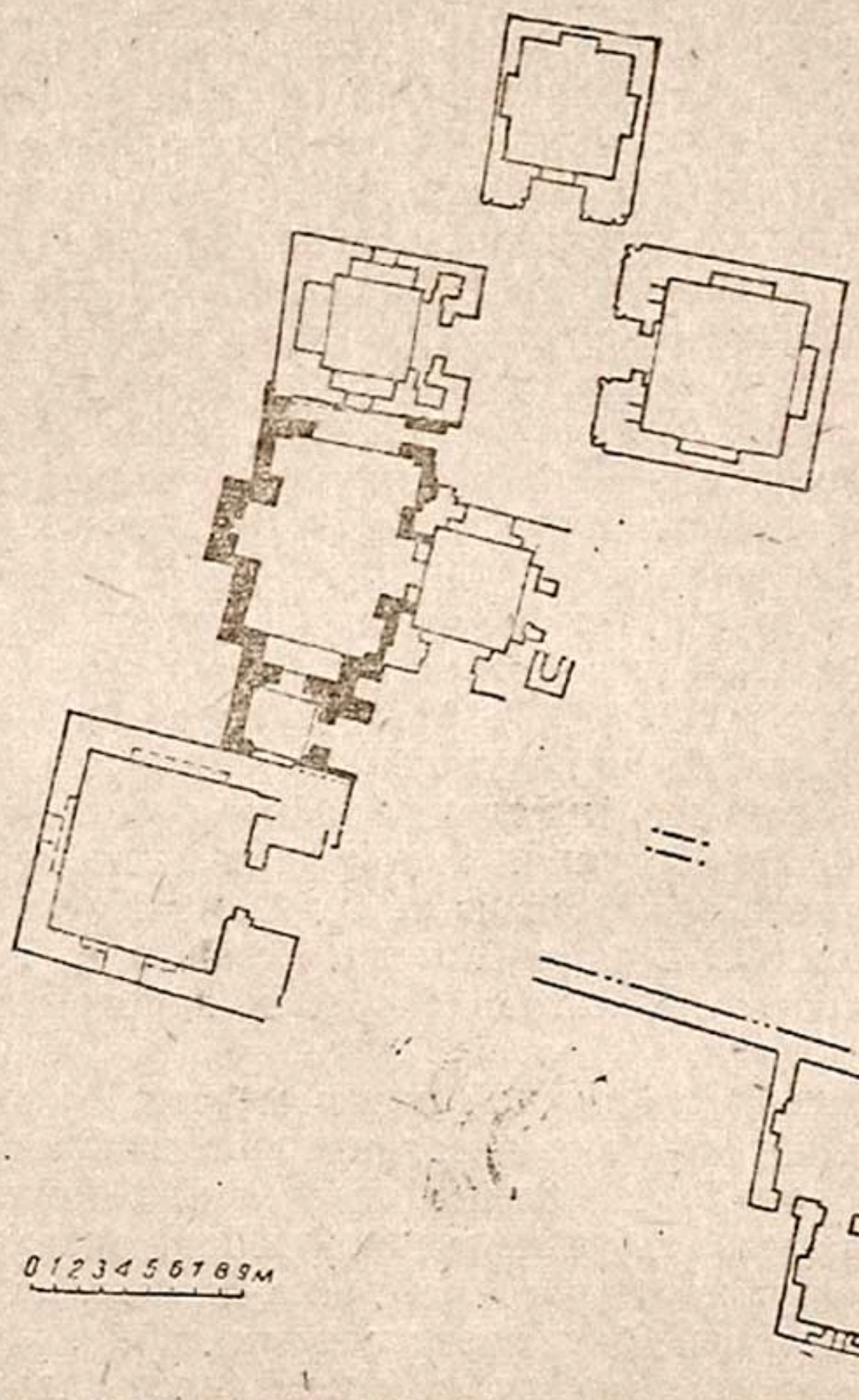

Рис. 6. План северной группы после строительства мечети Туман-ака (начало XV в.).

штукатурки на западной стороне портала. Помещение разрушилось, видимо, очень давно. Во время ремонта оно было уменьшено — остатки пилонов за порталом в плане не совпадают с современными пилонами внутри помещения. Последние во время ремонта были пристроены к разрушенным первоначально за счет площади интерьера. Тогда же над пер-

вым этажом был возведен небольшой плоский куполок кольцевой кладки. Соответствует ли его высота первоначальной — установить сейчас трудно.

Каково же назначение этого помещения?

На щипцовой стене входного портала помещения, обращенного на восток в коридор ансамбля, помещена мозаичная надпись с именем Туман-ака[15]. Эта надпись дала основание считать, что помещение служило главным входом в комплекс, как бы нанизанный на одну ось, направленную к северу: входное помещение — мечеть — мавзолей. Однако широкий (2,35 *м*) открытый проход из чартака в мечеть, расположенный против михрабной ниши и к тому же очень парадно оформленный (панель доходила до щипцовой стены чартака, углы сохранили четверть, где находились угловые колонки или декоративный жгут), ставит под сомнение подобное назначение южного помещения. Скорее всего это была служебная комната — худжра, предназначенная для служителей культа.

Большое мастерство и опыт зодчих позволили им в сложных условиях на затесненном участке так скомпоновать разновременные сооружения, что они слились в единый комплекс. Этому впечатлению способствует и декоративное оформление, выполненное по окончании строительства мечети и южного помещения. Единое по замыслу и исполнению декоративное убранство еще больше объединило три разновременные постройки: чартак, мавзолей и мечеть с худжрой.

Нельзя не обратить внимания на своеобразные творческие приемы мастеров-декораторов. Мавзолей как основное ядро и идеологический центр комплекса отделан с наибольшей изысканностью. Первоначально при строительстве только мавзолея его интерьер не был рассчитан на керамическую облицовку — в кладке не были оставлены гнезда для установки панели. При строительстве мечети замысел был изменен, в кладке мечети оставили гнездо для панели, а в мавзолее всю кладку в нижних частях стен сбили на глубину до 10—15 *см*, устроив, таким образом, гнездо.

В отделке интерьера мечети, почти в три раза превышающей по площади и объему мавзолей, применен соответствующий масштаб декора, что особенно наглядно выступает при сравнении деталей панели (рис. 7). Верх стен мечети и мавзолея был покрыт ганчевым декором, с более пышной росписью в мавзолее и более скромной в мечети. Такой же ганчевый

---

[15] С. А. Лапин. Указ. соч., стр. 5.

декор со сталактитами был применен и в чартаке. При сравнении систем сталактитов всех трех помещений нельзя не отметить общий принцип их построения, измененный лишь в отдельных деталях в зависимости от места расположения.

Печатью единого творческого замысла отмечена и декоративная отделка фасадов всех помещений. В соответствии с

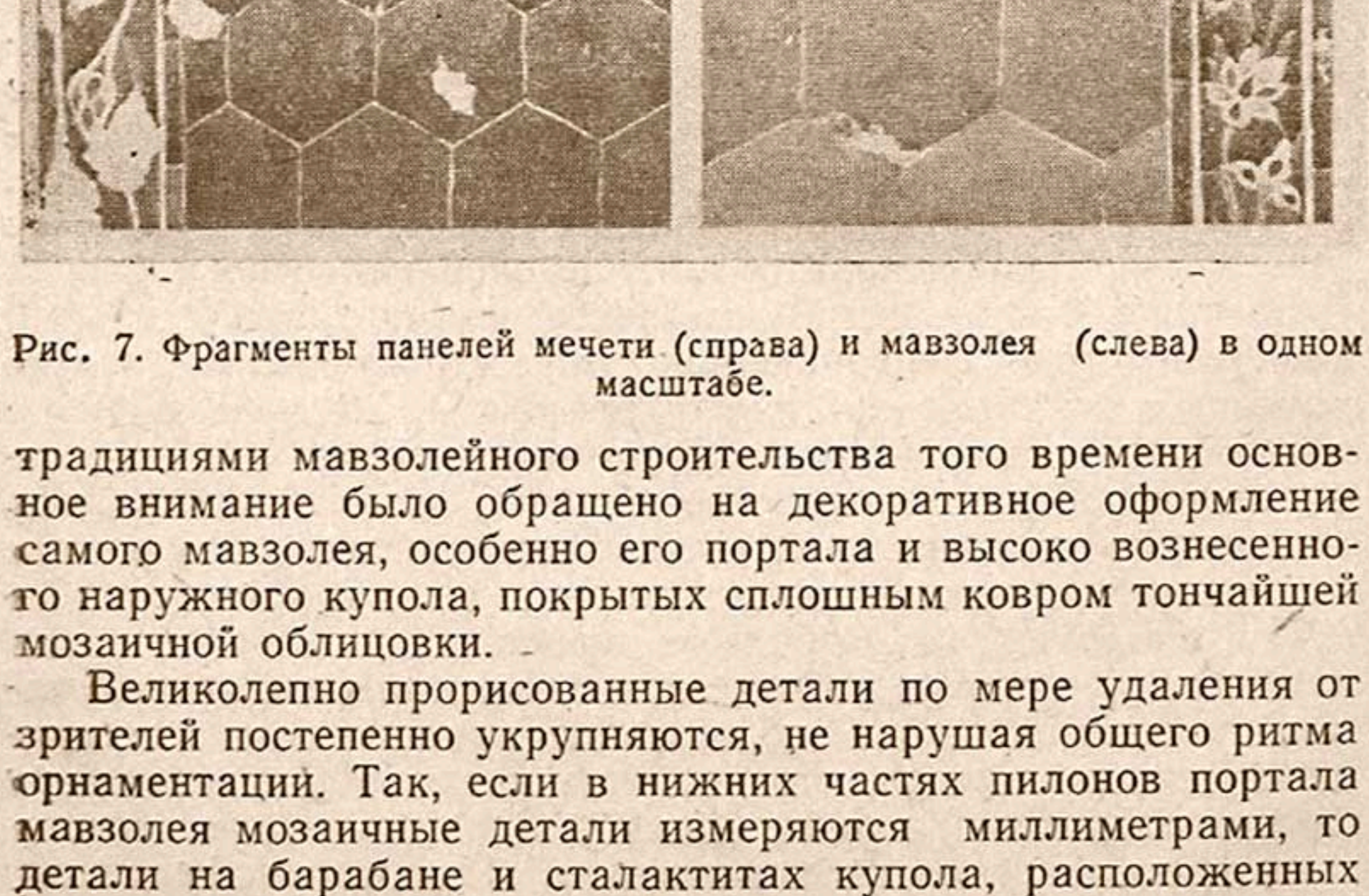

Рис. 7. Фрагменты панелей мечети (справа) и мавзолея (слева) в одном масштабе.

традициями мавзолейного строительства того времени основное внимание было обращено на декоративное оформление самого мавзолея, особенно его портала и высоко вознесенного наружного купола, покрытых сплошным ковром тончайшей мозаичной облицовки.

Великолепно прорисованные детали по мере удаления от зрителей постепенно укрупняются, не нарушая общего ритма орнаментации. Так, если в нижних частях пилонов портала мавзолея мозаичные детали измеряются миллиметрами, то детали на барабане и сталактитах купола, расположенных на высоте более 10 *м*, измеряются уже сантиметрами, чем достигается их четкое восприятие с большого расстояния.

Северный и западный фасады мавзолея облицованы кирпичной мозаикой индивидуального рисунка на каждом фаса-

де, причем толщина облицовки западной стены мавзолея была учтена при строительстве мечети — лицевая грань облицовки лежит в одной плоскости с кладкой западной стены мечети, маскируя стык стен.

Совсем по другому подошли мастера к оформлению фасадов мечети и худжры. Затейливую растительную и эпиграфическую орнаментацию портала мавзолея сменил более четкий и строгий геометрический орнамент — гирих, выполненный в той же технике резной мозаики. Сетку гириха образовала тройная мозаичная лента и лишь отдельные фигуры до бордюры заполнил растительный орнамент. Здесь также применен прием укрупнения деталей по мере удаления от зрителя, что особенно четко выступает в облицовке щековых стен и соффитов портальных ниш мечети и южного помещения. Цветочные розетки в нижних частях щековых стен собраны из множества мельчайших деталей, а в соффитах они обобщаются.

Несколько отличен и еще более строг декор фасадов чартака. Резные мозаичные вставки тимпанов и стрельчатых декоративных ниш на фоне кирпичной мозаики более близки к декору памятников XV в. Такие сознательно примененные различия в трактовке декора при общей художественной манере, технике исполнения и цветовой гамме как бы художественными средствами подчеркнули различное назначение помещений.

Выявленная последовательность строительства на северном участке позволила с иных позиций подойти к архитектурному анализу сооружений.

Не вдаваясь в детальный анализ, что не является темой настоящей статьи, отметим лишь основные моменты. Архитектурному и пропорциональному анализу может быть подвергнут только мавзолей Туман-ака — единственное из рассмотренных сооружений, построенное на свободном участке и самостоятельно. Основой соразмерности мавзолея явился модуль или гяз, равный по нашим подсчетам 61 *см*[16]. Основной квадрат помещения построен на сетке 6 × 6 гязов; размеры всех простенков, пилонов, ниш подчинены размеру гяза и его производным. На той же сетке построен и склеп мавзолея, внутренние размеры которого — 5 × 7 гязов.

---

[16] М. С. Булатов в статье «Построение архитектурной формы мавзолея Саманидов (Сб. «Искусство зодчих Узбекистана», Ташкент, 1962 г., стр. 73) приводит величину гяза для мавзолея Туман-ака, равную 73,2 см. Однако этот гяз не увязывается с размерами портальной ниши, с толщиной стен, со склепом.

Анализировать построение пропорций чартака, мечети и, тем более, южной худжры не имеет смысла, так как их размеры были заранее предопределены условиями строительства. Но, даже будучи скованными в своих действиях, строители все же стремились придать помещениям четкие пропорции и работали с помощью модульной сетки. Интерьер мечети дает в плане соотношение сторон прямоугольника 9 × 14 гязов, ширина основных пилонов равна 2 гязам, диаметры куполков соответствуют ширине ниш и составляют 3 и 4 гяза и т. д. На стыке мечети и чартака сетка сбита, что почти неизбежно при вынужденных размерах последовательно возводимых помещений.

Подводя итог проведенным исследованиям, можно с достаточной четкостью выделить этапы сложения основного ядра северной группы, сформировавшегося вокруг третьего чартака в послемонгольский период.

Первый этап (первая половина XIV в.) — возведение чартака, связанное с большими строительными работами около мавзолея Кусам-ибн-Аббаса.

Второй этап (последнее десятилетие XIV в.) — строительство самостоятельного мавзолея Туман-ака. Строители мавзолея продолжили наметившуюся к этому времени линию развития ансамбля, подчинив оси мавзолея осям усыпальниц Ходжа-Ахмада и 1360—1361 гг.

Третий этап (начало XV в.) — строительство мечети и южной худжры, декоративная отделка всех помещений, включая мавзолей и чартак. К этому же этапу относится мозаичное оформление входного проема в коридор большой мечети и установка резной деревянной двери, датированной 1405—1406 гг. Таким образом, к началу XV в. окончательно сформировалась северная группа ансамбля.

Последующие века, отмеченные только небольшими переделками и ремонтами, не внесли существенных изменений в архитектурный облик группы, сохранившийся до наших дней.

Р. Г. МУКМИНОВА

К ИСТОРИИ ПРОИЗВОДСТВА САМАРКАНДСКОЙ БУМАГИ В XVI в.

Вопрос о производстве бумаги на Востоке, в частности в Средней Азии, неоднократно привлекал внимание исследователей[1].

Древний центр ремесла и торговли — Самарканд наряду с другими ремесленными производствами издавна славился производством бумаги. По данным Сейид Мухаммеда ал-Ханджи, самаркандские бумажные мастерские становятся известными в 750—751 гг.[2]

Основание производства бумаги в Самарканде в исторических источниках приписывается китайским мастерам. Уже много столетий спустя после освоения бумажного производства в Самарканде во второй половине XVI в. известный историк Хафиз-и Таныш, основываясь на данных автора сочинения «Масалик ал-мамолик», писал в «Абдулла-наме», что первые самаркандские мастера, выделывающие бумагу, происходят из Китая[3]. Позже А. П. Федченко, путешествовавший по Туркестану в XIX в., сообщал, что способ приготовления

---

[1] А. П. Федченко. Оби джуваз — писчебумажная фабрика в Кокане, Сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 227—232; В. Разваловский. Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае. «Кагаз-обжувоз» (производство бумаги), Туркестанское сельское хозяйство, 1916, № 4, стр. 342—344; В. Григорьев. Кустарное производство бумаги в Узбекистане, СЭ, 1940, № 3; П. Д. Зотов. К истории бумажного производства на Востоке, Труды Института Востоковедения АН УзССР, вып. III, Ташкент, 1954; Он же. К вопросу о «шелковых бумагах», Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 9, стр. 49—51. А. А. Семенов. О среднеазиатской бумаге (сорта среднеазиатской бумаги, ее производство и способы окраски), Известия АН ТаджССР, Отделение общественных наук, 1963, № 1 (32); Г. Н. Чабров. Художественное оформление туркестанской литографированной книги, Труды АН ТаджССР, Искусство таджикского народа, вып. II, Душанбе, 1960, стр. 216.

[2] Сейид Мухаммед ал-Ханджи, Китаб манджам ал-Умаран, т. II, Каир, стр. 237 (см.: А. А. Семенов, Указ. соч., стр. 3).

[3] Хафиз-и Таныш. Абдулла-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 2207, л. 204б (393б).

бумаги в мастерских по выделке бумаги в Коканде (куда переместился центр бумажного производства в Средней Азии) был очень схож с китайским способом, «с которым он как-то имел случай познакомиться... Учителями туркестанских мастеров были несомненно китайцы», — добавляет он[4].

Производство бумаги в Самарканде продолжалось свыше тысячи лет. За это время самаркандская бумага стала широко известна в соседних странах, благодаря своим высоким качествам.

Данные письменных источников свидетельствуют о том, что самаркандская бумага продолжала славиться и в XVI в. Известный каллиграф этого столетия Султан Али Мешхеди (1432/33—1520 гг.), создавший в сотрудничестве со знаменитым художником Кемалиддином Бехзадом подлинные шедевры каллиграфического искусства, и талант которого был высоко оценен великими поэтами Алишером Навои и Абдуррахманом Джами[5], в трактате по каллиграфии, написанном им в 1514 г., сообщал:

«Бумаги лучше китайской нет,
сколько ни пробуй, [лучшей] нет.
Как хороша самаркандская бумага!
Если ты разумный человек, не отвергай ее,
Письмо на ней получается ровным и красивым,
но [она] должна быть чистой и белой.
Будь то обычная [бумага], будь то султанская[6] —
Старайся взять хорошую»[7].

В этом трактате, написанном в форме стихотворного сочинения, Султан Али Мешхеди дает описание способов приготовления чернил, выбора тростника и обрезки его для каляма, путей обучения искусству письма, определяет моральные требования, предъявляемые молодому каллиграфу. Одновременно Султан Али дает сведения о способах распознания бумаги, о ее цветах и лучших сортах, о рецепте при-

---

[4] См.: [А. П. Федченко]. Путешествие в Туркестан, Известия императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XI, вып. 7, СПб., 1875, стр. 49—50.

[5] Г. И. Костыгова. Трактат по каллиграфии Султан-Али Мешхеди, Труды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, II (V), Восточный сборник, Л., 1957, стр. 103.

[6] Самаркандская султанская бумага — сорт бумаги. См.: П. Д. Зотов, К истории..., стр. 158.

[7] Трактат по каллиграфии Султан-Али Мешхеди, Факсимильное воспроизведение и перевод Г. И. Костыговой, Труды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, II (V), Восточный сборник, Л., 1957, перс. текст факсимиле, л. 6, русск. пер., стр. 131.

готовления состава, которым покрывают бумагу перед лощением. Высокая оценка, данная самаркандской бумаге Султаном Али, являвшимся тонким знатоком бумаги, имеет особенную ценность.

Сведения его ценны еще тем, что он, живший и творивший в Герате, в окрестностях которого располагались свои мастерские по выделке бумаги, прославлял самаркандскую бумагу[8].

Почти к тем же годам относятся сведения о самаркандской бумаге Захириддина Бабура, прекрасно знавшего Самарканд, Афганистан и Индию. «Лучшая бумага в мире получается в Самарканде»[9], — писал он, характеризуя г. Самарканд и его окрестности.

Высокий уровень развития бумажного производства в Самарканде XVI в. свидетельствует о широком спросе на высококачественную бумагу в государстве Шейбанидов. Бумага требовалась в стране для создания исторических и поэтических произведений, для составления различного вида документов, многие рукописи которых дошли в хорошей сохранности до наших дней[10], а также для ведения государственных дел и других экономических и культурных потребностей в стране. Однако потребность в самаркандской бумаге не ограничивалась спросом внутри страны. Она вывозилась далеко за пределы государства.

Автор персидского словаря «Бурхан-и катиъ», составленного в Индии, давая сведения относительно «Самарканда» и подытоживая данные других более ранних авторов, пишет, что из Самарканда привозят прекрасную бумагу[11].

По данным некоторых исследователей самаркандская бумага славилась не только на Востоке, но и на Западе[12].

Самаркандская бумага вырабатывалась в «джувоз-и когазах» — в специальных толчеях, приводимых в движение водой, в которых производилось измельчение волокнистой массы, использующейся затем для выделки бумаги (в лите-

---

[8] Бабур-наме, Записки Бабура, Ташкент, 1958, стр. 223.

[9] Бабур-наме, стр. 62.

[10] См., напр., рукопись упомянутого выше сочинения Хафиз-и Таныша «Абдулла-наме», ркп. ИВ АН УзССР, № 2207, написанную в XVI в. (См. СВР АН УзССР т. I, № 140, стр. 65). См. также рукопись Вакфнаме, составленную в XVI в., ркп. ЛОИВ АН СССР, В-670 (См.: Р. Г. Мукминова, Вакфная грамота в пользу двух медресе Шейбани хана, Известия АН УзССР, Серия общественных наук, 1957, № 3, стр. 19).

[11] Бурхан-и катиъ, т. II, Лакнау, 1888 г. (1905 г. х.), изд. III, стр. 53.

[12] В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета, Справочная книжка Самаркандской области 1902 г., вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 22; Зотов. К истории..., стр. 158.

ратуре «джувоз-и когаз», или «обджувоз-и когаз», называются «бумажными мельницами»).

В вакфной грамоте в пользу двух самаркандских медресе, составленной в 20-х годах XVI в. от имени представителя дома Шейбанидов — Михр Султан хонум, в числе перечисляемых объектов называются «джувоз-и когаз». Упоминаются в ней также мастерские по выделке бумаги — «кархона-и когаз бардори»[13]. Некоторые из бумажных мельниц, ранее составлявшие собственность Михр Султан хонум, по указанной вакфной грамоте передавались в пользу упомянутых медресе. Рядом с этими толчеями и мастерскими размещались другие, находившиеся в пользовании отдельных владельцев. Все они располагались на каналах, выведенных из Сиоба, выше и ниже моста Абдуллы, в окрестностях города Самарканда.

В. Л. Вяткин, исследовавший большой документальный материал, отмечал, что указанная местность, видимо, единственная в Самарканде, где находились «бумажные мельницы»[14].

По сообщению Захириддина Бабура, «...вся вода для бумажных мельниц, приходит с Кан-и Гила. Кан-и Гил находится на берегах Сиех оба...»[15].

В упомянутом вакфном документе XVI в. называются и специалисты по выделке бумаги — когазгары (бумагоделы). К первой половине XVI в. относится деятельность известного самаркандского мастера Мир-Ибрагима, производившего специальный сорт бумаги с «водяным знаком в виде белого кольца размером побольше двугривенного». Под названием «мир-ибрагими» эта бумага была известна и в следующие столетия[16].

При описании двух бумажных мельниц, обращенных в вакф, указывается, что они включали все железное, каменное и деревянное оборудование. К этим двум «джувоз-и когазам» причислялась также мастерская «кархона-и когаз бардори»[17]. Указание на нахождение бумажной толчеи рядом с мастерской по выделке бумаги говорит о том, что в данном случае приготовление волокнистой массы для выделки бумаги из

---

[13] Вакф-наме, ркп. ЛОИВ АН СССР, В-670, л. 26; ркп. ИВ АН УзССР, № 5905, л. 18-а.

[14] В. Л. Вяткин. Указ. соч., стр. 22.

[15] Бабур-наме, стр. 62.

[16] Маджму'а, ркп. ИВ АН УзССР, № 2193, л. 257а (См.: А. А. Семенов, Указ. соч., стр. 9).

[17] К ним же причислялись два سر کار سنگیر.

По Г. В. Григорьеву — каменный станок с кремневым валиком (Г. В. Григорьев. Кустарное производство бумаги в Узбекистане, стр. 156).

тряпья и бумаги из этой массы, а возможно, и лощение производились в разных помещениях, но расположенных рядом[18].

Отдельные авторы, исследуя вопрос производства бумаги, перечисляют песты, желоба, вал с зубьями, ящики, куда клали тряпье, как принадлежности толчеи для выделки бумаги[19], а также описывают сам процесс изготовления бумаги в обджувозах Коканда во второй половине XIX в.

Некоторые путешественники и исследователи сообщают об особой самаркандской бумаге из шелка. Так, А. Вамбери, путешествовавший по Средней Азии, писал: «Бухарская[20] и самаркандская писчая бумага пользуется громкой известностью не только во всем Туркестане, но и в соседних странах; она выделывается из сырцового шелка, чрезвычайно гладка и тонка и очень удобна для арабского письма»[21].

О существовании в Самарканде превосходной бумаги из шелка сообщает и А. А. Семенов[22]. Однако П. Д. Зотов, исследовавший вопросы производства бумаги на Востоке, пишет, что «вопрос о применении шелка для изготовления бумаги еще не ясен»[23].

По словам А. П. Федченко, путешествовавшего по Туркестану после присоединения Самарканда к России, «писчебу-

---

[18] В XIX в. в Коканде, по свидетельству А. П. Федченко, процесс приготовления массы из тряпья и листов бумаги производился в одном и том же помещении, а в с. Чарку «эти два процесса... производятся в разных помещениях, в разных частях селения» (А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан..., стр. 51).

Каллиграф Султан Али Мешхеди описывает способ приготовления ахара — состава, которым покрывают бумагу перед лощением, способ лощения бумаги, а также рецепты приготовления разных оттенков бумаги (Трактат по каллиграфии Султан-Али Мешхеди, стр. 133—135).

[19] Процесс изготовления бумаги в XIX в. на «бумажных мельницах», в Коканде см.: А. П. Федченко, Путешествие в Туркестан, стр. 49—50; Он же, Оби джуваз — писчебумажная фабрика в Коканде стр. 227—232. См. также: Развадовский, Указ. соч., стр. 342—344; В. Григорьев, Кустарное производство бумаги в Узбекистане; А. А. Семенов, Указ. соч.

[20] О бумажном производстве в Бухаре см.: Н. Ф. Ситняковский, Заметки о Бухарской части долины Зеравшана, Известия Туркестанского Отделения ИРГО, т. 1 1899; вып. II, Ташкент, 1900, стр. 259; А. А. Семенов, Указ. соч., стр. 5.

[21] А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 году с научной целью по поручению Венгерской Академии в Пеште членом ее А. Вамбери, М., 1876, стр. 351.

[22] А. А. Семенов. Указ. соч., стр. 3, 9, 14.

[23] П. Д. Зотов. К истории..., стр. 166. Интересные сведения по этому вопросу приводятся в другой его работе «К вопросу о «шелковых бумагах», Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 9, стр. 49—51.

мажные фабрики (оби-джуваз)... в Средней Азии **только** (подчеркнуто нами. — *Р. Г.*) и существуют в Кокандском ханстве. Впрочем и в этом ханстве фабрики существуют только в двух пунктах: в Коканде [в селении Кагазгар] и в сел. Чарку... Правда, они нуждаются в сильной струе воды, которая приводила бы. в действие толчеи, разбивающие тряпье, — толчеи гораздо больших размеров, чем употребляемые для обдирки риса, — но это условие встречается и во многих других местах, однако оби-джувазов мы не видим»[24].

Таким образом, о существовании мастерских по выделке бумаги в окрестностях г. Самарканда в 70-х годах XIX в. А. П. Федченко ничего не было известно. Несколько позже на рубеже XIX и XX веков В. Л. Вяткин писал: «Пред самым занятием Самарканда русскими были случаи обращения в вакф бумажных мельниц. В настоящее время вся эта местность покрыта сплошь мукомольными мельницами и толчеями»[25]. Тем самым В. Л. Вяткин также подтверждает, что в конце XIX — начале XX в. производство бумаги около Самарканда прекратилось.

На основании всего вышеизложенного можно сделать такие выводы:

1) в XVI в. в окрестностях Самарканда продолжала производиться бумага, и эта бумага была высокого качества;

2) самаркандская бумага в указанный период вывозилась далеко за пределы Средней Азии;

3) мастерские по выделке бумаги могли составлять собственность отдельных владетелей, могли входить в состав вакфных хозяйств;

4) после присоединения Самарканда к России бумага в окрестностях Самарканда не производилась.

---

[24] А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, стр. 49—50. 49—50.

[25] В. Л. Вяткин. Указ. соч. стр. 22.

В. А. ШИШКИН

ФИРМАН 1541 г. НА ПОРТАЛЕ БОЛЬШОЙ СОБОРНОЙ МЕЧЕТИ БУХАРЫ[1]

Надпись сделана на прямоугольной плите из сероватого мрамора и вделана на значительной высоте в стену внутри ниши главного портала мечети, слева от входа. Она содержит пять строк.

1. درتاریخ شهر ذی الحجه سنة ۹٤۸ ثمان و اربعین و تسعمایة
حضرت سلطان کامکار و خاقان معدلت شعار رافیع الولیة العدل و
2 الاحسان قامع ابنیه الجور و العدوان صاحب الجود و الکرم و
التهوّر ابو الغازی سلطان عبد العزیز بهادر خلد الله
3. ملکه و دولته بخشیدند برعایای بلدهٔ فاخرهٔ بخارا مبلغ‌سی
و شش هزار تنکچه تقبلی‌را و هژده هزار تنکچه تفاوت
4. پنجهٔ مروی‌را و بیست و هفت هزار تنکچه توفری‌را که مجموع
هشتاد و یکهزار تنکه میشود و فرمودند که هر کس که‌این زررا
5. بعداز این تاریخ از مردم بستاند درلعنت خدای تعالی و
فرشتکان و پیغمبران و سایر خلایق باشد کتبه میرشیخ
الپورانی.

„В месяце зу-л хиджжа года девятьсот сорок восьмого [март — апрель 1541 г. н. э.] его величество могущественный султан, прославленный [своим] правосудием, возвысивший авторитет справедливости и благотворения, установивший основы покровительства и [преследования] несправедливости, обладатель щедрости, милости и отваги, Абу-л-гази султан Абд-ал-Азиз баходур, да продлит Аллах его царствование и власть, даровал подданным прославленного горо-

[1] Нами в свое время был издан перевод этой надписи, но без таджикского текста, напечатанный с некоторыми искажениями (В. А. Шишкин. Надписи на портале Большой мечети в Бухаре, Бюллетень АН УзССР, 1947, № 8, стр. 25—26).

да Бухары сумму в тридцать шесть тысяч тангача такаббули, восемнадцать тысяч тангача тафавути панча-и марви (?), двадцать семь тысяч тангача тавфири — всего восемьдесят одну тысячу танга (sic!). И повелел, что каждый, кто эти деньги [букв. „золото“] после этого времени будет у людей вымогать, [над ним будет] проклятие Аллаха всевышнего, ангелов, пророков и прочих людей. Писал Мир-Шейх ал-Пурани“.

Освобождение, временное или постоянное, от уплаты податей и налогов, чаще от какой-либо их части, практиковалось восточными правителями в особых случаях.

Не является исключением и опубликование фирманов о таких „милостях“ верховной власти в виде монументальных надписей, помещавшихся в наиболее посещаемых местах — соборных мечетях городов. В качестве примера можно назвать надпись первой половины XII в. в мечети Ани[1], надписи шаха Аббаса I в Ордубаде[2] и Демавенде[3] и др.

Причинами таких освобождений были стихийные бедствия, разорение населения во время войн и набегов неприятеля, желание вознаградить население той или иной местности за верность центральной власти, стойкость при отражении вражеских войск, а возможно, и в случае недовольства и угрозы восстания населения. Иногда могли отменяться и такие чрезвычайные налоги, которые с точки зрения шариатских постановлений считались незаконными. В этих случаях сложение налогов представлялось как акт „благочестия“ со стороны правящего хана.

Обстоятельства, при которых был издан фирман Абд-ал-Азиза, нетрудно себе представить.

После кратковременного правления Абдуллы I, сына Кучкунджи, при котором сохранялось еще единство Шейбанидского государства, выделилась самостоятельная Бухарская династия, только номинально считавшаяся вассальной по отношению к хану, сидевшему в Самарканде, но фактически возглавлявшая отдельное владение, часто враждебное Самарканду. Первым представителем этой династии стал Абд-

---

[1] В. В. Бартольд. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче, „Анийская серия“, № 5, СПб., 1911, стр. 5—40.

[2] N. Khanikoff. Mémoire sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase, Paris, 1863, стр. 95—98; В. А. Крачковская. Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике, ЭВ, II, 1948, стр. 31—33.

[3] Н. Д. Миклухо-Маклай. К вопросу о налоговой политике в Иране при шахе Аббасе I (1587—1629), Советское востоковедение, 1949, VI, стр. 350—351.

ал-Азиз, сын Убайдуллы (1540—1549), от имени которого и был издан публикуемый фирман.

Издание фирмана, несомненно, продиктовано политическими причинами. Новому хану необходимо было заручиться поддержкой и симпатией населения, укрепить свою власть в столичном городе. Лучшим же и наиболее действенным средством являлось облегчение налогового бремени, которое в предшествующие десятилетия в связи с борьбой шейбанидов с тимуридскими правителями и с шиитским Ираном, надо полагать, значительно увеличилось за счет различных чрезвычайных и добавочных сборов, как это неизбежно происходило в периоды войн и всякого рода политических неурядиц. Эти сборы, хотя и практиковались систематически в государствах Средней Азии и Ирана, не были установлены шариатом и с точки зрения ортодоксальных правоведов не в полной мере соответствовали мусульманскому законодательству.

Характер налогов, упоминаемых в фирмане, не вполне ясен. Несомненно, они все относились к категории «аваризат» — чрезвычайных сборов, которые, по словам Бабура, собирались в то время, когда государство особенно нуждалось в деньгах[4].

Первый из сборов, указанных в фирмане Абд-ал-Азиза, — такаббули («благосклонно принимаемый») — составлял наиболее крупную сумму в тридцать шесть тысяч танга. Согласно «Тазкират ал-мулук» (XVIII в.), это был какой-то сбор, взыскивавшийся с населения наряду с дорожной пошлиной, налогом на табак и т. п.[5] Более точных данных об этом виде сборов найти не удалось.

Тафавут (различие, разница) и *тавфир* (увеличение, пополнение, излишек) И. П. Петрушевский считает синонимами[6]. По его определению, применительно к государству Сефевидов «это «прирост» или «излишек», который образовался благодаря постепенному увеличению «мал у джихата» (основного налога. — *В. Ш.*) шахским правительством. Этот «прирост» записывался в податные списки как отдельная статья

---

[4] «Мубайин». Цит. по кн.: С. Азимджанова. К истории Ферганы второй половины XV в., Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 90. О сборах, входивших в категорию «аваризат», см. также: А. А. Молчанов. К характеристике налоговой системы в Персии эпохи Алишера Навои. в сб.: «Родоначальник узбекской литературы», Ташкент, 1940, стр. 153 и сл.

[5] Tadhkirat ol muluk. Transl. by V. Minorsky. G.M.S. newseries, XVI, London, 1943, стр. 76 и 176.

[6] И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в., Л., 1949, стр. 265,

обложения»[7]. В Иране термин «тафавут» существовал до нового времени; там «тафавути амаль» («фактическая разница») устанавливали губернаторы провинций с учетом прироста населения, увеличения урожаев и т. п., причем, тафавут достигал весьма значительных размеров[8].

В статье А. Д. Папазяна, посвященной некоторым налоговым терминам в Иране, приводится обозначение налога «тафавути джизия», который являлся собственно джизией[9] (налогом на иноверцев) и, следовательно, относился только к немусульманской части населения.

Надо полагать, что термин «тафавут» в разное время и в разных странах принимал несколько различное значение и сопровождался в нужных случаях дополнительными определениями, такими как «амаль», «джизия» и др. С каким-то непонятным определением, которое мы только условно расшифровываем как «панча-и марви», соединено слово тафавут и в нашем тексте. Значение термина в целом пока не поддается разъяснению.

Мы не можем также уточнить и значение термина «тавфири»[10], но, поскольку он встречается в одном тексте со словом тафавут и явно в каком-то отличном от последнего смысле, едва ли можно согласиться с И. П. Петрушевским, считающим данные слова синонимами.

Упоминаний об этих видах налогов в среднеазиатских документах нам не удалось обнаружить. В том же случае, когда речь шла о чрезвычайных сборах, они обозначались словом «аваризат»[11].

Вопрос о значении налоговых терминов, упоминаемых в надписи, требует дальнейших поисков их в других нарративных и документальных источниках.

Следует обратить внимание также и на употребление в надписи обозначения денежной единицы «танга» и «тангача» (уменьшительное от «танга») в одном и том же значении. Здесь, бесспорно, разумелась серебряная монета.

---

[7] И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 269.

[8] В. Осетров. Очерк экономического строя Персии, в кн. «Колониальный Восток», М., 1924, стр. 69.

[9] А. Д. Папазян. К вопросу о техническом значении термина «малоджахат», Известия АН АрмССР, серия общественных наук, 1961, № 2, стр. 68.

[10] «Гияс ал-лугат» с ссылкой на другие восточные словари дает значение آنچه در اجاره فائده بر دارند (то, что приносит пользу от аренды).

[11] Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. 1, Акты феодальной собственности на землю XVIII—XIX вв., Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович, Ташкент, 1954, стр. 8—9 и 98—99.

Дата, стоящая в публикуемой надписи, прочитанная без контекста, была отнесена ко времени постройки мечети, что оказалось неверным[12]. Ознакомление с текстом надписи заставило искать иную дату постройки, которая и была обнаружена там же, под аркой портала на левой стороне. Надпись сделана мелкими буквами, запылилась и относительно плохо читается, а потому не была раньше замечена. Она обнаружена и прочтена одновременно с публикуемой надписью. Дату 920 (1514—1515) г. следует отнести к постройке восточного портального сооружения и капитальному восстановительному ремонту мечети.

Еще в 30-х годах, при составлении книжки об архитектурных памятниках Бухары[13], автор обратил внимание на то, что мечеть «в большей мере, чем все другие сооружения XVI—XVII вв. в Бухаре, является произведением живых еще тимуридских традиций». Новая дата, а также более внимательное изучение как общих пропорций главной, западной части здания, так и некоторых сохранившихся остатков декора заставляют теперь отнести сооружение мечети к XV в. Это предположение нашло подтверждение и в раскопках, произведенных в связи с изучением технического состояния памятника С. Н. Юреневым, вскрывшим разновременные, элементы сооружения, наиболее ранние из которых относятся к XII в., когда соборная мечеть Бухары была перенесена на это место[14]. К остаткам древней мечети относится широко известный минарет, хорошо сохранившийся до наших дней. Мечеть была окончена, по Наршахи, в 515 (1121—1122) г.[15] Позднее мечеть подвергалась многочисленным перестройкам и ремонтам. По-видимому, в XV в. эти перестройки были настолько капитальными, что можно говорить, по сути дела, о возведении мечети заново. Данные об этой перестройке в письменных источниках, насколько нам известно, не сохранились.

Но большая близость сохранившихся кое-где майолик с майоликами бухарского медресе Улугбека (окончено в

---

[12] А. А. Семенов. Материальные памятники культуры, в сб.: «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 138. Ошибка была повторена нами (В. А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1936, стр. 55) и Б. Н. Засыпкиным (Архитектура Средней Азии, М., 1948, стр. 122).

[13] В. А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1936, стр. 55.

[14] До этого времени она находилась рядом с цитаделью, с северной стороны. Мухаммед Наршахи. История Бухары, пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 67.

[15] Там же.

1418 г.) и его же медресе в Гиждуване (окончено в 1436 г.) указывает на возведение мечети именно в период правления Улугбека (1409—1449). К такому же выводу пришли Г. А. Пугаченкова и Л. И. Рempель, считающие, что «основные конструкции мечети и майоликовые облицовки сохраняют тесную связь с архитектурой эпохи Улугбека»[16]. Однако сюда не может быть отнесен михраб мечети — типичное произведение XVI в. Кроме его стилистических и технических особенностей, об этом говорит и имя каллиграфа Баязида Пурани, о чем мы скажем ниже[17].

Вернемся к надписи Абд-ал-Азиза. Она выполнена незатейливым, но достаточно четким и ясным насталиком с обозначением диакритических знаков — точек и ташдидов. Несколько менее тщателен рисунок букв только в конце надписи, где помещено имя каллиграфа и, вероятно, составителя надписи Мир-Шейха Пурани.

Здесь невольно обращает на себя внимание тождество нисбы каллиграфа Баязида Пурани, оставившего свою подпись на михрабе мечети, и каллиграфа фирмана Абд-ал-Азиза. Возникает предположение, что оба они принадлежали к одной семье, старший представитель которой упоминается в «Бабур-наме». В рассказе о занятии Шейбани-ханом Герата в 913 (1507) г. и о бесчинствах, учиненных в этом городе ханом и его воинами, Бабур сообщает: «Шейха Пурани, этого праведного, святого человека, он отдал моголу Абд-ал-Ваххабу, а его сыновей роздал всяким людям»[18]. Возможно, что Баязид и Мир-Шейх и были потомками гератского шейха. О Баязиде нам никаких данных встретить не удалось. Что касается второго, то он, Мир-Шейх сын Нур-ад-дина Мухаммеда Пурани, был поэтом, составившим сборник из сорока хадисов со стихотворным переложением их на таджикском языке, экземпляр которого хранится в собрании рукописей Института востоковедения АН УзССР[19].

Имя «прибежища учености, обладателя совершенства, потомка великих шейхов, ходжи Мир-Шейха — сына избранного из высочайших и благороднейших, покойного шейха

---

[16] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, 1958, стр. 80.

[17] Об этом михрабе точнее сказано у Л. И. Рempеля (Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 338), сближающего его с михрабами мечети Балянд и мечети Ходжа Зайнуддин.

[18] Бабур-наме, пер. М. А. Салье, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 239—240.

[19] Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. II, Ташкент, № 1201, стр. 191.

Нур-ад-дина Мухаммеда ал-Пурани» мы встречаем в двух документах 966 (1558—1559) г. из архива джуйбарских шейхов. Он упоминается в качестве владельца лавок на «улице мечети Мулла Амири, вне старого хисара города Бухары»[20]. Тождество имени и нисбы позволяет с уверенностью считать автора «сорока хадисов», владельца лавок и каллиграфа фирмана Абд-ал-Азиза одним и тем же лицом. Пышный титул, сопровождающий его имя, говорит, что он принадлежал к кругам духовенства и был в свое время лицом достаточно значительным.

---

[20] Из архива шейхов Джуйбари, М.— Л., 1938, стр. 20 и 66; Н. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, М.—Л., 1954, стр. 102—120.

Ф. А. БУРНАШЕВА

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ БЫТОВОЙ КЕРАМИКИ (КОТЛОВ) СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Среди археологического раскопочного материала Средней Азии довольно часто встречается кухонная посуда — котлы. Особенность этого вида керамических изделий заключается в том, что масса черепка всегда содержит крупнозернистый наполнитель — дробленный в мелкую щебенку камень.

Технологическое исследование подобной посуды производилось с целью выяснения возможности использования химико-технологических показателей для установления локализации типов котлов по районам и их датирования.

В лаборатории археологической технологии Института истории и археологии АН УзССР имеется несколько образцов афрасиабских, кашкадарьинских и кувинских котлов из раскопок археологов Г. В. Шишкиной, М. Пачоса, С. К. Кабанова, И. Ахрарова.

По данным химического анализа (табл.), среди указанных образцов явно выделяется два типа: 1) афрасиабский с повышенным содержанием окислов алюминия и двуокиси кремния (пб2, 33б, 39б) и 2) кувинский с повышенным содержанием окислов кальция (кува-а, кува-б, ахсикет-1).

Кашкадарьинские котлы (табл., 1 б) по своему составу приближаются к афрасиабским, а поэтому не могут быть выделены в самостоятельный тип.

Имеются сведения о хорезмских котлах[1], где в качестве наполнителя употреблялся гипс, т. е. намечается третий тип котлов. К сожалению, химические анализы хорезмских котлов не приводятся, что лишает нас возможности сравнивать их по составам.

Определение химико-технологических свойств котлов проводилось только на кувинских образцах.

---

[1] Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, вып. IV, М., Изд-во АН СССР, 1959.

По внешнему виду фрагменты котлов (10 образцов) различаются по цвету: розоватые, оранжевые и серые, иногда в середине черепка наблюдается темная полоска задымления. Очевидно, оттенки цвета черепков и наличие полос задымления обусловливались температурой обжига, продолжительностью его и атмосферой печи при обжиге.

Таблица

Результаты химических анализов котлов[1]

Лабор. номер	SiO_2	Fe_2O_3	Al_2O_3	CaO	MgO	SO_3	H_2O	П.п. п.	Сумма
пб2	65,47	5,62	17,20	4,86	2,03	0,34	0,16	3,20	98,88
33б	66,22	6,07	18,25	1,96	2,53	0,21	0,82	2,64	98,70
39б	66,20	4,33	15,62	7,24	2,15	0,31	0,48	2,24	98,57
101б	58,96	4,88	14,88	6,55	2,27	2,68	2,64	8,40	101,26
1б	70,11	4,11	15,18	1,84	2,08	0,43	1,00	3,01	97,76
Кува-а	31,06	3,66	9,31	28,59	3,42	0,87	—	21,2	98,11
Кува-б	39,69	5,21	13,72	19,80	2,05	2,84	—	14,82	98,13
Ахсикет-1	28,12	3,23	8,35	29,43	4,19	0,94	—	23,88	98,14

[1] Химические анализы проводились в лаборатории Узбекгидроэнергостроя.

Масса черепков делится на три группы по крупности наполнителя и по плотности насыщения массы наполнителем[2]. В качестве наполнителя употреблялся дробленый известняк[3]. Окись кальция могла применяться или в качестве отощителя (при температуре обжига ниже 1000°), или в качестве флюсующего материала (при температуре обжига выше 1000°)[4]. В кирпичной глине окись кальция относится к вредным примесям, снижающим прочность изделия. Допускаемое предельное содержание известняка в ней при крупности зерен не больше 1 *мм* составляет 33%, или 18,5% окиси кальция. В противном случае образцы после обжига разрушаются: комочки окиси кальция впитывают влагу воздуха и, увеличиваясь в объеме, разрывают изделие[5].

Для установления цели введения дробленого известняка в котельную массу определялись температуры обжига. Фраг-

[2] Замеры проводились при помощи микроскопа МБС-1.

[3] Химические определения проводились Л. И. Ждановой.

[4] И. Д. Финкельштейн. Жаростойкая керамическая посуда, М., Госиздместпром, 1947, стр. 47.

[5] А. И. Августиник. Керамика, М., Гос. изд-во литературы по строительным материалам, 1957, стр. 18; Г. Зальманг. Физико-химические основы керамики, М., 1959, стр. 133.

менты котлов загружались в электрическую печь и нагревались от 450 до 900°, причем через каждые 50° образцы выгружались из печи и сравнивались с эталонами (фрагменты этих же котлов, не подвергавшиеся обжигу). При нагреве до 500° цвет черепков не менялся. С повышением температуры до 650° образцы высветлялись, при 800° становились рыхлыми и рассыпались в порошок после 880°. Следовательно, температура обжига котлов не превышала 500°. Такая температура не вызывает диссоциации известняка, т. е. карбонат кальция не разрушается. Таким образом, можно считать, что добавка известняка применялась в данном случае в качестве отощающего материала, для уменьшения усадки изделия во время обжига и сушки.

У образцов кува-а и ахсикет-1 размеры зерен наполнителей и насыщенность ими котельной массы приблизительно одинаковы: кува-а имеет величину зерен от 0,05 до 1,45 *мм*, ахсикет-1 — от 0,25 до 1,5 *мм*; насыщенность — от 2 до 6 шт. на 1 *мм*^{2} для образцов кува-а и от 2 до 5 шт. на 1 *мм*^{2} для образцов ахсикет-1. Фрагменты кува-б отличаются большей насыщенностью массы наполнителем (5—10 шт. на 1 *мм*^{2}) и размерами его зерен (от 0,05 до 0,75 *мм*).

В некоторых образцах кувинских котлов изредка обнаруживаются зерна песка (кремнезема), которые не являются специальной примесью, а скорее попали при формовке изделия, когда песок употреблялся в качестве подсыпки. По данным химических анализов, вероятно, составы формовочных масс кувинских котлов представляли собой смесь лесса и дробленого известняка в пропорции 1 : 1 или 1 : 1,5 (кува-а, ахсикет-1). Масса котлов кува-б более сложная. В них могли использоваться пластичная глина, дробленый известняк и гипс (около 2%). Вполне возможно, что котел кува-б не местный, не кувинский. Для того чтобы окончательно ответить на этот вопрос, необходимо провести серию химических анализов многих котлов разных форм, выявить, какой формы котел имеет подобный состав, насколько такие котлы характерны для Кувинского района. Наши же исследования следует рассматривать как предварительные, освещающие главным образом вопросы методики.

Кухонная посуда, употребляемая для изготовления пищи, должна выдерживать резкие смены температур, обладать повышенной термостойкостью. Испытывавшиеся фрагменты котлов выдерживали резкую смену температур: нагрев до 200—300° и охлаждение до 19°.

Термостойкость изделия зависит в значительной мере и от термического коэффициента расширения — чем больше

величина коэффициента, тем меньше термостойкость. Коэффициент термического линейного расширения определялся на дилатометре ДКВ. Образцы для проведения замеров вытачивались из котельных фрагментов, имеющих соответствующую толщину (не меньше 5 *мм*) и наименьшее искривление поверхности. Числовые значения коэффициентов, полученные путем расчета по данным прибора, находились в пределах от $1{,}6 \cdot 10^{-6}$ до $4{,}8 \cdot 10^{-6}$, т. е. имели такие же пределы, как и у фарфора, фаянса, жаростойкой посуды, термостойкого стекла. Обычные же керамические изделия имеют коэффициент термического расширения от $6{,}0 \cdot 10^{-6}$ до $8{,}0 \cdot 10^{-6}$.

Форма изделий и толщина стенок котлов также отражаются на термостойкости. Очертания изделий должны быть плавными, закругления должны проводиться большими радиусами, верхняя часть должна утолщаться. Толщина стенок котлов допускается в пределах 4—7 *мм*, а дна — 4—8 *мм*[7]. Большинство кувинских котлов удовлетворяет предъявленным требованиям.

Плотность котельной массы, как всякого керамического материала, характеризуется водопоглощением. Величины водопоглощения для кува-а и ахсикет-1 составляют 16—18%, для кува-б — 14%, т. е. близки к величинам водопоглощения современных фаянсов (твердый фаянс — 9—12%, мягкий — 19—22%), хотя температура обжига фаянсов выше 900°[8], а котлов — 500°.

Таким образом, по водопоглощению и термостойкости кувинские котлы могли употребляться для варки пищи при температурах не выше 500°.

Данные по изменению составов кувинских котлов в зависимости от времени их существования отсутствуют. Однако на примере афрасиабских котлов можно проследить соответственное изменение: масса котла XII—XIII вв. (табл., 39б) по сравнению с котлами X—XI вв. (табл., пб 2) содержит приблизительно в два раза больше окислов кальция и немного меньше окислов алюминия. Очевидно, подобное изменение составов котлов в зависимости от времени их существования может наблюдаться и в других районах Средней Азии.

Предполагаемый состав средневековых афрасиабских котлов — смесь глиняной массы с наполнителем из дробле-

---

[6] А. И. Августиник, Указ. соч., стр. 216.
[7] И. Д. Финкельштейн. Указ. соч., стр. 50—51.
[8] А. И. Августиник. Указ. соч., стр. 361.

ного кварцита. Глиняная масса составляется из керамзитовых глин и местного лесса[9]. Для афрасиабских котлов, вероятно, имелось несколько рецептов котельной массы: так, состав котла 101 б (раскоп Г. В. Шишкиной) отличается по составу от других афрасиабских котлов (раскоп М. Пачоса и А. И. Тереножкина).

ВЫВОДЫ

1. Средневековые котлы разных районов различаются по составу и свойствам: кувинские котлы отличаются от афрасиабских как керамической массой, так и наполнителем.

2. Для выяснения всех типов котлов, бытовавших в средневековье, выявления ареала однотипных котлов, установления хронологического изменения технологии их производства необходимо провести изучение котлов различных районов Средней Азии химико-технологическими методами.

---

[9] Данные Н. С. Гражданкиной.

Н. С. ГРАЖДАНКИНА

К ИСТОРИИ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(Методы изготовления сероглиняной керамики в IX—XIII вв.).

Сероглиняная разнообразно орнаментированная керамика занимала в IX—XIII вв. значительное место в продукции среднеазиатских керамистов.

Среди керамики этого типа чаще всего встречаются кувшины, кувшинчики с длинными носиками типа чайников, графины, вазы, фляги. Отсутствуют мелкие предметы: чашки, чираги. В литературе ничего не говорится также о сероглиняных блюдах и чашах. При раскопках у мавзолея Уч-Авлия в Хиве В. А. Булатова нашла большой фрагмент толстостенного хума с резным рельефным орнаментом (проба № 118 б). В древнем Самарканде производились сероглиняные хумы с крышками (проба № 117).

Сероглиняная керамика появляется в IX в. и достигает наибольшего развития в XII — начале XIII в. После завоевания Средней Азии монголами производство ее в этом крае прекращается повсюду, кроме Хорезма, но зато развивается в Золотой Орде, где найдено большое количество сероглиняной керамики, совершенно аналогичной среднеазиатской[1], датируемой XIII—XIV вв.

Керамика с серым черепком, иногда покрытая ангобом более светлого тона, производилась в Средней Азии почти повсеместно. Большое количество самых разнообразных сосудов найдено на Афрасиабе[2], в Кафыркале[3], на городище Мингурюк[4] (Ташкент), при раскопках городища Кува XII в.[5],

---

[1] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, рис. 45. Коллекции Ахтубинской экспедиции МГУ.

[2] Г. В. Шишкиной, Д. В. Жуковым (пробы 98 б, 130 б и 117 б).

[3] Г. В. Шишкиной (проба 123 б).

[4] О. В. Обельченко (проба 94 б).

[5] И. Ахраровым (проба 12 кб).

Тойтюбе[6], в Термезе[7], Хорезме[8], древнем Мерве[9], Нисе[10], на городище Пештак близ станции Каахка Ашхабадской железной дороги[11] и в Бухаре[12].

Обилие фрагментов посуды, перевозка ее иногда на значительное расстояние говорят о большой популярности серой керамики[13]. По всей вероятности, она имитировала серебряные чеканные сосуды, стоившие слишком дорого и доступные лишь очень богатым людям[14]. Изящные, богато орнаментированные керамические сосуды стоили не так дорого, хотя вряд ли могли считаться предметами ширпотреба.

Многие исследователи подробно останавливались на способах формовки сероглиняной керамики, особенно тщательно разбирая формы и сюжеты орнаментов[15], но в подавляющем

---

[6] Ю. Ф. Буряковым (проба 108 б).

[7] В. А. Шишкин. «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах старого Термеза, Труды АН УзССР, серия 1, ТАЭ, т. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1945, стр. 114—115.

[8] Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), «Керамика Хорезма», Труды ХАЭ, т. IV, М., 1959, стр. 300—312.

[9] Г. А. Пугаченкова. Мастер-керамист Мухаммед-Али Инойятон из Мерва, СА, М., 1958, №2; С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — начале XIII вв., Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962.

[10] М. Е. Массон. Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 г., Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 10—11. Отмечается наличие кремовой и серой неполивной керамики в IX—X вв. н. э., наличие этой же керамики в XI в. и развитие ее орнаментации в II—XIII вв. см.: М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение, там же, рис. 18, 19, 21, 23, 25, 26, 27; М. И. Вязьмитина. Археологическое изучение городища Новая Ниса, там же, стр. 159—161.

[11] Найдена В. А. Булатовой, проба 97 б.

[12] С. К. Кабанов. Раскопки жилого квартала X в в западной части городища Варахша, Труды Института истории и археологии, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 109.

[13] Г. А. Пугаченкова. Указ. соч.; на стр. 89, 91 указывается транспортирование продукции мастера Инойятона из Мерва в Нису и иные города Хорасана.

[14] М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение, Труды УзФАН, серия I. История, археология, вып. 2, ТАКЭ, 1936, Ташкент, 1941. На стр. 99 говорится о подражании термезских керамистов XI—XII вв. технике мелкой чеканной работы по металлу. Того же мнения придерживается и В. Ф. Гайдукевич, считающий сосуды с рельефным орнаментом имитацией металлических. См.: Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—44 гг., КСИИИМК, XIV, М.—Л., 1947, стр. 103.

[15] Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 82—89; С. Б. Лунина. Указ. статья, стр 301—345; она же, Сосуд со штампованной орнаментацией из Тали-Барзу, Сборник студенческих работ САГУ, вып. X, История, Ташкент, 1955, стр. 50—53.

большинстве проходили мимо самого материала, бегло отмечая, что сосуды приготовлены «из серой глины». В. Л. Вяткин высказался более определенно, называя материалом самаркандских сероглиняных сосудов серую глину из Пенджикента[16].

Исследованиями лаборатории археологической технологии Института истории и археологии АН УзССР вскрыты древние методы получения керамики с серым и светлым кремово-зеленоватым цветом черепка.

Предметами исследования являлись фрагменты керамики, собранные археологами во время раскопок в 1947—1962 гг. на археологических объектах Средней Азии. В качестве сравнительного материала взята проба золотоордынской сероглиняной керамики (проба 195 б)[17].

Сырьем для светлой и серой керамики служили те же самые лессы, лессовидные суглинки и глины, из которых производились все виды древней неполивной и поливной керамики. Исследователи, считавшие сырьем для изучаемой керамики серые глины, действительно имеющиеся в Ташкенте, Ангрене, Пенджикенте и ряде других мест, были введены в заблуждение их цветом.

Обычно серый цвет глинам придает примесь перегоревшего, переработанного временем органического вещества. Во время обжига керамики, органические остатки выгорают и изделие приобретает цвет, соответствующий составу глины. Так, серые пенджикентские глины (№ 10 ч, 9 ч, табл. 1), как и серые ангренские, относятся к числу беложгущихся и дают после обжига черепок ослепительно белого цвета.

Такие глины почти никогда не употреблялись для производства черепка керамики даже в виде добавки, а шли лишь на ангобные покрытия сосудов. Черный бозсуйский ил после обжига дает светлый розовато-палевый черепок. Илистые отложения, вследствие их дисперсности, являются хорошим керамическим сырьем и используются в кустарных мастерских до настоящего времени.

Средняя Азия богата керамическим сырьем. Близ Самарканда, в горах Чупаната и в районе Пенджикента, имеются залежи глин: высокопластичных, огнеупорных, типа серой пенджикентской и в особенности керамзитовых глин, так называемых *гилмоя*, характерной особенностью которых является энергичное вспучивание при обжиге, с образованием

---

[16] В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 34—35.

[17] Проба передана Г. А. Федоровым-Давыдовым.

легкого, губчатого, довольно прочного материала — керамзита. Такие же глины имеются и в районе ст. Дарбаза, в 40 *км* от Ташкента, в районе Кувы (Фергана) и многих других местах. В смеси с менее пластичным лессом они дают массы с хорошими формовочными свойствами и красивый красноватый цвет черепка после обжига.

Близ Ташкента имеется богатейшее месторождение глин (по р. Ангрен). Ангренские глины розового, красного, сиреневого, зеленого, коричневого и белого цветов издревле пользовались известностью и широко применялись в производстве керамики. Многочисленные выходы цветных глин имеются близ Ташкента, в селениях Хумсан, Ходжакент, Бричмулла и др.

К числу наиболее древних разработок глин относится Карнабское месторождение близ Навои. Район древнего Мерва богат зеленовато-серыми, сильнокальцинированными глинами с пониженным содержанием кремнезема. Прекрасная огнеупорная глина прорезает пластами холм Каратепе в старом Термезе.

Химические составы глин и лессов некоторых среднеазиатских месторождений приводятся в таблице 1. По ним произведены расчеты составов формовочных масс исследованной керамики.

Первичная обработка сырья. Микроскопическое изучение свежего излома черепка сероглиняной керамики позволяет установить в большинстве случаев хорошую подготовку формовочных масс. Несмотря на определяемое расчетами и подтвержденное этнографической литературой и сообщениями керамистов практиковавшееся смешивание глин различных сортов[18], текстура черепка выглядит под микроскопом совершенно однородной. Иногда в некоторых черепках после дополнительного окислительного обжига выступают при увеличении частицы красножгущихся или светложгущихся глин, но опять-таки очень равномерно перемешанных.

Е. М. Пещерева[19] подробно описывает процесс подготовки глиняной массы, практиковавшийся до 40—50-х годов XX в. кустарями-керамистами в различных местностях Средней Азии. Вероятно, к тому времени производственные традиции древности сравнительно мало изменились, сложившись более или менее определенно в период оформления развитого производства бытовой керамики.

---

[18] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 158, 175, 197; М. К. Рахимов. Художественная керамика Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 32.

[19] Е. М. Пещерева. Указ. соч., стр. 159, 175, 176, 197.

По свидетельству Е. М. Пещеревой, измельченную глину в нужных пропорциях рассыпали на специальные площадки, иногда вымощенные кирпичом, окружали бортиками из той же глины и заливали водой. Размельченную массу тщательно вымешивали ногами. Крупные включения камня и сор выбирали руками. Промятая глина скатывалась в большой ком, укрывалась тканью для предохранения от высыхания и через день делилась на куски, которые тщательно промина-лись руками на доске, как тесто, и разделывались на болванки нужного размера, из которых уже формовались на станке изделия. В некоторых местностях глину предварительно заливали водой в ямах и после перебивания кетменем на площадке проминали ногами.

Во время промешивания в глину вводились органические волокнистые вещества — чаще всего пух камышовых метелок, иногда тонкие стебельки травы. Отпечатки их ясно видны под микроскопом. Для распознавания отпечатков пуха пришлось изготовить специальные эталоны. Пух камышовых метелок замешивался в глину, образцы обжигались. При параллельном просмотре исследуемого черепка и эталона можно уловить тончайшие равномерно распределенные в массе черепка отпечатки. В толстостенном сосуде из Хивы (проба 118 б) вместо пуха введены стебельки травы и в небольшом количестве — дробленый кварцит. Органические и неорганические добавки предохраняли изделия от растрескивания во время сушки.

Е. М. Пещерева отмечает неоднократное повышение формовочных свойств глины от длительности выдерживания ее в затворенном состоянии. Это связано с расщеплением частиц глины водой на более мелкие. Чем мельче частицы, смоченные со всех сторон водой, тем легче скользят одна по другой, тем меньше будет водяных пор в черепке. По количеству и размеру пор можно судить о качестве обработки глиняной массы, о времени ее выдерживания до формовки.

Говоря о подготовке формовочных масс, необходимо остановиться на термине «отмучивание», которым в археологической литературе принято характеризовать тонкость и качество глиняной массы в древней керамике. Почти в каждой работе о бытовой керамике встречаются фразы: «из глины хорошей отмучки», «из тонко отмученной глины». Отмучивание — чрезвычайно трудоемкий процесс, требующий специальных помещений и большого расхода воды. Глину нужно размешать в большом объеме воды до образования везвеси-эмульсии, затем дать ей отстояться. В результате все крупные частицы осядут на дно, а наиболее тонкие, со-

Химические составы сырья для сероглиняной

№ пп	Сырье	Компоненты химического на высушенное		
		SiO_2	F_2O_3+ FeO	Al_2O_3
1.	Серая Пенджикентская глина (10ч)**	41,81	1,48	29,48
2.	Самаркандский лесс	59,52	3,83	12,47
3.	Серая глина из Чупанаты (*гилмоя*)	59,27	5,57	13,54
4.	Лёсс из Чупанаты (В)	53,86	4,93	12,87
5.	Пахса из стен IX—X в в. Афрасиаба	50,38	5,27	13,03
6.	Лесс из самаркандского кирпичного завода (Б)	58,04	4,15	12,10
7.	Лесс из Чупанаты, розовый (8ч)	53,21	4,34	11,29
8.	Красная глина из Чупанаты (*гилмоя*, 4ч)	64,78	7,01	17,45
9.	Глина из Чупанаты (3ч)	62,95	4,95	20,08
10.	Светлая глина из Чупанаты (5ч)	71,14	4,29	17,34
11.	Светлая глина из Пенджикента (*гилмоя*, 9ч)	65,87	4,92	16,20
12.	Черный ил из р. Бозсу (Ташкент)	54,22	4,59	12,04
13.	Коричневая ангренская глина	49,85	6,57	17,92
	Ташкентский лесс (2а)	50,09	4,46	11,99
14.	Желтая ангренская глина (4а)	53,90	12,79	23,60
15.	Кува. Материковый лесс	54,04	5,58	13,15
16.	Серая *гилмоя* из раскопа на городище XII в., Кува	60,10	4,19	21,35
17.	Глина для производства тандыров из Кувы (10)	50,81	7,24	13,18
18.	Сырцовый кирпич из Мерва (Л-6)	56,95	5,10	12,20
19.	Глина из мастерской XII—XIII вв. в древнем Мерве (Л-1)	46,34	5,82	14,19
20.	Лесс Марыйского месторождения	40,21	4,93	14,34
21.	Серая глина из древнего Мерва	45,54	3,35	11,02
22.	Лесс из Байрам-Али	55,17	4,97	9,43
23.	Глина из Бухары	50,58	3,60	11,58
24.	Гончарная бухарская глина	53,13	6,09	16,19
25.	Огнеупорная бухарская глина	57,81	6,14	17,48
26.	Лесс из Варахши	55,91	4,48	12,07
27.	Красная карнабская глина	64,11	8,94	19,45
28.	Глина из Калянтепе (Сурхандарьинская область)	50,37	6,06	12,94
29.	Серая глина из долины Кашкадарьи	50,26	4,65	13,78
30.	Серая глина из долины Кашкадарьи	55,09	4,43	12,91

* п. п. п.—потеря при прокаливании при температуре 800—1000°.
** В скобках указан номер пробы.

Таблица I

керамики (вероятного для использования)

состава в % % вещество				Компоненты химического состава в % % на прокаленное вещество						
CaO	MgO	SO_3	п. п. п.	SiO_2	Fe_2O_3 + FeO	Al_2O_3	CaO	MgO	SO_3	п. п. п.*
0,72	1,21	0,65	27,40	55,40	1,96	39,06	0,95	1,60	1,05	0,00
10,14	2,19	0,21	10,50	67,35	4,33	14,12	11,47	2,48	0,23	0,00
0,72	2,71	2,16	13,02	70,22	6,28	19,58	0,87	2,68	0,43	0,00
11,62	2,43	0,27	12,58	62,64	5,74	14,97	13,51	2,82	0,31	0,00
12,60	3,33	0,65	13,80	59,09	6,18	15,28	14,77	3,91	0,76	0,00
10,55	2,59	0,31	10,56	66,14	4,73	13,79	12,02	2,95	0,35	0,00
13,92	2,68	0,27	12,44	62,08	5,06	13,17	16,24	3,12	0,31	0,00
3,22	2,54	0,63	4,15	67,74	7,33	18,24	3,36	2,66	0,65	0,00
3,25	2,84	0,62	5,40	66,48	5,22	21,20	3,42	2,99	0,64	0,00
0,57	0,98	0,65	3,38	74,91	4,51	18,25	0,61	1,03	0,68	0,00
0,43	3,21	0,42	6,98	72,34	5,40	17,79	0,47	3,52	0,47	0,00
13,04	2,50	0,44	12,13	62,44	5,29	13,86	15,01	2,88	0,51	0,00
9,34	3,04	0,58	11,22	57,10	7,53	20,52	10,70	3,48	0,66	0,00
14,75	3,42	2,50	13,0	57,44	5,11	13,75	16,90	3,93	2,87	0,00
1,01	0,59	0,73	7,81	58,91	13,80	26,48	1,09	0,63	0,78	0,00
11,83	2,78	0,63	11,56	61,75	6,37	15,03	12,95	3,18	0,71	0,00
1,24	1,80	0,76	5,04	67,04	4,68	23,85	1,45	2,01	0,85	0,00
11,81	2,99	0,52	12,86	58,51	8,34	15,17	13,60	3,45	0,70	0,00
12,35	2,79	0,94	7,40	62,98	5,73	13,49	13,66	3,09	1,04	0,00
12,78	3,30	0,32	13,94	55,34	6,95	16,95	13,63	3,94	0,38	0,00
16,44	3,23	0,70	16,93	50,36	6,17	17,96	20,59	4,04	0,88	0,00
17,46	2,56	0,76	16,74	56,48	4,15	13,66	21,65	3,17	0,93	0,00
13,23	2,57	0,13	12,52	64,52	5,81	11,02	15,47	3,01	0,15	0,00
11,30	3,29	3,04	—	60,65	4,29	13,89	13,55	3,95	3,65	0,00
8,17	3,51	0,27	10,86	60,82	6,97	18,53	9,35	4,02	0,31	0,00
4,53	2,61	0,74	8,80	64,72	6,87	19,57	5,07	2,92	0,83	0,00
11,34	2,88	0,48	11,97	54,18	5,15	13,84	13,01	3,30	0,54	0,00
1,51	0,88	0,34	5,46	67,32	9,41	20,42	1,58	0,92	0,35	0,00
11,88	5,07	3,09	10,09	56,34	6,78	14,47	13,29	5,67	3,45	0,00
10,90	3,40	2,49	12,56	58,79	5,44	16,12	12,75	3,97	2,91	0,00
9,94	3,55	0,89	11,52	63,68	5,13	14,92	11,45	4,10	0,69	0,00

стоящие преимущественно из глинистого вещества и тонкого ила, образуют легкий слой сверху. Воду необходимо очень осторожно слить, так чтобы не потерять ценный верхний слой, который осторожно должен быть собран. При отмучивании неизбежна потеря значительной части добытой глины. Предположить перемывание огромных масс глин невозможно, да и составы древних черепков свидетельствуют, что это не было постоянным явлением. К тому же такая сложная операция и не была необходимой.

Древние мастера, как уже говорилось, облагораживали малопластичную глину добавками более жирной. Правда, в практике работ лаборатории встречено 2—3 фрагмента тонкостенной керамики, приготовленной из отмученной глины с неестественно пониженным содержанием кремнезема, а прочие компоненты совершенно не соответствуют местному сырью и составу естественных глин вообще. При исследовании сероглиняной керамики из древнего Мерва[20] первоначально возникло предположение о применении отмучивания, однако подробное знакомство с сырьевыми ресурсами Марыйского района опровергло это предположение.

Для ангобных глин и, вероятно, для тонкостенных изделий в целях удаления крупных песчаных частиц и посторонних примесей разведенную в воде глину процеживали через редкую ткань[21].

Химические составы исследуемой керамики приведены в таблице 2, а данные расчета вероятного компонентного состава черепка — в таблице 3.

Вероятные составы формовочных масс и сырье для получения сероглиняной керамики были определены по данным микроскопического изучения черепка, а также сравнением результатов химического состава черепка керамики (табл. 2) и сырья, отобранного в районах находки.

Наиболее полно представлено сырье для самаркандской, ташкентской и кувинской керамики. Сведения о сырье некоторых районов, например городища Пештак и Бухары очень скудны. Отсутствие данных позволило определить лишь качественную характеристику примененного сырья без подсчета вероятного состава. Для производства расчетов и получения возможности сравнивать содержание отдельных компонентов химического состава в сырье и в керамике все данные анализов пересчитаны на прокаленное вещество, т. е. приведены к состоянию свежеобожженной керамики.

---

[20] Проба 115 б была передана С. Б. Луниной, а 109 б — Ю. Ф. Буряковым.

[21] Е. М. Пещерева. Указ. соч., стр. 160.

По текстуре свежего излома черепка и по составам сероглиняная керамика совершенно не отличается от обычной средневековой керамики.

Самаркандские пробы X—XIII вв. изготовлены или из чистого местного лесса (пробы 117 б, 121 бб, 121 бв), или из смеси лесса с керамзитовыми глинами Чупанатинского месторождения. Размер добавки глин колеблется в пределах 20—50%. Приблизительно те же дозировки местных лессов с глинами определены и в керамике городища Минг-Урюк в Ташкенте, в Куве и на Варахше (табл. 3).

Состав изящной, тонко орнаментированной керамики с городища Пештак не подсчитан, но анализ свидетельствует о смеси двух глинистых материалов.

Керамика из древнего Мерва (пробы 115 б, 109 ва и 109 бб) выполнена из местных лессовидных суглинков, отличающихся пониженным содержанием кремнезема и весьма повышенным количеством кальция (№ 20 и 21 в табл. 1). К ним весьма близка по составу глина, заготовленная мастером Инойятоном в своей мастерской[22]. Эта глина содержит только немного меньше кальция и больше железа. Неполное совпадение состава объясняется отсутствием подробных сведений о сырье для керамического производства в Мерве. Пробы сырья попутно были взяты Г. А. Шишкиной, а специального изучения, как это делалось в районе Самарканда и Ташкента, в Мерве не производилось. Однако и имеющихся материалов (вместе с глиной из мастерской) достаточно для того, чтобы иметь суждение о типе сырья. Вероятно, мастер брал глину из определенного места и старательно очищал ее от крупных примесей, возможно и подвергал промывке, подобно тому как до настоящего времени промывают глину для строительной керамики, очищая ее от минеральных воднорастворимых солей.

Фрагмент золотоордынской керамики (проба 195б) ни по химическому составу, ни по текстуре ничем не отличается от сероглиняной керамики Средней Азии. Отсутствие данных по сырью в Золотой Орде не позволяет рассчитать состав, но он должен приближаться к среднеазиатским, поскольку общий тип керамики одинаков.

При просмотре результатов химического анализа всех проб в целом (табл. 2) можно наметить некоторые закономерности, а именно — немного завышенное содержание кальция и магния. Вообще среднеазиатские суглинки и даже глины отличаются этим, но для обычной керамики все же

---

[22] Проба передана С. Б. Луниной.

Химический состав черепка сероглин

№ пробы	Компоненты химического состава в % % на высушенное вещество						
	SiO_2	Fe_2O_3+ FeO	Al_2O_3	CaO	MgO	SO_3	п. п. п.
$40_б$	56,18	5,00	14,22	9,52	2,70	0,17	5,02
$98^в_б$	58,83	4,93	13,78	12,14	3,85	0,51	5,90
$98^а_б$	59,25	5,23	14,43	9,16	3,96	0,54	5,55
$117_б$	57,86	4,64	14,53	13,95	2,81	0,41	4,74
$121^б_б$	59,04	5,32	14,26	12,02	5,58	0,21	1,28
$121^в_б$	61,56	5,48	15,22	10,75	4,42	0,21	0,62
$130_б$	60,34	5,25	14,30	10,62	5,30	0,17	2,10
$123_б$	62,35	5,26	14,99	8,66	3,02	0,27	3,81
$94_б$	55,52	5,83	15,75	10,92	3,08	0,83	6,64
$12^а_{бк}$	58,63	6,87	17,35	9,80	4,13	0,34	1,16
$12^б_{бк}$	57,80	6,55	15,71	13,16	3,95	0,27	1,04
$118_б$	60,30	6,05	19,67	8,06	2,32	0,75	1,58
$131^в_б$	54,48	6,86	17,14	14,85	4,02	0,17	0,90
$108_б$	60,18	6,26	18,09	8,40	1,91	0,39	2,36
$132_б$	55,56	7,02	17,42	13,50	3,73	0,31	1,12
$97^а_б$	56,51	5,31	15,77	14,10	3,11	0,61	3,16
$97^б_б$	55,04	5,07	13,81	15,20	2,86	0,54	5,50
$109^а_б$	54,02	7,17	17,41	13,85	3,58	0,17	1,78
$109^б_б$	54,58	5,95	16,81	13,13	4,09	0,75	2,58
$115_б$	52,38	5,76	16,60	15,30	3,85	0,48	4,32
$125_б$	55,00	6,72	16,98	11,39	3,88	0,12	2,66

намечается тенденция к отбору малокальцинированных глин, для сероглиняной — заметно стремление к обратному. Мастера могли подметить, что глины, содержащие много известняковых примесей, дают после обжига очень светлый зеленовато-палевого тона черепок. Излюбленные в более ранний период красные цвета получались применением железистых глин. В данном случае содержание железа (Fe_2O_3 + FeO)

Таблица 2

яной среднеазиатской керамики

Компоненты химического состава в % % на прокаленное вещество						
SiO_2	Fe_2O_3+FeO	Al_2O_3	CaO	MgO	SO_3	п. п. п.
63,99	5,69	16,20	10,84	3,07	0,19	0,00
62,55	6,23	20,24	8,29	2,38	0,77	0,00
64,00	5,64	15,68	9,89	4,27	0,55	0,00
61,42	4,93	15,42	14,81	2,98	0,43	0,00
61,62	5,52	14,76	12,46	5,78	0,21	0,00
63,10	5,60	15,60	11,00	4,53	0,21	0,00
62,86	5,51	15,59	11,30	4,47	0,25	0,00
65,94	5,56	15,85	9,15	3,19	0,28	0,00
60,39	6,34	17,15	11,87	3,35	0,90	0,00
60,36	7,07	17,86	10,01	4,25	0,35	0,00
59,31	6,72	16,12	13,50	4,05	0,28	0,00
62,07	6,23	20,28	8,29	2,38	0,77	0,00
55,84	7,04	17,58	15,24	4,12	0,71	0,00
63,19	6,57	18,94	8,78	2,01	0,41	0,00
56,96	7,19	17,86	13,84	3,82	0,32	0,00
59,23	5,57	16,53	14,77	3,26	0,63	0,00
59,48	5,47	14,91	16,43	3,09	0,58	0,00
56,15	7,45	18,10	14,39	3,72	0,18	0,00
57,26	6,24	17,64	13,78	4,29	0,78	0,00
55,54	6,10	17,59	16,18	4,08	0,51	0,00
58,45	7,14	18,05	12,10	4,12	0,13	0,00

в черепке также высокое, но оно нейтрализуется кальцием и магнием. Например, даже 2—3% железа, при отсутствии кальция, окрашивали черепок в красно-терракотовые тона, а 7% его в пробе 132 б (табл. 2) при наличии 13,5% CaO и 3,73% MgO — совершенно не дают красного цвета. Подбор светложгущихся глин облегчал мастерам задачу придания ей серых оттенков при обжиге.

Таблица 3

Состав формовочных масс и общая характеристика исследованной керамики

Лабораторный номер пробы	Проба и место ее находки	Дата (век)	Вероятный состав массы черепка	Примеси к массе	Характеристика массы и тип орнамента	Толщина черепка, *мм*	Изменение цвета при обжиге в окисленной среде при 900°С с выдержкой в течение 1 часа
40б	Самарканд, раскопки А. И. Тереножкина около медресе Улугбека. Фрагмент светлого кувшина	XII—XIII	20% глины *гилмоя* и 80% лесса из Чупанаты	Пух камышовых метелок	Тщательное изготовление, темно-серый черепок, светло-серый ангоб с двух сторон. Орнамент нанесен тонкой нарезкой с глубокими отдельными оттисками	4—6	Черепок ярко красный, двусторонний ангоб чисто белый
98ба	Афрасиаб, 1959 г. P-IX, A-1, VI, раскоп Г. В. Шишкиной. Фрагменты тонких небольших кувшинчиков с длинным носиком, светло-серого цвета.	X—XI	20% глины гильмоя и 80% лесса из Чупанаты	То же	Тонкодисперсная глина, хорошее уплотнение. Богатый орнамент на заплечиках (рис. 2), вся поверхность покрыта полосчатым вертикальным лощением	4	Ангоб отсутствует, светло-серый цвет делается светло-красным
98бв	Там же. Фрагменты тонкостенной сероглиняной керамики.	X—XI	Лесс афрасиабский и глина чупанатинская № 3ч в половинных пропорциях	„ „	Тонкодисперсная масса чисто серого цвета. Лощение, орнамент наколами и кружк-	4—5	Черепок приобретает светлый розоватый оттенок, ангоб делается белым

					ками нанесен отдельным штампиком. Поверхность наружная светлее излома		
117б	Афрасиаб, 1959 г., квартал керамистов, раскопки В. Д. Жукова. Крышка хума пепельно-серого цвета.	XII—XIII	Чупанатинский лесс без примеси	Нет	Кайма прочерком с косой нарезкой	8—9	Меняет цвет на светлый, розовато-палевый, присущий после обжига самаркандскому лессу
121б	Афрасиаб, раскоп В. Д. Жукова в квартале керамистов. Горловина очень светлого с зеленоватым оттенком сосуда.	XII	Чупанатинский, хорошо обработанный лесс с высоким содержанием известняка и доломита	Пух камышовых метелок	Плотная светлая масса, орнамент отсутствует	7—8	Значительно светлеет, делается почти белым с легким налетом желтизны
121бв	Афрасиаб, тот же раскоп. Донце светло-серого кувшинчика.	XII	Чупанатинский хорошо обработанный лесс с несколько меньшим содержанием известняка и доломита чем в № 121бб	То же	Плотная серая масса, орнамент отсутствует	7—8	Меняет цвет на светло-розовый с палевым оттенком
136б	Афрасиаб, квартал керамистов, фрагмент небольшого кувшина темно-серого цвета	XII	Нет анализа	То же	Тонкий плотный черепок, поверхность заплечиков покрыта лощением „в елочку",	3,5—4	Меняет цвет на нежно розовый. При увеличении проступают крупинки красной

Прод. табл. 3

Лабораторный номер пробы	Проба и место ее находки	Дата (век)	Вероятный состав массы черепка	Примеси к массе	Характеристика массы и тип орнамента	Толщина черепка, *мм*	Изменение цвета при обжиге в окисленной среде при 900°С с выдержкой в течение 1 часа
					нижняя часть — лощением полосчатым, вертикальным		железистой глины в массе беложгущейся
130б	Афрасиаб, квартал керамистов, фрагмент тонкого светло-серого сосуда	XII	Около 70% чупанатинского лесса и до 30% глины № 9 ч — *гилмоя* из Пенджикента	» »	Плотный черепок, серого цвета, ангоб отсутствует. Орнаментальная кайма выполнена нарезкой и круглыми наколами (рис. 5)	2,5—3	Меняет цвет на светлый с буроватым оттенком
123б	Кафыркала, усадьба. Раскоп Г. В. Шишкиной, комната 3 — 4, ярус III. Фрагменты грубоватой светло-серой керамики	X—XI	Около 70% лёсса и до 30% глины типа *гилмоя* (9 ч)	Редкие песчинки кварца	Неровный комковатый излом очень темного цвета, поверхность светло-серая. Орнамент гребешковый — волнистый	8	Черепок меняет цвет на красный, двусторонний ангоб делается белым
94б	Городище Минг-Урюк в Ташкенте, раскоп	XII	Ташкентский лесс и коричневая ангренская глина	Пух или тонкие стебельки	Серый черепок, светлый с поверхности и темный	5—6—7	Меняет цвет на ярко-рыжий с белым двусторонним ангобом

	О. В. Обельченко. Фрагменты крупных кувшинов.		2а — в половинных пропорциях		внутри. Процарапанный орнамент (рис. 1) и оттиск отдельными штампами (рис. 3).		
12бк^{а} 12бк^{б}	Городище Кува. Раскоп И. Ахрарова. Фрагменты крупных кувшинов темного и более светлого серого цвета	XII	Лесс № 10—около 70% и кувинская серая глина типа *гилмоя* — около 30%	То же	Очень прочный черепок, плотный, хорошо обожженный. Орнамент сложный, оттиснутый в форме, есть процарапанный с отдельными штампами	4—5—6	Черепок меняет цвет на терракотовый яркий, двусторонний ангоб делается белым
118б	Хива. Раскопки В. А. Булатовой у мавзолея Уч-Авлия	X—XI	Смесь лесса с пластичной глиной приблизительно в половинных пропорциях	Крупный кварцевый песок и стебли травы	Очень темный цвет, грубая масса. Орнамент резной, с высотой рельефа до 1,5 *см*	30	Меняет цвет на ярко-красный
131б	Сурхандарьинская область, городище Мунчактепе, раскопки Л. И. Альбаума. Фрагменты кувшинчиков	XI—XII	Состав не определен из-за отсутствия данных по сырью	Немного тонкого пуха	Плотный черепок буровато-серого цвета с тонким процарапанным острой иглой орнаментом	3—4	Меняет цвет на очень светлый зеленовато-желтоватый
108б	Сосуд из Той-Тюбе, раскопки Ю. Бурякова	XII	Смесь железистой глины с беложгущейся. Пропорции не определены из-за отсутствия данных по сырью	То же	Очень темный серый цвет черепка и поверхности. Сложный орнамент, полученный оттиском в форме	7	Меняет цвет на светло-красный, при увеличении проступают отдельные яркие крупинки на белом фоне

Прод. табл. 3

Лабораторный номер пробы	Проба и место ее находки	Дата (век)	Вероятный состав массы черепка	Примеси к массе	Характеристика массы и тип орнамента	Толщина черепка, *мм*	Изменение цвета при обжиге в окисленной среде при 900°С с выдержкой в течение 1 часа
132б	Варахша. Раскопки В. А. Шишкина. Фрагмент сосуда светлого зеленовато-серого цвета	X—XI	Смесь варахшинского лесса с красной карнабской глиной, приблизительно в половинных пропорциях	Большое количество пуха камышовых метелок	Орнамент отсутствует. Серый цвет по сечению излома более интенсивен с внутренней стороны	9,0	Делается очень светлым, приобретая розоватый оттенок
976а	Городище Пештак в районе станции Каахка Ашхабадской ж. д. Раскопки В. А. Булатовой	X—XI	Смесь лесса с глиной. Пропорция не определена из-за отсутствия данных по сырью	То же	Светлая масса, орнамент отдельными штампиками, нарезкой и наколами (рис. 4)	1,5—3,5	Меняет цвет на рыжий, ангоб белый двусторонний
976б	То же самое	X—XI	Смесь светложгущегося лесса с такой же глиной. Пропорции не определены из-за отсутствия данных по сырью	„ „	Светлая плотная масса. Оттиск в форме налепа со штампом (рис. 6)	3—9	Теряет зеленоватый оттенок, делается ярко белой с легким розоватым оттенком. Сильного покраснения нет из-за высокого содержания кальция

109б	Древний Мерв. раскопки С. Б. Луниной. Кувшин из мастерской Иной-ятона	XII—XIII	Местные лессовидные суглинки	Очень тонкий пух	Рельефный орнамент оттиснут в форме. Шов горизонтальный. Излом светло-серый, поверхность светлее	2—4	Приобретает желтовато-палевый цвет с розоватым оттенком. Ангоб ярко белый с легким налетом розового
109бв	То же. Керамика более темная	XII—XIII	»	Много пуха	»	4—5	» »
115б	Древний Мерв. Раскопки С. Б. Луниной	X—XI	» »	Очень тонкий пух	Светлая с зеленоватым оттенком масса. Орнамент прочерками	4	Осветляется, приобретая желтоватый оттенок
195б	Золотая Орда, Царевское городище	XIV	Данные по сырью отсутствуют. Вероятно использование илистых речных отложений	Много пуха камышовых метелок, довольно толстых	Серая очень плотная масса, при увеличении просматриваются частицы мельчайшего песка. Невысокий рельеф оттиснут в форме	6—8	Меняет цвет на розовый

Процесс изготовления сероглиняной керамики. Из тщательно подготовленной керамической массы изделия формовались на гончарном круге обычным способом. Необычным было лишь приготовление посуды, сплошь покрытой рельефным орнаментом.

Рис. 1. Фрагмент сероглиняного сосуда с городища Минг-Урюк. Орнамент процарапан двухзубым гребешком. Увеличенный снимок (XII в.).

Обыкновенно керамическое изделие готовилось, в зависимости от его формы, в один или два приема, не считая прикрепления поддона и ручек. Из куска массы мастер формовал сосуд целиком, горловина делалась отдельно и и прикреплялась к туловищу. Орнамент наносился на свежее изделие. Просмотром целых сосудов и их фрагментов установлено несколько технических типов орнаментировки.

1. Процарапанный или нарезной орнамент (рис. 1).

2. Сочетание нарезки с единичным штампом. Один и тот же небольшой ассортимент штампов позволял разнообразить

рисунок изменением расположения оттисков (рис. 2 и 3). Иногда нарезка сочеталась с наколами (рис. 4 и 5). Горизонтальные линии и рубчики каймы мастер выполнял на гончарном круге: игла или шаблон прикладывались к вращающемуся сосуду и линия или углубление получались четкими и ровными.

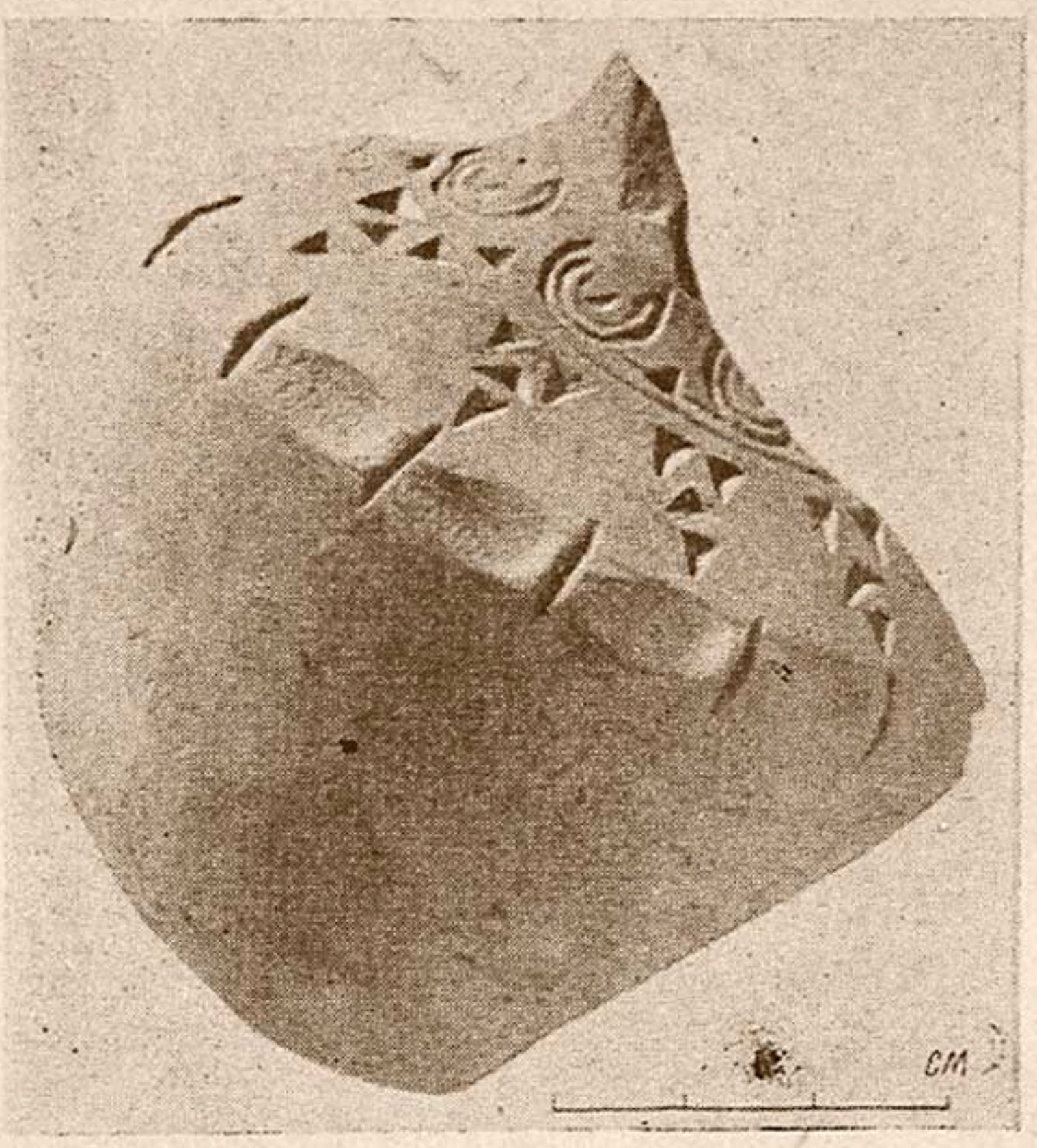

Рис. 2. Фрагмент сероглиняного кувшинчика с Афрасиаба. Орнамент нанесен нарезкой, срезами перегиба и единичным штампом. Оттиски треугольной призмы сгруппированы по четыре. Свободная поверхность покрыта лощением (X—XI вв.).

3. Фигурные налепы (рис. 6) выполнялись так: из сырой глины пальцами скатывался шарик, накладывался на поверхность сосуда и прижимался вогнутым внутрь керамическим штампом[23].

4. Лощение поверхности сосуда само по себе и в сочетании с описанными способами украшения (рис. 2).

---

[23] Г. А. Пугаченкова. Мастер керамист из Мерва, стр. 81, рис, 5.

5. Сплошное покрытие поверхности сосуда рельефным орнаментом применением оттиска его половины или трети большим штампом, имеющим форму части сосуда. Фраг-

Рис. 3. Фрагмент сероглиняного кувшина с городища Минг-Урюк.

Орнамент нанесен нарезкой и оттисками того же штампа, что и на рис. 2. Треугольная призма оттиснута единично (XII в.).

менты таких штампов или матриц (*қолиб*) в большом количестве найдены в древнем Мерве в мастерской Инойятона[24]. Фрагменты таких штампов встречаются и в других районах Средней Азии.

---

[24] Л. Б. Лунина. Гончарное производство . . ., стр. 287—297.

На гончарном круге отдельно делались заготовки половины туловища сосудов: верхней и нижней части, соединен-

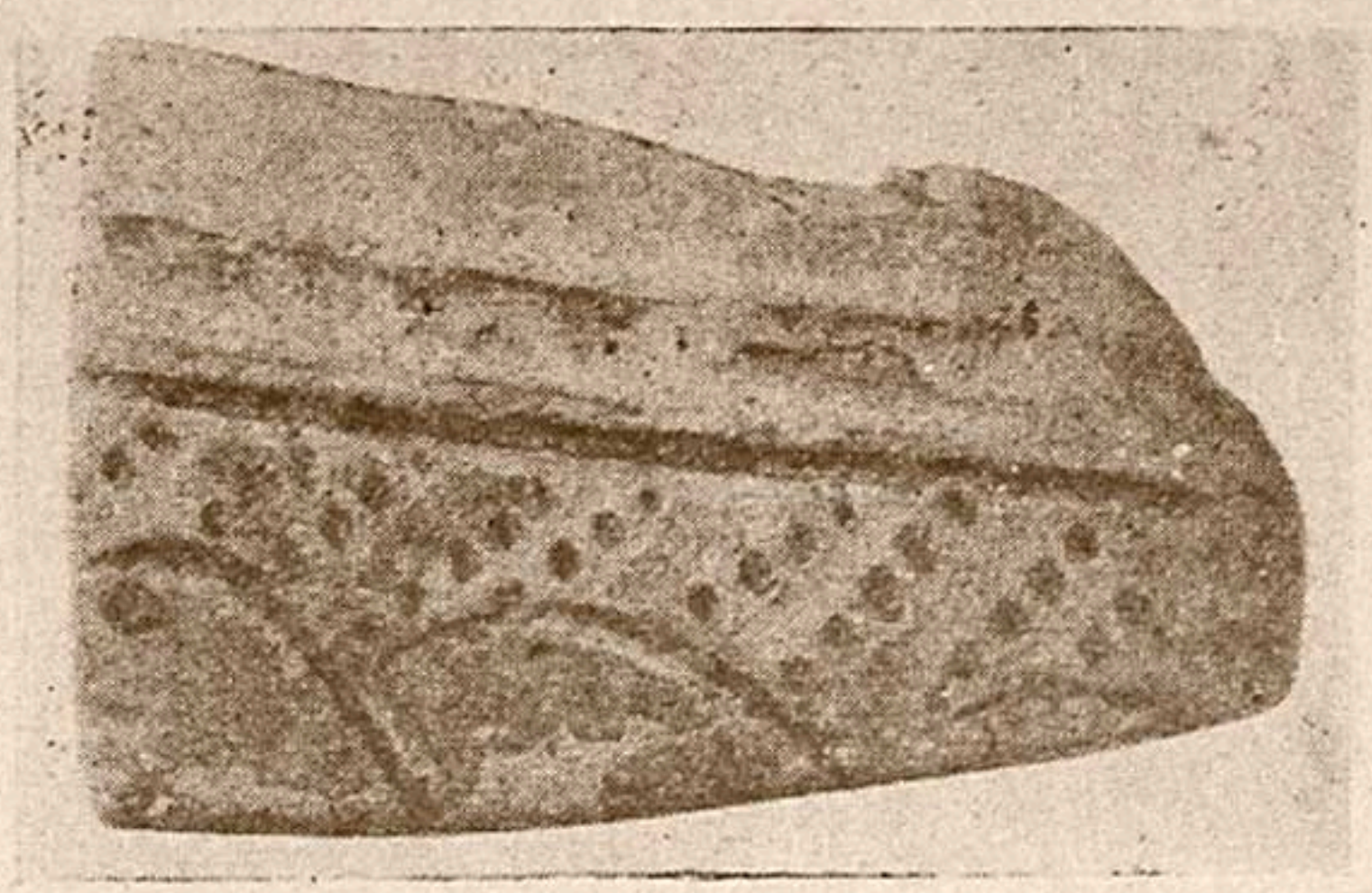

Рис. 4. Фрагмент сероглиняной керамики с городища Пештак.

Орнамент нанесен нарезкой и наколами. Увеличенный снимок (XII в.).

Рис. 5. Сероглиняный тонкостенный сосуд с Афрасиаба.

Кайма выполнена шаблоном на гончарном круге, нарезкой и наколами. Снимок увеличенный (XII в.).

ных горизонтальным швом (рис. 7) или же боковых частей, с вертикальным швом (рис. 8). Сырые половинки вдавлива-

лись в *қолиб*. На внутренней поверхности многих фрагментов имеются вмятины с отпечатками пальцев. После высушивания обе половинки извлекались из *қолиба* и складывались. Края, предварительно смазанные глиняным тестом, сое-

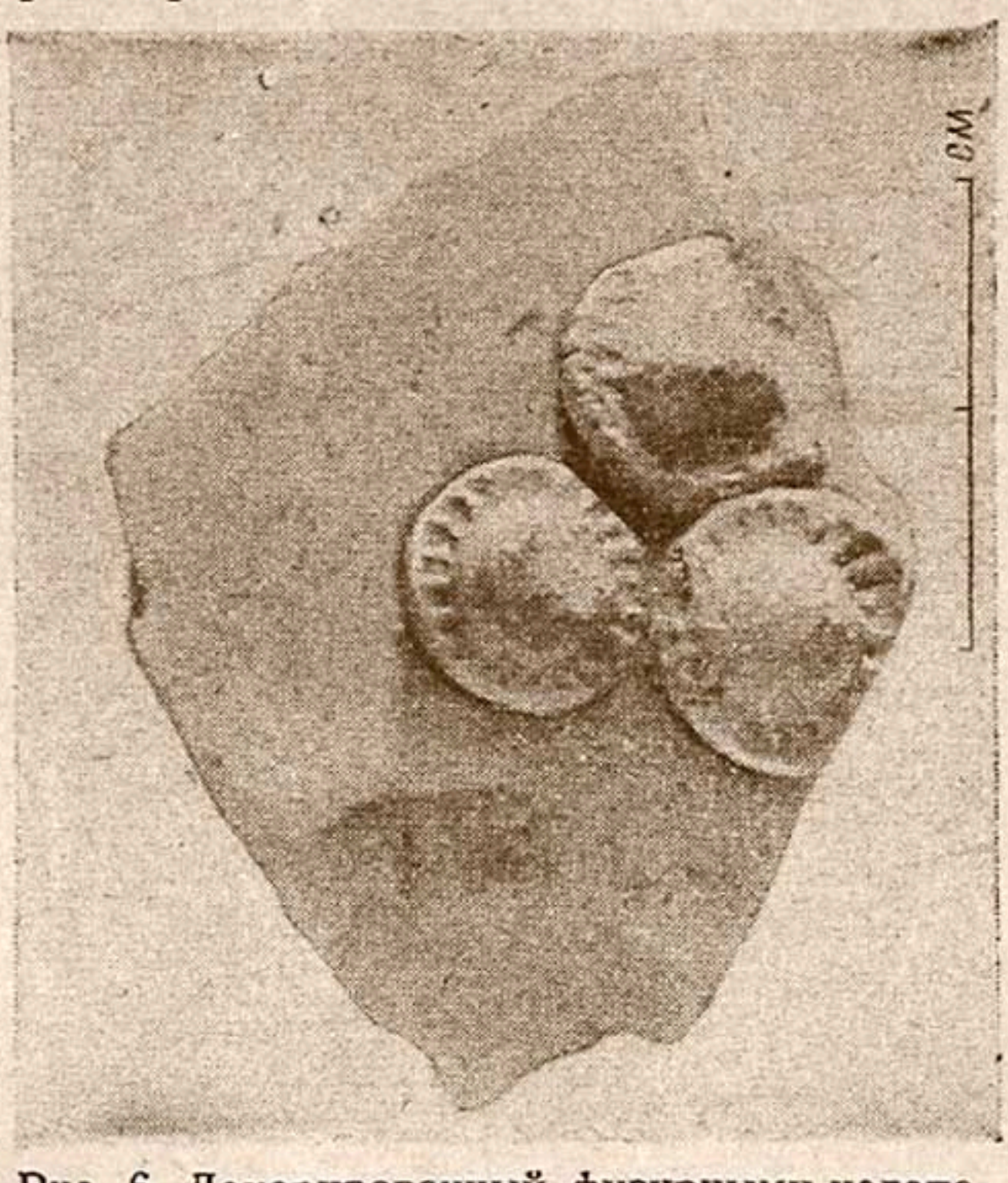

Рис. 6. Декорированный фигурными налепами сероглиняный сосуд. Городище Пештак (X—XI вв.). Снимок увеличенный.

динялись. Шов старательно затирался снаружи и по возможности изнутри. Даже с наружной стороны швы сравнительно редко бывали незаметными. Иногда делались попытки замаскировать их налепами с фигурным штампиком. Горловина формовалась отдельно и скреплялась с туловищем обычным путем.

После высушивания изделия обжигались.

Этот последний этап в процессе изготовления сероглиняных сосудов и представляет наибольший интерес для исследования. Предположения о том, что серый цвет был обусловлен применением специальных серожгущихся глин, должны быть совершенно исключены, так как органические вещества, обусловливающие окраску сырой глины, выгорают при обжиге. Специальное подкрашивание сосуда после обжига также исключается. Серый цвет получался специальным подбором глин, богатых известковыми примесями, и обжигом в восстановительной, богатой углеродом среде.

Серая окраска при восстановительном обжиге является следствием отложения тонкораспыленного углерода в мельчайших пустотах и порах керамики. По сообщению А. И. Августиника, содержание железа в глине способствует разло-

Рис. 7. Сероглиняный кувшин, сформованный в *колибе*.
Шов горизонтальный. Бухара, находка В. А. Шишкина в районе Ханаки Диван-Беги (XII—начало XIII в.).

жению окиси углерода на углерод и углекислый газ, благодаря чему окраска изделия делается более темной. Получению серого цвета способствует также применение в конце обжига сильнокоптящего топлива[25].

---

[25] А. И. Августиник. К вопросу о методике исследования древней керамики, КСИИМК, М., 1956, 64, стр. 152 и 153.

Опыты, проведенные лабораторией археологической технологии Института истории и археологии АН УзССР, подтверждают это. Были проведены пробные обжиги глин Чупанатинского и Ангренского месторождений с различным

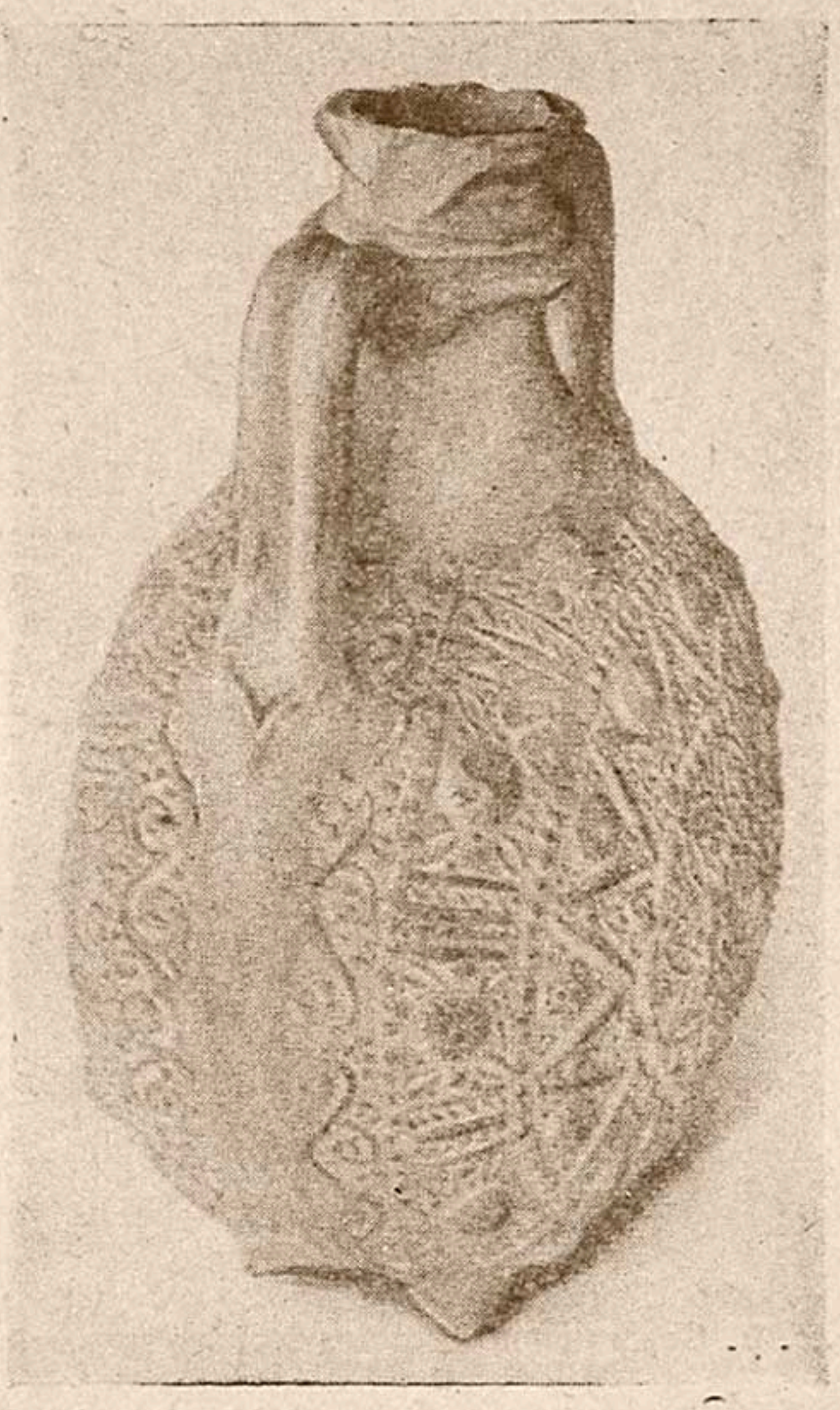

Рис. 8. Сероглиняная фляга, сформованная в колибе.
Шов вертикальный. Бухара, раскопки В. А. Шишкина у мечети Магокки-Аттари (XII—начало XIII в.).

содержанием железа и извести. Обжиг проводили в трубчатой электропечи при 750—950° с изменением интервала повышения температуры через 50°. По достижении максимальной температуры в печь забрасывали влажные дре-

весные опилки или вдували тонкую угольную пыль. Отверстие печи герметически закрывали, печь отключали и оставляли закрытой до остывания. В результате все глины окрашивались в различные оттенки серого цвета, интенсивность которого зависела от наибольшей температуры обжига и количественного содержания железа.

Наибольшая интенсивность и выразительность серого цвета при восстановительном обжиге точно соответствовала температуре. окислительного обжига, при котором глина получала наиболее чистые и яркие тона оранжевого и красного цвета (900°).

Беложгущиеся глины с низким содержанием железа ($Fe_2O_3 + FeO = 1{,}28 — 1{,}68\%$) окрашивались в нежные серебристо-серые тона. Железистые глины, типа «кызыл-кесяк» с содержанием железа до 7—9% получали темную, почти черную окраску. Наличие в глине наряду с железом значительного содержания кальция и магния осветляло черепок, придавая ему обычную для сероглиняных сосудов серую окраску. Недостаточное количество коптящего топлива обусловливало буроватый или розоватый тон изделия.

Опыты и теоретические данные дают возможность предполагать, что процесс обжига сероглиняной керамики должен был протекать в следующем порядке.

Загрузка керамики в печь могла быть обычной, специфическая форма сосудов определяла отсутствие скученности, что было необходимо для полного соприкосновения глины с окисью углерода.

Топка печи, доведение ее нагрева до кульминационной температуры должны были протекать обычно. В конце обжига в обжигательную камеру через смотровое отверстие забрасывалось коптящее топливо: мокрая солома, трава[25], свежие ветки, после чего отверстие плотно закрывалось и печь оставлялась закрытой до полного остывания. Процесс остывания был несколько замедленным. При обжиге красной керамики его ускоряли, после некоторого понижения температуры печь открывали, чтобы приток свежего кислорода способствовал усилению красной окраски.

Процесс обжига серой керамики, таким образом, был более длительным и трудоемким и требовал больших навыков и опыта, так как забрасывание топлива должно было производиться осторожно во избежание пятен на сосудах и количество его должно быть достаточным для получения равномерной серой окраски.

---

[26] А. И. Августиник. К вопросу о методике..., стр. 153.

Практическая проверка правильности принятой гипотезы очень проста и может служить методом для определения способа обжига любого черепка. Фрагменты керамики, пронумерованные хлористым железом, помещают в печь и обжигают при температуре 850—900° при свободном доступе воздуха. Частицы углерода, отложившиеся в керамике, выгорают и черепок приобретает цвет, присущий ему при обычном окислительном обжиге. Все исследованные пробы подвергались такому обжигу при часовой выдержке. Цвет черепка изменялся соответственно составу использованных глин (табл. 3).

Производство сероглиняной керамики в IX — начале XIII в. в Средней Азии и в XIV в. в Хорезме и Золотой Орде свидетельствует о большом опыте средневековых керамистов в распознавании свойств глиняного сырья и об умении учитывать и использовать результаты своих наблюдений.

Истоки получения темного черепка уходят в глубокую древность, в неолит, когда обжиг производился на кострах. Для более или менее равномерного прокаливания керамики костер вместе с сосудами должны были закрывать со всех сторон топливом и глиной, благодаря чему невольно создавались условия восстановительного обжига. Архаическая керамика часто имеет черный и серый цвета. Ту же расцветку приобретает и черепок котлов, часто соприкасавшихся с коптящим пламенем костра при варке пищи. Этому же вековому опыту обязаны и красивые черные лощеные сосуды I—X вв. до н. э. и V—VI в. н. э.[27].

Средневековые керамисты учли и усовершенствовали древний опыт. О прекрасном знании свойств сырья свидетельствует подбор глин, содержащих большое количество железа, и одновременно светложгущихся вследствие значительной примеси извести. Интересен также факт использования для ангобных покрытий серых сосудов беложгущихся глин, дающих красивую серую окраску, сближающую изделие с чеканным серебром.

Исследования пробы сероглиняной керамики Золотой Орды подтверждают, что опыт хорезмийских керамистов вместе с мастерами был перенесен на европейскую территорию. К сожалению, в составе исследованной керамики нет образцов хорезмийской посуды, параллельное ее изучение

---

[27] Результаты изучения керамики этого типа будут опубликованы особо.

могло бы, быть может, установить факт не только заимствования опыта, но и простого перевоза хорезмийской керамики в Золотую Орду. На мысль об этом наталкивает наличие в массе черепка характерных для хорезмийских лессов тончайших крупинок, напоминающих мельчайшие фракции барханных песков. Возможно, что дальнейшие работы позволят разобраться в этом вопросе. Пока же можно констатировать факт полной идентичности в выборе сырья и в технологическом процессе производства керамики Средней Азии и Золотой Орды.

О. И. ИСЛАМОВ

О ГЕОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ[1]

Объекты изучения геологических наук и археологии расположены в одной среде — земной коре. Но геология рассматривает земную кору в целом, на протяжении всей ее многомиллионнолетней истории, а археология — лишь верхние части земной коры, отложения четвертичного периода, т. е. со времени появления человека.

Поскольку многие археологические предметы изготовлены из минерального сырья, исследование их вещественного состава должно производиться минералого-петрографическими методами. Применение в практике методов геологии и археологии взаимно обогатит обе науки. Предлагаемая статья — попытка подойти к указанной проблеме с позиций геологической науки. Здесь рассматриваются вопросы диагностики и идентификации минералов и горных пород в археологических предметах, а также применения археологических методов при изучении стратиграфии четвертичных отложений Средней Азии. Указанные вопросы в той или иной мере затрагивались как в геологической, так и в археологической литературе, но практическое их разрешение идет, к сожалению, крайне медленно.

Диагностика минералов и горных пород в археологических предметах. Большое число памятников материальной культуры изготовлено из камня. Некоторые из них имеют в своем составе камень в виде вставок, иногда в комбинации с другими поделочными материалами — стеклом, костью и др. Изучение вещественного состава этих памятников является, очевидно, первостепенной задачей для их понимания. Но во многих археологических работах диагностике камня уделяется очень мало внимания. Подробно описывая каменный предмет и приводя его рисунок или фотографию, археологи, как

[1] Посвящается памяти старшего научного сотрудника Музея истории АН УзССР, кандидата исторических наук М. Э. Воронца, который многое сделал для минералогического и петрографического изучения каменных орудий и изделий.

правило, ограничиваются лишь такими определениями, как «из черного камня», «из мягкого камня», «зеленая порода» и т. д. Иногда горные породы названы неправильно или неточно. Зачастую не уделяется внимания месторождению камня (минерала, горной породы).

Точное определение (диагностика) минералов и горных пород, знание их физических свойств и химического состава позволит исследователям (археологу и геологу) судить более уверенно о назначении предметов. Сходные по некоторым внешним признакам (цвет, рисунок, структура) минералы и горные породы иногда могут быть совершенно различными по своему составу и свойствам. Например, черный известняк, черный углистый сланец и черный кремень внешне сходны, особенно в полированном виде, но состав и физические свойства их совершенно различны; точно так же серия белых минералов — алебастр, кальцит и кварц, красных пород — яшма, фельзит, мрамор. Из пород первого ряда только кремень применялся для изготовления важнейших орудий первобытного человека, остальные же породы, хотя и могли быть использованы для бытовых целей, но для этих орудий непригодны. Из серии белых минералов мягкий алебастр применялся в качестве материала для мелких поделок (статуэток, бытовых предметов и др.), в то время как кальцит, обладающий высокой спайностью, и твердый кварц были непригодны для этих целей; зато кварц использовался как режущее или ударное орудие. Из красных пород яшма — прекрасный материал для орудий, фельзит может служить заменителем кремня и яшмы, а мрамор, непригодный для изготовления режущих орудий, является прекрасным скульптурным, облицовочным и строительным материалом. Древний человек узнал свойства камня и это позволило ему целесообразно изготовлять свои орудия.

В эпоху палеолита человек овладел важнейшими горными породами, наиболее пригодными для изготовления орудий: кварц, кремень, яшма, обсидиан, кварцит и некоторые другие, преимущественно кремнистые минералы и горные породы. В неолите круг минералов и горных пород значительно расширился. Позднее ассортимент минералов и горных пород, используемых человеком, изменяется, но и тогда можно определить виды, характерные для данной эпохи. Поэтому уже установление породы или минерала, из которых изготовлен предмет, является важным доказательством при определении его назначения.

При минералого-петрографических исследованиях важно

также установить месторождение камня, из которого изготовлен предмет. Современный уровень петрографических и минералогических исследований позволяет решить эту задачу — провести идентификацию. С этой задачей связан вопрос о геологических поисковых признаках.

В геологоразведочных работах к поисковым признакам наряду с собственно геологическими относятся и археологические: древние выработки, металлургические печи, шлаки. Разумное использование археологических данных оправдало себя в практике поисков и разведок[2]. Каменные орудия, изделия из самоцветов и цветных камней и другие археологические предметы являются свидетельством разработки полезных ископаемых, которые могут быть использованы и сейчас.

Определение минералогического и петрографического состава каменных археологических предметов из-за их специфического характера сопряжено с некоторыми трудностями. При исследовании уникальных памятников материальной культуры — орудий труда и предметов быта, произведений искусства, необходимо сохранить форму и поверхность этих предметов. Поэтому твердость минерала, из которого сделан предмет, нельзя устанавливать обычным путем — сравнением с эталонными минералами шкалы твердости. От этих предметов нельзя брать обычные пробы для химического или микроскопического анализа.

Определение затрудняется, если минерал или горная порода встречаются в комбинации с другими материалами: вставка в кольце, серьге, мозаика из нескольких камней, кости и прочего, или когда на предметах отсутствуют свежие сколы. Зато часто встречающиеся хорошо отполированные поверхности, на которых проявляется структура породы, облегчают ее определение.

К сожалению, геологи редко фиксируют памятники материальной культуры[3] и даже зачастую разрушают их. Поле-

---

[2] На археологических поисковых признаках мы останавливаемся здесь лишь попутно. Этот вопрос заслуживает специального рассмотрения. См.: О. И. Исламов. О мероприятиях по охране и документации древних и средневековых рудников, Труды САГУ, вып. 2, Ташкент, 1954, стр. 97—102; он же. Из истории культуры камня в Средней Азии, Изв. Узбекистанского отд. Всесоюзного минерал. общества, вып. 8, Ташкент, 1955, стр. 181—187; В. Ф. Петрунь. Об археологических поисковых признаках в геологической практике, журн. «Советская геология», 1959, № 9, стр. 124—131.

[3] В последних инструкциях по геологической съемке и изданию геологических карт Министерства геологии и охраны недр СССР ничего не сказано даже о фиксации археологических памятников, хотя это дало бы огромный ценнейший материал, важный не только в археологическом, но и в геологическом отношении.

вой работник (геолог-съемщик, поисковик, разведчик) привык рассматривать встречающие ему каменные материалы только как естественные образования. Поэтому форма валуна или обломка камня, если обработка его человеком не очень бросается в глаза, кажется ему случайным, несущественным признаком. Геолог стремится познать в первую очередь внутреннюю структуру и состав породы. А это лучше всего сделать путем получения свежего скола с объекта изучения. Такой подход к археологическим памятникам можно объяснить, но его нельзя оправдать. Во избежание разрушения ценных памятников геолог до применения молотка должен убедиться в том, что встреченный камень не являлся орудием или предметом быта человека.

Очевидно, что выход — в ознакомлении археологов с геологической методикой, а геологов — с распознаванием геологических объектов, введение хотя бы факультативных спецкурсов в учебные планы. При палеонтолого-стратиграфических исследованиях геологи, ведущие региональные исследования, знакомые с палеонтологией, знают порядок сбора и документации палеонтологических материалов и обычно фиксируют находки палеофауны, даже не являющейся объектом непосредственного изучения.

Такое же отношение должно быть у геологов к археологическим находкам, тем более, что это не трудно, так как археологические памятники встречаются только в четвертичных отложениях.

В практике работы очень полезна и необходимо постоянная взаимная консультация геологов и археологов. Все находки геологов (подъемный материал), имеющие следы обработки человеком, должны быть тщательно задокументированы, сохранены и доставлены для определения археологам. В случае невозможности вывоза памятника следует привлечь археолога для консультации на месте.

При случайном пересечении культурного слоя необходимо принять меры к сохранению памятников, задокументировать обнаружение и сообщить о находке археологам.

В минералого-петрографических и стратиграфических исследованиях памятников материальной культуры археологи должны, по нашему мнению, почаще прибегать к консультации геологов.

Рассмотрим некоторые методы геологических исследований археологических объектов, которые могут быть применены в первую очередь. При этом преимущественное внимание будет уделено определению вещественного состава — установлению вида и разновидности минералов и горных

пород без повреждения предмета. Из-за недостаточности материала коротко скажем об установлении месторождения (идентификации).

Диагностика минералов. Наиболее важная для диагностики минералов в археологических предметах внешняя форма, характерная для большинства естественных минералов, в археологических и этнографических предметах изменяется. Известно, когда в обработку поступали самоцветы из россыпей с гранями, стертыми аллювиальным процессом, то зерно самоцвета имело форму естественной галечки. В отдельных участках таких зерен иногда заметны остатки первоначальных естественных граней кристалла или его плоскостей спайности. При огранке самоцветов ювелиры использовали естественные формы галек, стремясь по возможности сохранить размеры зерна[4]. В отдельных случаях вставка обрабатывалась так, что на внутренней части сохранялась вмещающая порода, в то время как лицевая часть, состоящая из чистого самоцвета, обрабатывалась в форме кабошона. Очень своеобразные формы придавались каменным предметам.

Формы, искусственно приданные археологическим предметам, и характер обработки позволяют судить об их назначении, о зарождении и развитии знаний о минералах и горных породах, об использовании свойства камня в производстве и о развитии техники изготовления каменных орудий[5].

Методы типологического изучения предметов, их датировка разработаны в археологии. В данном случае нас интересуют искусственные формы, в которых встречаются минералы (и горные породы), лишь поскольку они необходимы для минералогической и петрографической диагностики археологических предметов.

Внешняя форма дает очень мало для определения минералогического состава рассматриваемых объектов и может быть полезной лишь в комплексе с другими признаками[6].

Цвет и блеск — важные признаки для определения археологических предметов, самоцветов и цветиков.

---

[4] Вероятно, такие галечки из самоцветов первоначально и служили украшениями. В неолите их стали просверливать и превратили таким образом в бусинки и подвески.

[5] Г. Г. Лемлейн. Опыт классификации формы каменных бус, КСИИМК, XXX, 1950.

[6] Н. А. Смолянинов. Как определить минералы по внешним признакам, М., Госгеолиздат, 1951.

Известно, что разные минералы могут иметь сходные цвета. В то же время цвет одного и того же минерала может изменяться в зависимости от примесей. Минералы, содержащие железо, окрашены в зеленый цвет различных оттенков (оливин, актинолит, эгирин), а содержащие хром ярко окрашены в изумрудно-зеленый, фиолетовый или красный цвета (изумруд, уваровит, кочубеит, рубин). Некоторые соединения марганца окрашены в розовый, малиновый или фиолетовый цвета (родонит, родохрозит, спессартин). Известны минералы собственной окраски определенного цвета: малахит — всегда зеленый, азурит — синий, киноварь — красная, аурипигмент — золотисто-желтый.

В полированных образцах, обычных среди археологических предметов, цвет минерала проявляется ярче, чем в матовых. Цвет прозрачных и полупрозрачных минералов хорошо просматривается в проходящем свете, особенно отчетливо — при солнечном освещении или при свете электролампы с матовым стеклом. Темные, непрозрачные, трудноразличимые по цвету минералы, преимущественно рудные, по цвету нередко значительно различаются в порошке. В археологических находках изделия из руд сравнительно редки. Они могут быть встречены при изучении древних рудников, на стоянках первобытного человека и при раскопках средневековых поселений[7].

Твердость минералов определяется царапанием по поверхности. Степень твердости устанавливают по шкале, состоящей из десяти минералов. Если имеется свежий излом на археологическом предмете, то твердость минерала определяют обычным способом. Если имеется большое количество изделий из одного минерала, то выясняют твердость на специально выделенных для испытания образцах. Определение твердости в уникальных археологических предметах недопустимо, так как при этом поверхность предмета повреждается, первичные следы «работы» предмета, синхронные эпохе его производства, стираются или искажаются.

В обычной минералогической практике преобладают минералы с твердостью не выше 7. В археологических и этнографических предметах, особенно в ювелирных изделиях, сохраняются минералы, имеющие твердость 7 (кремень, сердолик, агат, халцедон, кварц, горный хрусталь, аметист, яшма) и даже выше 7 (алмаз, рубин, сапфир, топаз, изумруд, турмалин, шпинель, некоторые гранаты). Встречаются и более мягкие минералы. Довольно часты изделия из гра-

---

[7] А. Е. Ферсман. Цвета минералов, Изд-во АН СССР, 1937.

фита, мрамора (минерал кальцит), алебастра, змеевика, лазурита, нефрита и др.

Удельный вес является очень важным показателем для диагностики минералов, из которых сделаны археологические предметы. Кроме того, он определяется без деформации объекта. Пикнометрический метод определения удельного веса применим здесь только при наличии порошковой пробы или в мелких зернах (последнее сильно снижает точность определения). Обычно приходится определять удельный вес целого предмета (бусины, вставки, каменного орудия, фигурки). Это ограничивает выбор способа определения.

В археологии наиболее подходящими являются, по-видимому, способы гидростатического взвешивания и определения удельного веса в тяжелых жидкостях[8].

Менее точно определяется удельный вес объемомером с точностью в пределах нескольких единиц первого знака после запятой. Наиболее быстро можно определить объем предмета в мензурке, а небольших предметов — в бюретке. Взвешивать можно техническими весами. Более точно — волюмометром А. С. Уклонского[9]. Для определения удельного веса вещества больших предметов удовлетворительна точность объемомера И. А. Евдокимова и разборных пикнометров нашей конструкции[10].

Спайность в обычной минералогической практике определяется наблюдением плоскостей, образованных при раскалывании минерала, или в шлифах под микроскопом. На поверхности археологических предметов плоскости спайности встречаются только на случайных сколах. У прозрачных минералов иногда они наблюдаются внутри предмета при их трещиноватости (рубин, сапфир, альмандин, берилл и др). Поскольку спайность можно увидеть довольно редко, то она мало помогает в диагностике, но в изделиях служит для различения минералов от стекол.

Излом можно наблюдать в археологических предметах довольно часто, так как они доходят обычно в той или иной степени поврежденными. Характерен излом, например, на каменных орудиях первобытного человека: предметы из кремня и роговика имеют занозистый излом, минералы груп-

---

[8] Э. М. Бонштедт-Куплетская. Определение удельного веса минералов, М., Изд-во АН СССР, 1951.

[9] А. С. Уклонский. Новые волюмометры для определения плотности минералов, Советская геология, №2—3, 1950, стр. 106—110.

[10] Объемомером, строго говоря, определяется объемный вес, но для поделочных камней он обычно близок к удельному.

пы кремнезема (кварц, халцедон и пр.) — раковистый излом.

Магнитностью и электрическими свойствами обладают лишь немногие минералы (магнитный железняк, пирротин), которые встречаются в изделиях из других минералов в виде включений. Эти включения иногда могут указывать на месторождение минерала или горной породы. Так, в серпентиновых пряслицах из могильников первых веков новой эры в Северной Фергане был отмечен магнитный железняк. Сходство в парагенезисе подсказало возможность добычи исследованного образца на Гавасайском магнетитовом месторождении, где встречаются подобные серпентины с включениями магнетита. Электрические свойства обнаруживаются у некоторых минералов (сера, янтарь) — если их тереть о шерстяную материю или кожу, они притягивают мелкие кусочки бумаги.

Люминесценция и метахроматизм — очень ценные диагностические признаки, так как они без какого-либо повреждения предмета позволяют быстро определить большое число образцов и сравнить с эталонными образцами.

Особенно эффективным оказался метод, рекомендованный А. С. Уклонским для наблюдения метахроматизма бирюзы, сердолика, турмалина[11]. При люминесцентном анализе самоцветов типичные эффекты дают александрит, алмаз, рубин, янтарь и др.[12]

Кристаллооптические и иммерсионные методы определения минералов могут быть широко применены в археологии, так как для анализа требуются малые количества вещества и обеспечивается высокая точность[13]. Кристаллооптический метод практикуется реже из-за невозможности взятия осколка для шлифа.

Некоторые минералы содержат включения инородных веществ. Так, в горном хрустале и в кварце встречаются пустотки с жидкостями и газами (CO_2, H_2O и др.) и твердые включения (NaCl, TiO_2 и др.), в корунде — гематит, гранат, ильменит, рутил. Включения встречаются и в ряде других минералов. Они могут указывать на парагенетические связи с другими минералами, а возможно, и на конкретные месторождения.

---

[11] А. С. Уклонский. Материалы по метахроматизму минералов, Труды САИИ, вып. 3, Ташкент, 1947.

[12] Г. Ф. Комовский и О. Н. Ложникова. Люминесцентный анализ при изучении руд и минералов, М., Госгеолтехиздат, 1954.

[13] В. Н. Лодочников. Главнейшие породообразующие минералы, М., Геолтехиздат, 1955.

Помимо описанных применяются и другие методы. Например, минералография — определение в прозрачных шлифах, рентгеновский анализ, химические методы анализа и др. Специфические методы для определения самоцветов (драгоценных камней) с описанием аппаратуры приводит Ричард Т. Лиддикот в «Руководстве по определению драгоценных камней» (1951)[14].

Мы остановились здесь лишь на наиболее важных и в то же время простых методах диагностики минералов, применимых для определения археологических предметов. Не коснулись мы также исследований шлаков, металлических, деревянных и костяных орудий, хотя они представляют большой интерес для археологов и, частично, для геологов. В этой связи напомним лишь об интересном химическом и термическом исследовании Н. Т. Винниченко железного бруска из городища Еркурган[15].

Диагностика горных пород. Определять горные породы можно по внешним признакам, т. е. без специальных препаратов и лабораторных испытаний, определения удельного веса, испытания в прозрачном шлифе, без химического и спектрального анализа и др. Чаще всего в археологических предметах устанавливают горную породу по внешним признакам.

На шлифованных и полированных поверхностях предметов хорошо проявляется структура породы. Сравнивая с эталонным набором горных пород с полированными поверхностями можно приблизительно определить породу. Наблюдатель должен быть опытным и внимательным.

Во всех случаях (на полированных и матовых поверхностях и на неровных свежих изломах) внутренняя структура отчетливей проявляется при смачивании водой. Для определения составных частей горной породы по внешним признакам полезно применять лупу (от пяти- до двадцатикратной). Если исследуемый предмет имеет свежие сколы и излом, можно провести простейший химический анализ: испытание десятипроцентной соляной кислотой для определения карбонатных пород, бромоформом по Райту для определения доломитовых пород, уксусной кислотой для установления количества доломита в породе[16].

---

[14] Richard T. Liddicoat. Handbook of dem identification, Los Angeles, 1951.

[15] Н. Т. Винниченко. О железном бруске из городища Ер-Курган, Труды САГУ им. В. И. Ленина, новая серия, вып. 3, геологические науки, кн. 5, 1954.

[16] В. Н. Лодочников. Указ. соч., стр. 126.

Определение удельного веса горной породы аналогично описанному для минералов. Если позволяет величина шурфа, выделенного для испытаний, то удельный вес можно определить непосредственным измерением и взвешиванием специально изготовленного кубика. Сравнение полученных данных со средними плотностями горных пород[17] покажет, к числу каких пород относится испытуемая.

Метод определения под микроскопом достаточно хорошо разработан и знаком каждому геологу.

Определение рассматриваемых объектов ничем не будет отличаться от обычного определения горных пород под микроскопом. Для изготовления препарата необходим осколок величиной около $2 \times 2 \times 0{,}5—1$ *см*, из которого изготовляется прозрачный, а для определения рудных минералов — полированный шлиф. Берут пластинку, если можно взять пробу без ущерба для археологической ценности предмета.

Для удобства минералого-петрографических исследований предметов, разбитых на несколько фрагментов, желательно склеивать их растворимыми составами, чтобы, в случае надобности, можно было вскрыть поверхность излома. Если имеются отдельные фрагменты из той же породы, не представляющие археологической ценности, образцы для испытаний берут обычным порядком.

Описанные методы диагностики минералов с существенными дополнениями можно применять для диагностики горных пород.

Идентификация минералов и горных пород. Важно установление месторождения минерала или горной породы, из которой изготовлен археологический предмет. Это дает возможность судить об источниках сырья, о технике горного дела и металлургии, а в конечном счете — о характере производства соответствующего периода. Обнаруженные месторождения могут иметь практическое значение и сейчас.

Задача идентификации минералов, горных пород и руд не ставится в обычной работе минералогов, петрографов и геологов-рудников, а является спецификой изучения археологических предметов.

У геологов, много лет работающих в одном районе, эмпирически вырабатываются навыки идентификации. Ими обладают и опытные ювелиры-самоцветчики[18].

---

[17] Фр. Берч, Дж. Шерер и Г. Спайсер. Справочник для геологов по физическим кантантам, перевод с английского, М., ИЛ, 1949.

[18] А. Е. Ферсман. Очерки по истории камня, т. I, М., Изд-во АН СССР, стр. 211.

Такого рода знания необходимо систематизировать и вырабатывать методику идентификации, доступную каждому геологу. Предпосылки для этого имеются. Так, в результате многолетнего изучения стратиграфии верхнепалеозойских пород Н. П. Васильковский выполнил серии изверженных пород (интрузивных и эффузивных), которые получили свое возрастное название и отличаются характерным для данной разновидности составом[19]. Эта работа должна быть продолжена для установления критериев идентификации вида или разновидности исследуемого образца сравнением с имеющимися описаниями[20]. Пока следует прибегнуть к описаниям горных пород, минералов и руд и к материалам геологоразведочных работ.

При идентификации важными признаками могут оказаться цвет, степень прозрачности, удельный вес, петрографический состав, результаты химического и спектрального анализа, исследование изотопов. Большое значение при этом имеет тщательное изучение количественно второстепенных (акцессорных) и редких минералов, находящихся в главной породе или в минерале в виде включений, что и обусловливает своеобразие и индивидуальность породы, минерала, руды данного месторождения.

Облегчает идентификацию эталонная коллекция горных пород и руд данной страны.

Идентификация сырья археологического предмета может указывать на наличие месторождений полезных ископаемых в изучаемом районе или за его пределами[21]. Так, в Средней Азии возобновилась добыча цветного кремня, яшмовидных пород халцедона, бирюзы и самоцветов, не говоря о многочисленных повторно открытых рудных месторождениях. Большую помощь при этом могут оказать древние выработки. Облегчая открытие и разведку месторождений полезных ископаемых, они служат в то же время историческими памятниками горного дела. Здесь могут быть найдены предметы труда и быта, не встреченные во вторичном залегании на поверхности вдали от места добычи.

---

[19] Н. П. Васильковский. Стратиграфия и вулканизм верхнего палеозоя юго-западных отрогов Северного Тянь-Шаня, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1952.

[20] В области петрографии осадочных пород сейчас разработаны методы диагностики, которые, вероятно, можно применять и для идентификации.

[21] М. Е. Массон. Историческая археология на службе геологической разведки, журн. «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1930, № 2.

Об археолого-стратиграфических исследованиях в Средней Азии. Памятники материальной культуры человека укладываются в четвертичный период, преимущественно в его вторую половину. Так как в течение четвертичного периода границы суши и моря перемещались сравнительно немного, то мы здесь имеем дело почти исключительно с континентальными отложениями, которые под непосредственным воздействием экзогенных геологических агентов (деятельность ветра, текучей воды, льда и снега) непрерывно перемещаются и являются наиболее подвижными из геологических отложений. При переотложениях составные части более древних размывшихся слоев могли войти в состав позднее образовавшихся. Особенно устойчивыми оказывались твердые однородные породы (кремни, яшмы, кварциты, нефрит и др.), в том числе и каменные археологические предметы, которые встречаются в аллювиальных отложениях современных рек в смеси с позднейшими совсем молодыми образованиями (галька, гравий, песок, ил). Поэтому следы древнего человека в первую очередь нужно искать в современных аллювиальных отложениях. Археологической, а также минералого-петрографической диагностике необходимо подвергать гальки, по форме соответствующие орудиям труда и предметам быта человека.

Гальки, имеющие антропогенную форму, подвергаются детальному изучению: исследуется возможность их применения в качестве орудий труда, оценивается практически удобство работы ими, рассматриваются способы обработки объекта (сколы, ретушь, царапины), а также случайные и закономерные следы работы орудием — следы ударов, зазубрины, желобки, борозды, засечки для привязывания орудий, просверленные отверстия, шлифовка предмета и т. д. Устанавливается тип орудия и его предполагаемый археологический возраст. Минералого-петрографическими методами определяется состав минерала или горной породы.

Анализ галечников позволяет перейти к коренным залеганиям культурных слоев. При этом учитываются все предыдущие археологические находки в данной местности.

Дальнейшие работы должны основываться на структурной карте четвертичных отложений, на которой должны быть показаны границы выходов речных террас на поверхность, последовательность террас и их взаимоотношения с

---

[22] С. Г. Саркисян и Л. Т. Климова. Ориентировка галек и методы их изучения для палеогеографических построений, М., Изд-во АН СССР, 1955.

дочетвертичными породами. Необходимо, чтобы карта имела палеогеографический характер: с руслами древних потоков, озер, стариц, островов и др. В работе большую помощь окажет изучение ориентировки галек[22]. На эту карту наносятся найденные археологические памятники, после чего карта становится уже геолого-археологической. Таким образом можно будет дать прогнозы местонахождения стоянок первобытного и поселений позднейшего человека.

Поисково-разведочные археологические работы должны, по нашему мнению, проводиться совместно геологами-четвертичниками и археологами-первобытниками. Участие геологов полезно для облегчения поисков культурных слоев геолого-структурными методами, а участие археологов — для датировки четвертичных отложений. Это сотрудничество должно быть очень продуктивно и для геологических, и для археологических исследований[23].

В разведочных работах с применением глубоких горных выработок и скважин также должны совместно участвовать геологи и археологи. Выработки следует задавать на основании геологической карты и разрезов. За их проходкой должны наблюдать и геологи, и археологи. При раскопке и документации культурного слоя участие геологов не исключается. При камеральной обработке археологических материалов следует привлекать геологов для определения вещественного состава предметов материальной культуры.

---

[23] В. И. Громов. Палеонтологическое и геологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие палеолита), Труды Ин-та геол. наук, вып. 64, М., 1948. В этой монографии имеется обширный список литературы по рассматриваемому вопросу.

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО

К ИЗУЧЕНИЮ КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Погребальные памятники могут служить ценным источником при изучении культуры, истории, идеологии и этногенеза создавших их народов. Видное место среди этих памятников занимают погребальные курганы, находящиеся в большом количестве в равнинных и горных местностях, в пустынных и обжитых районах Средней Азии. Курганные погребения изучаются уже в течение многих десятков лет, однако сводки, посвященной истории изучения курганов, до сих пор нет. В археологической литературе имеются работы по истории изучения Средней Азии[1], отдельных республик[2], районов[3], городов[4], деятельности научных учреждений[5].

В предлагаемой работе освещается период с конца XIX в. до 1945 г., когда было созвано Всесоюзное совещание археологов, после которого археологические исследования в СССР получили наиболее широкий размах.

Изучение курганных погребений в Средней Азии начинается со второй половины XIX в., после ее присоединения к России, что открыло новый этап в изучении истории и памятников древней культуры народов, населявших ее огромные пространства.

Впервые вскрытием курганов в Средней Азии занимался Н. И. Веселовский, который в 1884 г. был направлен сюда

---

[1] Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, Ташкент, 1958, стр. 23 и след.; М. Е. Массон. Краткий очерк изучения Средней Азии в археологическом отношении, Труды САГУ, вып. 81, Археология Средней Азии, Ташкент, 1956, стр. 5—40.

[2] Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой, Изд-во АН ТаджССР, 1954.

[3] Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, Изд-во АН ТаджССР, 1955, стр. 9—22.

[4] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение, Труды ЮТАКЭ, т. 1, Ашхабад, 1949, стр. 24—35.

[5] А. Ю. Якубовский. ГАИМК — ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет, КСИИМК, 1940, VI, стр. 14—23.

Археологической комиссией. Однако особых научных результатов поездка Веселовского не дала, вследствие его неподготовленности к раскопкам тех памятников, которые он изучал. Это сразу же видно при сравнении отчетов Н. И. Веселовского с отчетами его предшественников, в частности П. И. Лерха, посетившего Среднюю Азию в 1867 г.[6] В 1885 г. Н. И. Веселовский предпринял поездку в Ферганскую область, где занимался изучением древних курганных погребений. Он осмотрел сотни курганов, имеющих каменную насыпь и называемых местным населением курумами, т. е. россыпями камней, или «муг-хане» и «карахатай-хане»[7]. Курумы представляют собой каменную насыпь, под которой в грунте сделана могильная яма со стенами, обложенными плиточным камнем, положенным на ребро. В этих каменных ящиках и совершалось погребение. Из ста курумов, осмотренных Н. И. Веселовским, только пять оказались неограбленными. В них сохранились бусы, мелкие украшения, малочисленная керамика и каменные точилки. В одном из курумов был найден сосуд с ручкой в виде собачки[8].

Сосуды с ручкой в виде животных и каменные точилки хорошо известны в археологии Средней Азии по каунчинской культуре[9] и позволяют отнести погребения в курумах к первым векам нашей эры[10].

Н. И. Веселовский к востоку от Узгента вскрыл курган, который под сырцовой кладкой обнаружил четыре скелета[11].

В 1886 г. В. М. Флоринский близ станции Царицынской (Семиречье) вскрыл курган, но раскопки оказались безуспешными: могила не была найдена[12].

---

[6] П. И. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г., СПб., 1870. О работе Н. И. Веселовского в Средней Азии см.: А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда, ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 290—291.

[7] Отчет Археологической комиссии за 1882—1888 гг., СПб., 1891, стр. LXV.

[8] Там же, стр. LXV—LVIII.

[9] Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе Узбекской ССР в 1934 г., Ташкент, 1935; Он же. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940.

[10] Датировка курумов, исследованных Н. И. Веселовским, в отчете не дана.

[11] Отчет Археологической комиссии за 1882—1888 гг., СПб., 1891 г., стр. LXVIII. Как известно, курганы с сырцовой кладкой под насыпью относятся к XII—XIII вв.

[12] И. А. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края, Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии, вып. XXII, Оренбург, 1910, стр. 246.

Летом 1887 г. Н. П. Остроумов производил раскопки курганов на Никифоровских землях (участок Никифорова в четырех верстах от Ташкента — ныне пос. Луначарское). Вместе с ним работала группа его сотрудников, чертежи и рисунки дѐлал учитель рисования Ташкентской гимназии Н. И. Иванов, расчистку скелетов производили врач Д. С. Гимер и астроном-наблюдатель Я. Н. Гультяев[13]. Это было первое вскрытие курганов, к которому исследователи подошли с полным пониманием значимости изучаемого ими объекта, что выгодно отличает их от всех последующих дореволюционных исследователей. Поводом к вскрытию курганов послужил обвал во время земляных работ на Никифоровских землях, где обнаружили ход в «куполообразную пещеру», вырытую под самой серединой кургана. В этой «пещере» были найдены человеческие кости и глиняные сосуды, неподалеку от нее обнаружены оссуарии. Эти находки побудили Археологическую комиссию поручить Н. П. Остроумову произвести в этих местах раскопки, в результате которых было вскрыто 20 курганов[14].

Погребальное сооружение в них представляло собой дромос и катакомбу, находящиеся под насыпью. Трупы клались или на пол, или на камышовую подстилку. Ориентированы скелеты головой на северо-восток с незначительным отклонением к северу. В одной могиле иногда было по несколько скелетов разного возраста. Во всех могилах близ входа находились кости лошади или других животных. Инвентарь представлен посудой и другими находками, среди которых были и удила[15]. Никаких попыток датировать курганы, несмотря на строго научный подход к их изучению, Н. П. Остроумов не предпринял[16].

Курганы привлекали также внимание и местного населения. В конце 80-х и начале 90-х годов XIX в. очень часто наблюдались случаи массовых хищнических раскопок в поисках кладов. Горячка кладоискательства охватила вначале Токмакский уезд, а затем распространилась на Иссыккульский, Аулиеатинский и Андижанский уезды. В этих раскопках порой принимало участие все население данной

---

[13] Письма Н. П. Остроумова в Археологическую комиссию от 25 июня 1887 г., № 899 и от 14 июля 1887 г., № 371, Архив ИММК АН СССР, д. 34.

[14] А. Р[о м а н о в и ч]. Библиографический листок, газ. «Туркестанские ведомости», 1892, 42.

[15] Письмо Н. П. Остроумова в Археологическую комиссию от 3 сентября 1887 г., № 1140, Архив ИИМК АН СССР, д. 34.

[16] Курганы, вскрытые Н. П. Остроумовым, относятся по идентичному инвентарю к курганам каунчинской культуры, т. е. к первым векам нашей эры.

местности; они производились даже ночью при свете факелов, а в качестве орудий употреблялись все инструменты вплоть до серпов. Выходы на «раскопки» сопровождались закланием лошадей, баранов или быков. Как только это стало известно местным властям, раскопки были строжайше воспрещены, а найденные вещи отобраны[17].

Узнав о хищнических раскопках в Семиречье, Археологическая комиссия предложила Н. Н. Пантусову обследовать места находок, Н. Н. Пантусов же поручил это ученому садовнику Пишпекского городского сада А. М. Фетисову, который и выполнил поручение[18].

В 1889 г. А. М. Фетисов произвел раскопки кургана Актепе в Чуйской долине, где обнаружил трупосожжение; сам Н. Н. Пантусов вскрыл три кургана около г. Алма-Ата. Особых находок им не было сделано[19].

В 1890 г. А. М. Фетисов занимался раскопками и в других местах Семиреченской области. Вскрытые им 35 курганов имели каменные насыпи, увенчанные пуком острых камней. Под насыпями находились погребения в грунтовых ямах, имевших каменное гробовище, сверху они перекрывались жердями, досками, обрубками дерева, некоторые же имели перекрытие из каменных плит[20]. Половина вскрытых курганов не дала никакого инвентаря. Скелеты, ориентированные головой на север, редко на запад, лежали в вытянутом на спине положении[21]. Среди раскопанных А. М. Фетисовым могил были и подбойные, в которых скелеты находились в деревянных гробовищах, состоявших из двух половин выдолбленного ствола, скрепленных железными полосками. В других подбойных могилах никаких следов гробовищ не найдено. Подбой от впускной ямы отгораживался каменными плитами[22]. В курганах, вскрытых А. М. Фетисовым, среди находок были обнаружены китайские монеты[23], определенные А. О. Ивановским как монеты VIII в.[24]

Из перечисленных типов курганов, вскрытых А. М. Фетисовым, встречаются погребения не только VII—VIII вв.,

---

[17] Отчет Археологической комиссии за 1889 г., СПб., 1892, стр. 93; Отчет Археологической комиссии за 1891 г., СПб., 1893, стр. 109.

[18] Отчет Археологической комиссии за 1891г., СПб., 1893, стр. 111.

[19] Отчет Археологической комиссии за 1889 г., СПб., 1892, стр. 77—80.

[20] Этот тип курганов очень схож с курумами.

[21] Отчет Археологической комиссии за 1891 г., СПб., 1893, стр. 111—112.

[22] Там же, стр. 112.

[23] Там же, рис. 100 на стр. 115.

[24] Там же, стр. 115 (примечание).

как это считал А. И. Тереножкин[25], но более ранние — первых веков нашей эры, и поздние — XIII—XIV вв., в деревянных гробах-колодах, известных по Пскентскому могильнику.

Получив от военного инженера П. С. Нечогина сведения об открытых в 1850 г. в Семиречье в районе г. Копала древностях, якобы буддийских, Археологическая комиссия поручила Н. Н. Пантусову заняться проверкой этих сведений путем раскопок нескольких курганов в урочище Кызылагач к северо-западу от Копала. Раскопки 1890 г. пяти курганов сведений П. С. Нечогина не подтвердили и дали лишь фрагменты костей человека, животных и черепки посуды[26].

В 1890 г. Е. Ф. Каль по предложению Археологической комиссии обследовал могильник на возвышенности Малый Бурул в Аулиеатинском уезде, в котором местное население хищнически раскопало более ста могил. Серебряные и золотые вещи кладоискатели переплавили в слитки, один из которых достигал нескольких фунтов. Поиски Е. Ф. Каля не увенчались успехом: погребения не удалось найти.

В местности Джитытепе Е. Ф. Каль обследовал курганы с каменными круглыми оградками. Раскопки одного из курганов ничего не дали: он был полностью разграблен[27].

В 1893 г. Н. П. Остроумов производил раскопки курганов в с. Мамаевка и около Чимкента. Во вскрытых могилах, обложенных сырцовым кирпичом[28], скелеты лежали по два и по четыре, головой на северо-восток. Трупы были положены на слой гальки или черепков, никаких находок обнаружено не было.

В ноябре 1897 г. в 15 верстах от г. Аулиеата В. Панков приступил к вскрытию кургана, который безуспешно раскапывал до него Е. Ф. Каль. Докопав траншеи своего предшественника, В. Панков нашел только два камня.

Затем им же был раскопан маленький курган с большим количеством камней в насыпи. Ниже уровня земли найдены фрагменты костей скелета. Инвентарь не обнаружен[29].

---

[25] А. И. Тереножкин. Археологические разведки по реке Чу в 1929 г., журн. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 5—6, стр. 142.

[26] Отчет Археологической комиссии за 1890 г., СПб., 1893, стр. 72—74.

[27] Там же, стр. 74—79. На самом деле курган был недокопан. Об этом см. ниже.

[28] Н. П. Остроумов. Из поездки в селение Мамаевку, газ. «Туркестанские ведомости», 1893, № 50.

[29] В. Панков. Раскопки курганов близ г. Аулиеата, Протоколы заседаний и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии, год третий, Ташкент, 1897—1898, стр. 47—50.

QQL. N.Ver

На средства Археологической комиссии в 1897 г. врач Пишпекского военного госпиталя Ф. В. Поярков произвел раскопки четырех курганов около с. Лебединка Токмакского уезда; эти курганы очень интересны в конструктивном отношении. Два из них дали парные подбойные могилы, устроенные в западной и восточной стенках дромоса. Вход в подбои был заложен кладкой из сырцового кирпича. В третьем кургане каждая из двух могил имела свой особый колодец, между которыми находилась грунтовая могила. Четвертый курган дал одну подбойную могилу в центральной части и две грунтовые могилы под западной полой кургана. Все скелеты лежали в вытянутом положении на спине, головами на север. Никаких вещей обнаружено не было[30].

Раскопанные Ф. В. Поярковым курганы М. В. Воеводский и М. П. Грязнов отнесли к первым векам нашей эры[31].

В 1898 г. в верховьях р. Талас для разыскания и производства раскопок древних памятников прибыла экспедиция, снаряженная Финно-Угорским ученым обществом в составе Г. Гейкеля, К. Мунка и О. Доннера. В помощь экспедиции был прикомандирован уездный начальник В. А. Каллаур, который нашел в этом районе камни с руническими надписями[32]. Однако экспедиция даже не пыталась датировать раскопанные курганы и ограничилась лишь их описанием[33].

Датировка курганов в верховьях р. Талас была дана советскими археологами[34].

Один курган, случайно вскрытый на Никифоровских землях под Ташкентом, был исследован в 1913 г. Н. П. Остроумовым совместно с В. Н. Милованом и Л. А. Зиминым. В кургане найдены два костяка, обращенные головами на северо-запад, и небольшой глиняный кувшин[35].

---

[30] Отчет Археологической комиссии за 1897 г., СПб., 1900, стр. 56—57.

[31] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, 1938, № 3, стр. 168.

[32] В. Каллаур. Новая археологическая находка в Аулиеатинском уезде, Протоколы заседаний и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии, Ташкент, 1898, стр. 123 и след.

[33] H. Heikel. Altertümer aus dem Tall des Talas in Turkestan, Travaeux Etnographie, VII, Helsinki, 1918.

[34] А. Н. Бернштам относил погребения Айри-тама и Чим-тюе к раннесакским, т. е. VIII—VII вв. до н. э. См.: А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня, СА, вып. XI, М.—Л., 1949, стр. 343.

Курганы Беш-таша С. С. Сорокин причислил к числу гуннских памятников и считал их синхронными курганам Кенкольского могильника. См.: С. С. Сорокин. К вопросу о гуннах в Средней Азии, Вестник Ленинградского университета, 1948, № 11, стр. 123, 125 и след.

[35] Протоколы заседаний и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии, год XVIII, Ташкент, 1913, стр. 111.

Другое погребение было обнаружено в том же году на Никифоровских землях при проведении арыка. Производивший раскопки этого кургана И. А. Кастанье сообщил, что в куполообразной камере головами на северо-восток лежали два скелета, около них были найдены железный нож, оселок и узкая железная пластинка; в головах стояли три кувшина с ручками разной высоты[36].

Таким образом, краткий перечень вскрытых курганов показывает, что до 1917 г. изучение курганных погребений в Средней Азии не носило планового характера, раскопки, за редким исключением, производились людьми, совершенно не подготовленными к археологическим работам, энтузиастами из среды интеллигенции, собиравшими древности. Мало внимания уделяла Средней Азии и Археологическая комиссия, которая ограничивалась посылкой своих представителей для производства работ или поручала их производство своим сотрудникам на местах. Характерно, что в Средней Азии не было проведено ни одного археологического съезда, в то время как такие съезды ежегодно проводились в России.

Несмотря на слабое развитие дореволюционной археологии, из среды интеллигенции выдвинулись энтузиасты. Вся археологическая работа в дореволюционном Туркестане проводилась по трем основным направлениям: 1) изучение и частичное поддержание сохранившихся архитектурных памятников, 2) археологические разведки и рекогносцировки, иногда раскопки, 3) собирание случайных находок и организация их музейного хранения, а также материалов, полученных во время раскопок[37].

После победы Великой Октябрьской социалистической революции начинается новый этап в изучении и охране памятников истории искусства и природы. Молодая Советская республика, приступившая к мирному строительству, большое внимание уделила памятникам старины и искусства и в первую очередь охране того, «что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»[38].

Одним из первых шагов в этой области было издание Совнаркомом РСФСР законодательного акта 13 октября 1918 г., положившего начало государственной охране всех памятников старины и искусства.

---

[36] Протоколы заседаний..., стр. 111.

[37] С. П. Толстов, В. А. Шишкин. Археология, Сб. «25 лет советской науки в Узбекистане», Ташкент, 1942, стр. 256.

[38] В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 292.

В Средней Азии государственная охрана была распространена на памятники старины и искусства, имеющие важное государственное и научное значение, декретом ЦИК Советов Туркреспублики от 30 января 1920 г.

Вторым декретом Совнаркома Туркреспублики от 23 мая 1921 г. при Наркомпросе был создан Комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы — Туркомстарис[39].

Постановлением ЦИК Советов Туркреспублики от 27 марта 1923 г. были взяты на учет и переданы в ведение Туркомстариса исторические городища в различных районах Средней Азии[40].

В 1924 г., после национального размежевания республик Средней Азии, Туркомстарис был преобразован в Средазкомстарис, который особое внимание уделял археологическому изучению древней ирригации, постановке керамических опытов с целью изучения вопросов производства древних изразцов и майолики и археологическим раскопкам[41]. К последним Средазкомстарис относился весьма осторожно, ограничиваясь главным образом археологическими наблюдениями при вскрытии нижних частей архитектурных памятников[42]. И только с 1928 г. по инициативе Средазкомстариса в различных местах Средней Азии начинается вскрытие курганов. Наряду с работниками из местных учреждений к этим раскопкам привлекаются и специалисты из Центра. Так, в 1928—1929 гг. по поручению Средазкомстариса М. В. Воеводский и М. П. Грязнов раскопали курганы на территории Киргизии.

В 1928 г. ими вскрыто четыре кургана неподалеку от башни Бурана, имевшие под насыпями грунтовые могилы со скелетами, лежавшими в вытянутом положении на спине, головой на запад. Среди находок были две выпуклые бляшки с изображением сатиров, листочки красного лака, украшения[43]. Эта группа курганов отнесена к III в. до н. э.— I в. н. э.

---

[39] А. М. Миронов. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (быв. Туркомстариса) за пятилетие его существования, Известия Средазкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 20.

[40] Известия Средазкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 300—301.

[41] Д. И. Нечкин. Задача и ближайшие цели Комитета по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы в Средней Азии, Известия Средазкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 12.

[42] И. И. Умняков. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 году, Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 273.

[43] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, 1938, № 3, стр. 163—170.

В 1929 г. М. В. Воеводский и М. П. Грязнов вскрыли курганы близ с. Каракола, среди которых были ограбленные грунтовые могилы. Из находок следует отметить обломок меча, трехлопастные черешковые (с опущенными жальцами. — *О. О.*) наконечники стрел из железа[44].

В Чильпекском могильнике в том же году ими вскрыто 10 курганов с таким же трупоположением, как и в курганах около башни Бурана, но с ориентацией скелетов головой на северо-запад. Инвентарь погребений аналогичен предыдущим находкам — того же типа керамические изделия, в частности, посуда шаровидной формы, вылепленная от руки на матерчатом шаблоне, и т. п. М. В. Воеводский и М. П. Грязнов датировали эти курганы тем же временем, что и предыдущие два могильника, но считали их принадлежащими или беднейшей части усуней, или их рабам. К этому выводу они пришли на основании различия местоположения могильников, расстановки курганных насыпей и количества погребального инвентаря в курганах. Они отмечают, что расположенные в меридиальные цепочки курганы типа буранинского и каракольского встречаются в широких долинах рек и предгорьях, а беспорядочная расстановка насыпей чильпекского типа — высоко в горах, на зимовках[45].

Это предположение вызвало возражение А. И. Тереножкина, который вполне справедливо, не отрицая наличия рабства у усуней, отмечал, что М. В. Воеводский и М. П. Грязнов недооценивали факт ограбления чильпекских курганов[46]. А. И. Тереножкин предположил, что курганы в цепочках были могилами господствующих усуньских племен, а курганы с беспорядочной расстановкой насыпей принадлежали народам сэ или юе-чжи. Имущественную же дифференциацию он видел в разной величине могильных насыпей[47].

В 1928 г. по поручению Главного Среднеазиатского музея М. Е. Массон при участии Т. Миргиязова, К. И. Массон и членов кружка «Друзья музея» Д. Нестерова и Н. Вундецеттеля проводил археологические работы в Ахангеране. Во время этих работ в Тойтюбинской группе «мингтепе» на правом берегу арыка Ислахат был раскопан курган № 2.

---

[44] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники..., стр. 170—173.

[45] Там же, стр. 178.

[46] А. И. Тереножкин. М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, 1938, № 3, Известия УзФАН, 1941, № 2, стр. 75.

[47] Там же, стр. 74—75.

В катакомбе головой почти на восток, с небольшим отклонением к югу, лежал скелет, в головах которого находились черепа трех скелетов, погребенных ранее, а в западном конце могилы было пятое, впускное погребение. Вся глиняная посуда выполнена без гончарного круга. Исходя из этого, М. Е. Массон датировал курган началом нашей эры[48].

В той же группе был вскрыт и курган № 1, давший катакомбу с ориентацией скелета, лежащего в вытянутом на спине положении, головой на северо-восток. Среди инвентаря — фрагменты меча и кинжала из железа. Фрагмент кинжала имел прямое перекрестие и рукоятку, оканчивающуюся парными завитками. В ногах были найдены трехперые железные черешковые наконечники стрел. По инвентарю и характеру погребения М. Е. Массон датировал этот курган «второй четвертью I тысячелетия н. э.»[49]

В 1928 г. в черте г. Алма-Ата неизвестно кем был вскрыт курган из цепочки, проходящей с севера на юг вдоль русла р. Малая Алмаатинка. В кургане под грунтовой перемычкой и кладкой из неформованного сырцового кирпича находились каждое в отдельной яме погребения человека и коня. Датируется погребение монетой I в. н. э. царя северо-западной Индии Мренаса[50].

По заданию Киргизского научно-исследовательского института А. И. Тереножкин в 1929 г. производил археологическое обследование долины р. Чу. Во время этих разведок он расчистил разрушенный курган, давший керамику усуньского типа[51].

На левом берегу р. Аламедин А. И. Тереножкин доисследовал курган, под насыпью которого найдена грунтовая могила со скелетом головой на юг—юго-запад, в вытянутом на спине положении. Около левой руки лежали нож и цилиндрической формы железная трубка. Стоявший слева от черепа сосуд на внешней поверхности дна имел следы проса.

---

[48] М. Е. Массон. Ахангеран, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1953, стр. 20.

[49] Там же, стр. 22—24. Он же. Уникальный намогильный лицевой памятник из долины Ангрена, Известия АН КазССР, серия археологическая, вып. 3, № 108, 1951, стр. 114—116.

[50] А. Х. Маргулан, Е. И. Агеева. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.), Известия АН КазССР, серия археологическая, вып. I, № 46, 1948, стр. 125.

[51] А. И. Тереножкин. Археологические разведки по реке Чу в 1929 г., Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 5—6, М—Л., стр. 141.

Это погребение А. И. Тереножкин отнес к доусуньскому времени[52].

К случайным находкам относится сосуд типа «мургоби» — «утка» из кургана около Ургута Самаркандской области[53].

В 1929 г. Узкомстарис проводил раскопки Пскентского могильника под руководством М. В. Воеводского при участии А. А. Потапова. В 1930 г. к ним присоединились В. Д. Жуков, И. Н. Луцкевич и Т. Г. Оболдуева. В 1929 г. было раскопано восемь курганов, а в 1930 г. — шесть. В этих курганах открыто и исследовано 17 могил — две грунтовые, восемь катакомбного типа и пять склеповых. Два кургана, раскопанные в 1930 г., под насыпью не имели могил, т. е. оказались кенотафами. Ориентация скелетов в катакомбах восточная, в двух случаях северная, погребения были и одиночные, и групповые[54]. В грунтовых ямах скелеты лежали вытянуто, головой на север[55], в выдолбленных гробах-колодах. В них были найдены анонимные монеты джагатаидского чекана конца XIII — начала XIV в.

М. В. Воеводский самые ранние типы погребений Пскентского могильника датировал V—VIII вв.[56] М. Э. Воронец относил их к «феодальной формации»[57].

В 1929 г. М. Е. Массон по заданию Среднеазиатского отделения Геолкома совершил два маршрута по Ахангерану в связи с обследованием Карамазара. В разграбленных каменных курганах (мугташах) в Илакских горах среди находок были сосуды с ручками, трактованными как примитивные фигурки баранов с закрученными рогами. Возраст мугташей он определил примерно в 2000 лет[58].

---

[52] А. И. Тереножки. Археологические разведки..., стр. 142.

[53] Е. М. Пещерева. Гончарное производство у горных таджиков, Известия Среднеазиатского географического общества, т. XIX, Ташкент, 1929, стр. 32.

[54] А. А. Потапов. Пскентский курганный могильник, рукопись, Архив Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР, № 31, стр. 17.

[55] Там же, стр. 40.

[56] М. Е. Массон. Ахангеран..., стр. 24—25.

[57] М. Э. Воронец. Археологические исследования и ремонтно-реставрационные работы в УзССР, журн. «Социалистическая наука и техника», 1937, № 10—11, стр. 176.

[58] М. Е. Массон. Ахангеран..., стр. 17—18. Мугташи М. Е. Массон не вскрывал, никто этого не делал и до него. Но, судя по описанию насыпей и находкам, они очень близки к курганам Ферганы, обследованным Н. И. Веселовским в 1885 г.; вполне возможно, что это те же курумы или их разновидность.

Курганы с мусульманскими погребениями около Аламединской ГЭС в 1930 г. раскапывал М. В. Воеводский[59].

В 1934 г. Б. А. Латынин производил раскопки курганов в могильнике близ Исфары. Курган № 1 третьего могильника дал подбойную могилу с трупоположением в вытянутом на спине положении, головой на юг. Вход в подбой был завален валунами, под костяком находилась камышовая подстилка, в ногах — посуда[60]. Сам Б. А. Латынин в то время ничего определенного об этнической принадлежности этих могил не сообщал, а Б. Я. Ставиский связал их с гуннами[61].

В 1935 г. М. Е. Массон исследовал курганы в долине р. Чирчик, результаты этих работ пока не опубликованы[62].

Курганы Исфаринского могильника в 1936 г. раскапывались Т. Г. Оболдуевой. Два из них имели под насыпями подбойные могилы, вход в которые был заложен камнями. Подбои сделаны в западной стенке могильной ямы, скелеты лежали головой на юг—юго-восток. Инвентарь представлен сосудами кувшинообразной формы с округло-плоским дном, деревянным столиком на ножках, железным прямым ножом и круглой железной пряжкой с язычком. Отнесены курганы к первым векам нашей эры[63].

В 1937 г. были начаты и в 1938 г. продолжены раскопки курганов по арыку Джун, близ городища Каунчитепе. Раскопки были предприняты Г. В. Григорьевым, в течение ряда лет занимавшимся изучением этого городища. В работах по вскрытию курганов принимал участие сотрудник Узкомстариса М. Э. Воронец. Во время работ было раскопано десять курганов — восемь на арыке Джун, два в кишл. Нау. Из

---

[59] А. И. Тереножкин. Археологические разведки..., Примечание 1, стр. 139.

[60] Б. А. Латынин. Отчет Ферганской экспедиции 1934 г. (Сазгипровод и Сагидеп), стр. 43—45. Рукопись, Архив ИИМК, ф. 2, оп. 2, д. 712.

[61] Б. Я. Ставиский. Археологические исследования Таджикистана, ВДИ, 1952, № 1, стр. 167. Ныне Б. А. Латынин относит это погребение к первым векам нашей эры и связывает возникновение могильника с древним населением Ферганы. См.: Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева. Исфаринские курганы, КСИИМК, 76, 1959, стр. 24—27.

[62] М. Е. Массон. Уникальный намогильный лицевой памятник..., Примечание 1, стр. 115. М. Е. Массон находит сходство этих курганных погребений с погребениями, раскопанными в 1928 г. в районе Тойтюбе.

[63] Т. Г. Оболдуева. Исфаринские курганы. Раскопки 1936 г. Рукописный отчет, Архив ИММК, б/н; См. также: Исфаринские курганы..., стр. 20 и след. Авторы в данной работе ставят вопрос о взаимоотношениях оседлого и кочевого населения Средней Азии.

раскопанных в кишл. Нау курганов только один дал погребение, под насыпью второго могилы не оказалось[64].

Все курганы под насыпью имели дромос и катакомбу, погребения одиночные и парные, почти все костяки лежали в вытянутом положении на спине, головой на восток. Около мужских скелетов находился прямой двулезвийный меч с рукояткой, общая длина его 90 *см.* Такого же типа кинжалы лежали у правого бедра и с левой стороны, а около колена — трехлопастные черешковые наконечники стрел из железа. Как правило, во всех могилах были найдены лопатки или кости ног барана[65].

Г. В. Григорьев в кратком отчете о раскопках курганов сослался на датировку М. Е. Массона, согласно которой главная масса курганов относится к III—V вв.[66]

После производства работ Г. В. Григорьев опубликовал отчет, но ни словом не обмолвился в нем о раскопках курганов[67]. Это сразу же было отмечено А. И. Тереножкиным[68]. Пробел был восполнен М. Э. Воронцом, который более точно датировал вскрытые курганы. Один курган дал скорченное погребение эпохи поздней бронзы, в другом оказалось групповое захоронение, среди инвентаря — посуда, покрытая красным ангобом. Дата погребения — последние века до н. э.[69]. Остальные курганы он отнес к III—IV вв.[70] Т. Г. Оболдуева уточнила эти датировки. Она считает, что курганная культура Каунчи относится к началу нашей эры, погребения же джунского типа — к памятникам следующего этапа развития материальной культуры Ташкентского оазиса, генетически связанной с культурой Каунчи II, и датирует этот тип погребений III—IV вв.[71]

Отчет же Г. В. Григорьева был опубликован значительно позже, в 1948 г. В нем описаны погребения и находки, а так-

---

[64] Г. В. Григорьев. Предварительный отчет об археологических раскопках экспедиции Узкомстариса, проведенных в октябре—ноябре 1938 г. на арыке Джун близ городища Каунчитепе. Рукопись, стр. 10. Архив Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР, № 109.

[65] Там же, стр. 4, 6.

[66] Там же, стр. 3.

[67] Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г., Ташкент, 1940.

[68] А. И. Тереножкин. Каунчитепе, Известия УзФАН СССР, 1940, № 8, стр. 85.

[69] М. Э. Воронец. Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР, ВДИ, 1940, № 3, стр. 336.

[70] Там же. стр. 337.

[71] Т. Г. Оболдуева. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области, КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 101—102.

же приведены соответствующие аналогии и датировка курганов — первые века нашей эры[72].

А. Н. Бернштам в 1933 г.[73] начал систематические исследования на территории Киргизской и Казахской ССР, охватившие впоследствии Фергану, Памир и Алай.

Археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и ИИМК АН СССР под руководством А. Н. Бернштама в 1938 г. вскрыла четыре кургана в долине р. Кенкол, а в 1939 г. — еще восемь. Первые четыре кургана оказались ограбленными, зато остальные дали очень интересный материал. Под насыпями оказались катакомбы с одиночными или парными погребениями. Скелеты лежали в вытянутом положении на спине, головами на север, восток, запад и юг. В одном из погребений был найден деревянный арчовый гроб. В другой катакомбе на арчовом ложе лежали скелеты, благодаря особым условиям, создавшимся в погребальной камере, с сохранившимися частями тела, одеждой (шелковые рубахи, кожаные штаны), обувью (мягкие сапоги — чарыки). Посуда была представлена сосудами баночнообразной и кувшинообразной формы из обожженной глины и дерева, оружие — трехгранными, втульчатыми наконечниками стрел из железа и кости. Черепа большей части скелетов деформированы. В одном кургане вход в катакомбу преграждали два костяка с европеоидными черепами, лежавшие на грубом хворостяном помосте; здесь не было никакого инвентаря, кроме одного сосуда. В катакомбе же лежали два костяка с деформированными черепами монголоидного типа.

А. Н. Бернштам пришел к выводу, что погребенные в дромосе европеоиды — рабы из местного населения памиро-ферганской расы, покоренного пришельцами-гуннами, которым принадлежат погребения в катакомбах. Возникновение могильника он связывал с приходом в Среднюю Азию в середине I в. до н. э. руннов под предводительством Чжи-Чжи-шаньюя. Время сложения могильника А. Н. Бернштам относил к рубежу нашей эры[74]. В ряде же других работ он пред-

---

[72] Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. Известия АН КазССР, серия археологическая, вып. 1, № 46, 1948, стр. 55 и след.

[73] А. Н. Бернштам, А. С. Морозова. Отчет о командировке в Среднюю Азию, Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 6, стр. 100—101.

[74] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа, вып. II, Л., 1940, стр. 29; Он же. Археологические работы в Семиречье, КСИИМК, IV, 1940. стр. 45—46.

лагал разные даты: I в. до н. э. — II в. н. э., затем I—II вв. н. э.[75]. Согласившись с датой I в. до н. э. — II в. н. э., М. П. Грязнов указал на ошибки, допущенные А. Н. Бернштамом. На основе анализа чертежей и описания кургана № 10, где похоронены в дромосе, по предположению Бернштама, рабы, М. П. Грязнов убедительно доказал, что это не рабы. Он отметил, что игнорирование фактора ограбления привело к такой ошибке, а также неправильно было понято положение скелетов по отношению к основному погребению в катакомбе. Погребение в дромосе впускное и никакого отношения к погребению в катакомбе не имело, так как было сделано позже[76].

В 1938—1939 гг. в районе озера Бийликуль А. Н. Бернштам производил раскопки Берккаринского могильника, насчитывающего 457 насыпей. Им было вскрыто 44 кургана и, несмотря на ограбление могил, собран значительный материал (керамические изделия — круглодонные сосуды чайникообразной формы с петельками для подвешивания к седлу; вооружение — железные наконечники стрел, трехгранные с черенком, эфес меча, ножи; украшения — подвески, бусы, кольца и т. д.). Покойники клались в грунтовые ямы, над которыми возводились насыпи, как правило, в каждой могиле был один покойник. Скелеты лежали на спине в вытянутом положении, головой на запад. Различие в величине насыпей А. Н. Бернштам считал признаком имущественного расслоения общества. Могильник, по его мнению, принадлежал кочевым народам. Наиболее древняя часть его была отнесена к III—I вв. до н. э., а наиболее «молодая» — к I в. н. э.[77]. Были обнаружены погребения рабов, а одно дало факт насильственной смерти[78].

Более подробное описание могильника сделано Г. Г. Бабанской, причем самые древние погребения отнесены ею к IV—III вв. до н. э.[79]

---

[75] А. Н. Бернштам. Археологические работы в Казахстане и Киргизии, ВДИ, 1939, № 4, стр. 177—178; Он же. Согдийская колонизация Семиречья, КСИИМК, VI, 1940, стр. 37.

[76] М. П. Грязнов, А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, КСИИМК, XI, 1945, стр. 146—148.

[77] А. Н. Бернштам. Археологические работы в Семиречье..., стр. 43; Он же. Археологические работы в Казахстане и Киргизии в 1938 и 1939 гг. Наука и жизнь, 1940, № 3, стр. 40; Он же. Памятники старины Таласской долины, Историко-археологический очерк, Алма-Ата, 1941, стр. 14—17.

[78] Там же.

[79] Г. Г. Бабанская. Берккаринский могильник, ТИИАЭ АН КазССР, т. 1, Археология, 1956, стр. 189—206.

Во время экспедиции 1939 г. А. Н. Бернштам обследовал Алмаатинскую область и зарегистрировал большое количество курганов в разных местах. В Турьгеньском могильнике он раскопал один малый курган и по нему весь могильник датировал VI—IX вв.[80]

Около р. Чилик в Джувантепинском могильнике раскопаны Бернштамом курганы, имевшие небольшие каменные насыпи, под которыми на незначительной глубине были одиночные захоронения, ориентированные с запада на восток. Обнаруженный инвентарь оказался очень беден. Часть могил имела накат из бревен. Керамика в основном аналогична усуньской, но встречалась и более поздних эпох. На основании этого, а также характерной для более поздних эпох бессистемной расстановки насыпей Джувантепинский могильник А. Н. Бернштам отнес к эпохе тюрок (VI—VIII вв.).

Аналогичны им по времени и курганы в урочище Узун-Булак. На поверхности их находились каменные круглые и прямоугольные выкладки, а в головах покойника — крестец барана и посуда. Характерны также пряжки тюркского типа — овальная рамка с подвижным язычком[81].

В 1939 г. при строительстве Большого Ферганского канала, трасса которого пролегала через ряд археологических памятников, для наблюдения за земляными работами была организована экспедиция во главе с М. Е. Массоном. Благодаря помощи руководства стройки и разъяснительной работе, проведенной среди строителей, участникам экспедиции удалось собрать огромное количество археологического материала.

Земляными работами были вскрыты могильники, датируемые второй половиной I в. до н. э. и обозначенные термином «даваньские»[82].

В районе городища Кайноват были обнаружены два могильника. Могильник Кайноват I дал глубокие продолговатые ямы, в которых скелеты были ориентированы головой на северо-восток, в головах у них стояла посуда. В могильнике Кайноват II найден ряд сосудов, сходных по форме с сосудами первого могильника. Так как на могильниках следов

---

[80] А. Н. Бернштам. Памятники старины Алмаатинской области, Известия АН КазССР, серия археологическая, вып. 1, № 46, 1948, стр. 81.

[81] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 39—40.

[82] М. Е. Массон. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала, КСИИМК, IV, 1940, стр. 52—53.

наземных сооружений установлено не было[83], утверждать, что это курганы, нельзя.

На 26 участке строительства канала были вскрыты Коштепинские могильники, которые В. Д. Жуков предположительно относил к типу курганных. Захоронения производились в ямах головой на восток, север, юго-запад. Среди находок наиболее выразительна расписная и неорнаментированная керамика[84].

Кайноватские и Коштепинские могильники Ю. А. Заднепровский считает принадлежащими оседлоземледельческому населению[85].

В 1940 г. на строительстве Каттакурганского водохранилища также проводился археологический надзор за земляными работами. Руководитель экспедиции В. А. Шишкин обследовал две древние могилы, видимо курганы, раскопанные колхозниками. Погребение у кишл. Янгикурганча имело низкую камеру на глубине 2 *м*, скелет расположен был ногами на северо-восток. Между костями ног лежал перержавевший железный кинжал длиной 30—35 *см*. В северо-восточной части камеры, в небольшой нише, стоял полуразвалившийся кувшин, по которому В. А. Шишкин отнес это погребение или к первым векам нашей эры, или ко времени, «предшествующему началу нашей эры»[86]. Судя по описанию камеры, это, вероятно, была подбойная могила, так как для подбойных могил характерны небольшая глубина (около 2 *м*) и малая высота камеры.

В 1940 г. в Семиречье между реками Узунагач и Каргалинка А. Н. Бернштам раскопал курганы, в которых найдены серпы эпохи поздней бронзы[87]. На р. Каргалинка были раскопаны курганы, давшие два типа погребений.

Первый тип (Каргалы I) — курганы с насыпью из земли и камня, под которой находились грунтовые могилы, обложенные камнями и валунами. Находки в этих могилах — сосуды со сферическим дном, бронзовый нож и обломки железа.

---

[83] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала, Труды Института истории и археологии, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 10—11.

[84] В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала, Труды Института истории и археологии, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 62.

[85] Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана, Автореферат канд. диссертации, Л., 1954, стр. 14.

[86] В. А. Шишкин. Археологические наблюдения на строительстве Каттакурганского водохранилища, Известия УзФАН СССР, 1940, № 10, стр. 17.

[87] А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня, СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 349.

Костяки были ориентированы головой на северо-восток. А. Н. Бернштам считал этот тип погребений, сходным с погребениями Айритама и Чимтюе, раскопанными в 1898 г. Г. Гейкелем, но несколько старше, чем таласские. М. П. Грязнов Каргалы I датировал VII—V вв. до н. э., а А. Н. Бернштам — VIII—VII вв. до н. э.[88]

Второй тип погребений (Каргалы II) был аналогичен погребениям чильпекских курганов, раскопанных М. В. Воеводским и П. М. Грязновым в 1939 г.[89] Погребения этого типа А. Н. Бернштам датировал то I в. до н. э. — II в. н. э.[90], то III — I вв. до н. э.[91]

На правом берегу р. Или А. Н. Бернштам раскопал группу курганов — Карачоко I[92], один из которых имел грунтовое погребение с бронзовым, втульчатым, ромбического сечения наконечником стрел и был отнесен к V—IV вв. до н. э.[93] Раскопанный к югу от поселка Кегень курган был ограблен. В погребении обнаружена была лошадь[94].

Другие курганы, раскопанные на правом берегу р. Или (Карачоко II), идентичны курганам Каргалы II и чильпекским, принадлежали усуням[95] и датировались I в. до н. э.— II в. н. э.[96] К этому же времени принадлежит и золотая диадема из погребения шаманки[97], найденная в Каргалинском ущелье.

Летом 1941 г. началось строительство Большого Чуйского канала (БЧК), на котором работы по археологическому надзору велись специальной экспедицией под руководством А. Н. Бернштама. В этой экспедиции приняли участие не только научные организации Киргизской ССР, но и Институт истории материальной культуры АН СССР, и Ленинградский государственный университет.

---

[88] А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья..., стр. 349—350.

[89] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии..., стр. 40.

[90] А. Н. Бернштам. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье, КСИИМК, XIII, 1946, стр. 112.

[91] А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья..., стр. 349, примечание 7.

[92] Там же, стр. 350.

[93] А. Н. Бернштам. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье..., стр. 112.

[94] Там же.

[95] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии..., стр. 40.

[96] А. Н. Бернштам. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье..., стр. 112.

[97] Там же; см. также: А. Н. Бернштам. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. КСИИМК, V, 1940, стр. 23—31.

На трассе канала были вскрыты погребения главным образом тюркского времени, VI—VIII вв. Курганы же более раннего периода в зоне работ единичны. Так, около Джиека был раскопан курган сакского времени, в могиле которого около костяка лежали раздавленный сосуд, остатки угля и бронзовый наконечник копья[98].

В районе с. Новотроицкое было вскрыто три погребения кочевников-тюрок с конями. В одном из них найден железный меч и трехреберный наконечник стрелы[99].

У восточной окраины с. Новотроицкое раскопан курган, под насыпью которого обнаружен склеп из жженого кирпича. Погребенный находился, по-видимому, в сидячем положении, головой на юг. Инвентарь представлен фрагментом меча, нефритовыми кольцами. Погребение датируется XII в.[100],

На запад от пос. Ирису раскапывались датируемые VI—VIII вв. погребения с конями[101]. В 1941 г. в районе Кулинтепе, на трассе Большого Гиссарского канала, был раскопан курган эпохи бронзы, в погребальный инвентарь которого входил теслообразный кельт[102].

В 1942 г. северо-западнее Янгиюля, на водоразделе между Бозсу и Северным Ташкентским каналом, М. М. Герасимов раскопал два кургана. Один из них оказался кенотафом, в котором не оказалось ни вещей, ни скелетов. Под насыпью другого кургана обнаружен был ступенчатый дромос и катакомба, находившаяся за пределами площади, перекрытой насыпью. В катакомбе на правом боку с подогнутыми ногами лежал скелет, принадлежавший женщине в возрасте 25—27 лет. Инвентарь оказался незначительным — сделанные из железа кольцо в области таза, маленький нож и перстень на среднем пальце правой руки. Никаких датировок автор раскопок не предложил[103].

---

[98] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА СССР, № 14, М.—Л., 1950, стр. 90; Он же. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943, стр. 10.

[99] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции..., стр. 92.

[100] Там же, стр. 93.

[101] Там же, стр. 101.

[102] Г. В. Парфенов. Находки на Кулин-тепе и в его окрестностях, сделанные при строительстве Большого Гиссарского канала в 1941 г., Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 61—62.

[103] М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу, М., 1949, стр. 120.

С 1944 г. экспедициями во главе с А. Н. Бернштамом началось систематическое обследование археологических памятников Тянь-Шаня, Памира и Алая. Организованная Киргизским филиалом АН СССР и Институтом истории материальной культуры АН СССР археологическая экспедиция в августе и сентябре 1944 г. обследовала Тянь-Шань и Алай. По правому берегу р. Арпа были вскрыты курганы эпохи бронзы, по левому — курганы рубежа нашей эры. Материал курганов эпохи бронзы был определен А. Н. Бернштамом как вариант андроновской культуры[104].

В долинах рек Атбаши и Арпа, в урочище Бурмачап, вскрыты курганы, давшие захоронения в катакомбах. В одной из катакомб лежал скелет женщины в вытянутом положении на спине, головой на север. Найдены в ней сосуд баночной формы и продолговатый деревянный столик. Эти погребения А. Н. Бернштам датировал I в. до н. э. — II в. н. э. и включил их в круг памятников гуннской культуры[105].

Приведенный краткий очерк истории изучения курганов Средней Азии свидетельствует о том, что строго научный подход к исследованию этой группы памятников был осуществлен советскими учеными в конце 20-х гг. Курганные погребения используются как исторический источник, дающий ценные сведения по древней истории народов Средней Азии. Первое осмысление материалов, полученных при раскопках курганов, было осуществлено М. П. Грязновым и М. В. Воеводским. Большие работы по изучению курганов, проведенные А. Н. Бернштамом в конце 30-х гг., явились ценным вкладом не только в историю материальной культуры, но и в древнюю историю народов Средней Азии вообще.

---

[104] А. Н. Бернштам. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая, Известия КиргФАН СССР, вып. 2—3, 1945, стр. 61—62; Он же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА СССР, № 26, М.—Л., 1952, стр. 19—22.

[105] А. Н. Бернштам. Археологические контуры..., стр. 63—65; Он же. Историко-археологические очерки..., стр. 22—23; Он же. Из истории культурных связей Ферганы и Тянь-Шаня. Председателю Президиума Киргизского филиала Академии наук СССР академику К. И. Скрябину в день 40-летия его научно-педагогической и общественной деятельности, Фрунзе, 1945, стр. 94.

Б. В. ЛУНИН

О НУМИЗМАТИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ УЗБЕКСКОГО СОБИРАТЕЛЯ ДРЕВНОСТЕЙ АКРАМА АСКАРОВА
(по архивным данным)

В 1960 г. нами была напечатана статья, посвященная жизни и деятельности Акрама-Палвана Аскарова[1]. В этой статье мы стремились обобщить разрозненные биографические сведения об Аскарове, являвшемся крупным собирателем древностей и, собственно, первым узбекским археологом-любителем, чья плодотворная деятельность была отмечена в 1887 г. присуждением серебряной медали Русского археологического общества «за содействие, оказываемое им археологии».

Известно, что в результате переписки между Императорской археологической комиссией в Петербурге и канцелярией Туркестанского генерал-губернатора некоторая часть богатейшей археолого-нумизматической коллекции Акрама Аскарова была приобретена частично Комиссией, а главным образом (504 монеты) при ее посредстве Эрмитажем (общая опись коллекции Аскарова, составленная после его смерти, напечатана в упомянутой выше нашей статье)[2].

В процессе дальнейшей работы по изучению архивных фондов канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (КТГГ) нам довелось встретить специальное дело «О сохранении археологической и нумизматической коллекций, оставшихся после смерти Акрама Аскарова»[3].

Содержащиеся в указанном деле материалы проливают

---

[1] Б. В. Лунин. Узбекский археолог-любитель и собиратель древностей Акрам-Палван Аскаров. Известия АН УзССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1960, № 6, стр. 66—76.

В 1963 г. нам удалось разыскать фотографию Акрама Аскарова в фотоальбоме Туркестанской выставки 1890 г. (Отдел редких книг Государственной публичной библиотеки им. А. Навои УзССР в Ташкенте). Фотография опубликована в ст.: Б. В. Лунин. Самаркандский любитель старины и собиратель древностей Мирза Бухари, «Общественные науки в Узбекистане», 1963, № 6, стр. 33.

[2] Б. В. Лунин, Указ. ст., стр. 75.

[3] ЦГА УзССР, КТГГ, ф. 1, оп. 11, д. 722, на 61 лл. (Начато 16 октября 1891 г., кончено 19 сентября 1894 г.). Подлинник описи («Список монет коллекции Акрама Аскарова, отобранных для Императорского Эрмитажа»), составленный «и. д. хранителя Импер. Эрмитажа Алексеем Марковым 20 декабря 1892 года», см: Архив ИАК (ЛОИА), ф. 1, оп. 1, д. 45, л. 20—26 (Ленинград).

некоторый дополнительный свет на биографию Аскарова и, главное, позволяют более подробно охарактеризовать его коллекцию древностей, особенно в части нумизматической.

В упомянутой выше статье мы высказывали предположение, что «смерть Аскарова (скончавшегося от туберкулеза. — *Б. Л.*) последовала между августом и ноябрем 1891 г., скорее всего в сентябре-октябре»[4].

Вновь найденное дело содержит прямое указание на дату смерти Акрама Аскарова: 15 октября 1891 г.[5]

Из дела явствует также, что уже 16 октября тогдашний директор мужской гимназии Н. П. Остроумов обратился в канцелярию Туркестанского генерал-губернатора с просьбой доложить начальнику края «о смерти Аскарова и об угрожающей его археологической коллекции опасности быть разобранной по рукам людей, непризнающих научной ценности таких предметов, и принять распоряжения... о сохранении археологических предметов Аскарова впредь до дальнейших распоряжений»[6].

Последствием данного обращения к властям явилось опечатание коллекции Аскарова до «выяснения условий ее отчуждения»[7].

Из других имеющихся в деле документов заслуживает внимания письмо Остроумова 23 октября 1891 г. на имя

---

[4] Б. В. Лунин. Указ. ст., стр. 75.

[5] ЦГА УзССР, КТГГ, д. 1, оп. 1, д. 139, л. 1, 3. Необходимо, впрочем, отметить, что в деле фактически идет речь о 15 октября 1891 г. как о дне похорон («Николай Николаевич Касьянов в письме от 16 сего Октября, уведомил..., что его сосед Акрым Аскаров умер и вчера похоронен»).

В неопубликованном дневнике Н. П. Остроумова мы встретили запись следующего содержания: «(1891) 18 сентября, среда... Я вспомнил с каким благодарным видом встретил меня... Палван Акрым Аскаров, лежавший в чахотке, когда я навестил его, как он был трогательно возбужден тогда: он просиял и ободрился. Этот человек памятен мне потому, что у него была собрана довольно большая коллекция местных монет, которую он выставлял на выставке 1890 года и предлагал приобрести для Ташкентского музея. Я просидел у него более часа. При прощании больной очень благодарил меня за посещение, сопровождая свою благодарность благопожеланиями» (ЦГА УзССР, ф. И-1009, оп. 1, д. 67, л. 36).

[6] Там же, л. 2.

[7] Пользуясь случаем, заметим, что в описываемое дело вплетена также составленная 10 октября 1891 г. «опись вещам покойного Коллежского асессора Е. Ф. Каля, относящимся к археологии и находящимся в Туркестанской библиотеке». Из этой описи явствует, что среди «вещей» содержались следующие находки из Термеза: человеческие черепа и кости лошади, «медная ножка от сосуда, изображающая лошадиную ногу, медная застежка (фибула), трехугольный кусок меди, каменная серьга», и медные монеты («одна с изображением человека»), а также 8 каменных бус, «18 различных стеклянных черепков», железный нож, «железное острие пики», «коробочка с различными каменными, медными, железными

управляющего КТГГ К. А. Несторовского с указанием, что Н. С. Лыкошин, «в присутствии которого происходило опечатание коллекции (Аскарова. — *Б. Л.*), сообщил, что при монетах не оказалось ярлыков, определяющих монеты, и что опечатанные монеты описаны только общим числом, группами, по металлам: медные, серебряные и золотые»[8].

Из этого же письма Остроумова мы узнаем, что во время Ташкентской выставки 1890 г.[9] с нумизматической коллекцией Аскарова знакомилась совершавшая тогда поездку по Туркестану председательница Московского археологического общества П. С. Уварова[10], почему Остроумов полагал целесообразным сообщить об оставшейся после смерти Аскарова коллекции не только Императорской археологической комиссии, но и П. С. Уваровой.

и стеклянными кусочками», глиняные светильники, керамические изделия — целые и в фрагментах. Там же имелись «находки из Керки»: часть черепа, 34 медные монеты (из них одна «найдена в Керки, остальные куплены у местных жителей»). Затем следуют шесть медных монет, найденных в «Ханавате, Ташкентского уезда, между Куйлюком и Зангиата», пятнадцать медных монет, купленных в Ташкенте, «мешок медных монет, купленных в верховьях Чирчика в кишлаке Кумсан», «мешок медных монет», найденных в Самарканде, «серебряная чаша с медным дном», найденная в Тойтюбе, «ящик с различными костями» из Аулиеата, фотоснимок с «медного слона, найденного близ Ташкента», «греческий меч, найденный в Беговате, близ Бухар-арыка, недалеко от Ходжента и Сыр-Дарьи», 7 серебряных монет, купленных «на Искандер-арыке» и находки неизвестного происхождения («медная рукоятка с головой тигра» и 3 золотые монеты). Из предваряющего опись рапорта «чиновника на усиление» Главного Управления Бунина явствует, что находки из Термеза, Керки и Аулиеата предполагалось направить в Археологическое общество в соответствии с письмом Е. Ф. Каля П. С. Уваровой и желанием «Идарова, приславшим этот меч Калю». Остальные вещи, по мнению Бунина, «подлежали бы передаче в Туркестанский музей». Бунин добавлял, что по допущении его «по приезде брата Каля к рассмотрению бумаг, относящихся к археологии и находящихся в опечатанном имуществе», им «будет представлено... подробное описание, где и при каких обстоятельствах были найдены или приобретены вещи, означенные в описи» (ЦГА УзССР, КТГГ, ф. 1, оп. 11, д. 722, л. 3—4).

[8] ЦГА УзССР, КТГГ, ф. 1, оп. 11, д. 722, л. 6.

[9] Речь идет о Туркестанской выставке предметов сельского хозяйства и промышленности, на которой Акраму Аскарову принадлежал специальный павильон. В этом павильоне наряду с образцами различных товаров демонстрировались собранные им коллекции: археологические и нумизматические, причем путеводитель по выставке отмечал, что эти коллекции «хорошо известны всем интересующимся былой жизнью данных стран» (Н. А. Маев. Туркестанская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности в Ташкенте, 1890, Ташкент, 1890, стр. 103).

[10] П. С. Уварова. Поездка в Ташкент и Самарканд, «Русская мысль», т. XI, М., 1891, стр. 1—19; т. XII, 1891, стр. 1—25; см. также: П. С. Уварова, Областные музеи, Труды XII археологического съезда в Ярославле, т. II, М., 1891 (на стр. 323 о сосудах из Ахсы и других предметах древностей из коллекции Аскарова).

Далее следует переписка, не добавляющая каких-либо новых и существенных факторов к тем, которые уже были освещены в нашей статье об Аскарове[11]. Заметим только, что в деле наличествует перевод прошения 70-летней матери Аскарова Сеиды-бегум Ата-ходжа-Ишановой на имя генерал-губернатора, в котором указывается, что «Аскар-Ходжа перед смертью завещал, чтобы все его движимое и недвижимое имущество было разделено между его сонаследниками, а *о собранной им коллекции древностей было доведено до сведения начальства*»[12] (курсив наш. — *Б. Л.*).

Наибольшего внимания заслуживает содержащаяся в деле и остававшаяся доселе необнаруженной опись монет из коллекции Аскарова, приобретенных Императорским Эрмитажем (5 золотых, 321 серебряная и 178 медных монет), тем более, что она была составлена виднейшим специалистом-нумизматом А. К. Марковым. Канцелярией Туркестанского генерал-губернатора она была получена при письме Председателя Археологической комиссии А. А. Бобринского от 1 мая 1893 г. за № 571[13].

Опись дает нам дополнительные свидетельства о ценности нумизматической коллекции Акрама Аскарова и не лишена и научного значения. Известно, что входившие в состав нумизматических собраний Аскарова монеты были «беспаспортными». Следует, однако, учитывать, что все они приобретались Аскаровым в Туркестане и подавляющая часть их, несомненно, происходит из находок именно на территории края[14].

Воспроизведем эту опись с сохранением примененной в ней транскрипции имен собственных.

---

[11] В деле имеется подлинное донесение младшего чиновника особых поручений Д. И. Эварницкого от 20 июля 1892 г. с приложением описи «археологической коллекции Акрама Аскарова». Об этой описи см. данные в нашей статье. Коллекции Аскарова были переданы на хранение в Туркестанский музей. Из принадлежавших Аскарову рукописей заслуживают внимание «Собрание стихотворений Мирзы Бидыля», «Повествования из жизни святых Сийяри-Шарифа», «Тафсир Мишкату-Шариф» (см. д. 722, л. 25).

[12] ЦГА УзССР, КТГГ, ф. 1, оп. 11, д. 722, л. 32.

[13] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 11, д. 722, л. 41—46. В письме отмечалось, что монеты были .«отобраны Эрмитажем для своего нумизматического кабинета».

[14] В деле имеется также «копия с описи археологической коллекции умершего Акрыма Аскарова», подписанная делопроизводителем Археологической комиссии Ил. Сусловым. В этой описи (л. 48—49) заслуживает внимания указание на предметы древности, локализованные по месту нахождения: «кусок нефрита, найденный около Аксу, Ферганской области, Наманганского уезда» и «каменное яйцо, найденное в Афросиабе близ Самарканда».

„Список
монетам, приобретенным Императорским Эрмитажем из коллекции умершего сарта Акрыма Аскарова

№№ п/п		Металл монет	Количество экземпляров
1	2	3	4
	Цари Бактрии		
1—4	Гиркод	серебро	4
	Сасаниды		
5	Фируз	серебро	1
6	Ibid[15].	серебро	1
7	Ibid.	серебро	1
8	Ibid.	серебро	1
9	Ibid.	серебро	1
10	Ibid.	серебро	1
11	Ibid.	серебро	1
12	Ibid.	серебро	1
13	Ibid.	серебро	1
14	Ibid.	серебро	1
15	Варахран V	серебро	1
16	Гормузд IV, 6 года	серебро	1
17	Хосрой II, 28 года	серебро	1
	Бухар-Худы		
18—19	С именем Мухаммед	серебро	2
20	С именем Эль-Мехда	медь	1
	Индо-Сасанидские		
21—22	Неопределенные	медь	2
	Туранские монеты		
23—28	Неопределенные	медь	6
	Тагериды		
29—30	Самарканд, 205	медь	2

[15] Здесь и дальше сохраняется орфография подлинника.

1	2	3	4
	Саманиды		
31	Ахсикет, 356	медь	1
	Газневиды		
32	Газна, 415	золото	1
33—38	Год и место чекана стерты	медь	6
	Харезмшахи		
39—40	Бухара, 607 г.	золото	2
41	Место чекана стерто, 10-го мухаррема (6) 11 года	золото	1
42	Год и место чекана стерты ((سلطانى))	медь	1
43	Самарканд, 6(I)6 года (قادرى)	медь	1
44—49	سرس بن مسعود الخوارزمى	медь	6
	Сельджукиды Персии		
50—53	Место чекана и год стерты (Синджар, 6. Мелик-Шах при Калифе* Рашиде)	медь	4
	Илеки		
54	Узкенд, 393	серебро	1
55	Хоканд, 394	серебро	1
56	Узкенд, 394	серебро	1
57	Шаш, 394	серебро	1
58	Тараз, 399	серебро	1
59—60	Шаш, 399	серебро	2
61	Исфиджаб, 400	серебро	1
62	Тункет, 401	серебро	1
63	Илак, 403	серебро	1
64—68	Шаш, 403	медь	5
69	Кора-Орда, 403	серебро	1
70—71	Ахсикент (?) 404 или 407 или 409	серебро	2
72	Тараз, 404 (?)	серебро	1
73	. . . . . , 404	серебро	1
74—75	Ходженде, 406	серебро	2
76	Шаш, 407	серебро	1
77	Осрушна, 407	серебро	1
78—81	Кашгар, 407	серебро	4
82	Баркенд (?) 408	серебро	1
83	Узкенд, 408	серебро	1
84	Тараз, 408	серебро	1
85	Тункет, 408	серебро	1

1	2	3	4
86—87	Кашгар, 408		2
88—91	Кашгар, 409		4
92.	Яркенд, 409 (?)		1
93	Самарканд. 409		1
94—97	Ходженде, 409		4
98	Илак, 409		1
99	Шаш, 409		1
100—101	Яркенд, 409		2
102	Тараз, 410		1
103	Ахсикет, 410		1
104	Осрушна, 410		1
105	Илак, 410		1
106	Тункет, 410		1
107—111	Ходженде, 410		5
112—113	Бухара, 410		2
114	(Бухара), (410—411)		1
115—121	Шаш, 410		7
122—126	Кашгар, 410		5
127—128	Самарканд, 410		2
129—130	Тараз, 411		2
131—133	Узкенд (?), 411		3
134—135	Шаш, 411		2
136	Илак, 411		1
137—140	Исфиджаб, 411		4
141—142	Яркенд (?), 411 (?)		2
143—148	Бухара, 411		6
149—152	Кара Орда, 411		4
153	Тункет, 411		1
154	Ходженде, 411		1
155—158	Кашгар, 411		4
159—160	. . . . . , 412		2
161	Кара Орда, 412		1
162—165	Шаш, 412		4
166	Яркенд, 412		1
167	Самарканд (?), 413 (?)	медь	1
168	Ходженде (?), 413	серебро	1
169	Шаш, 416		1
170	. . . . . д, 417		1
171—172	Ахсикет, 418	медь	2
173	Ахсикет, 420	серебро	1
174	Место чекана и год стерты (421—426) Арслан Тегин	медь	1
175	Тункет, 424	серебро	1
176—177	Самарканд, 424 (?)	медь	2
178	Ходженде (?), 434	серебро	1
179	Место чекана стерто, 43*		1
180	Место чекана стерто, 4**		1
181	Место чекана стерто, 44**		1
182	(Кеш)? 441		1
183—184	Место чекана стерто (440—441 гг.)		2

1	2		3	4
185—187	Место чекана и год стерты	قلج طبغاج	медь	3
188—198	Тункет, 460		серебро	11
199—208	Место чекана и год стерты	ركنى اركن الدنيا قلج طبغاج خان	медь	10
209—213	Самарканд, год стерт	محمد بن سليمان	медь	5
214—215	Тункет, 451 или 452 год		серебро	2
216	Самарканд, 460			1
217	Ахсикет (?) 462 (?)			1
218	Ходженде, 466			1
219—227	Место чекана стерто, 467 (?)			9
228	Место чекана стерто 468 (?)		медь	1
229	Тункет, 46*		серебро	1
230	Место чекана стерто, 46*	شمس الملك نصر	серебро	1
231	Место чекана и год стерты	ارسلان خاقان	медь	1
232	Место чекана стерто 44*	Ибрагим	серебро	1
233	Ахсикет, 45*			1
234	Место чекана стерто, 458?			1
235	Место чекана стерто, 45*			1
236	Каш?, 45*			1
237	Ахсикет, год стерт			1
238	. . . . . год стерт			1
239—240	(Узке)нд?, год стерт			2
241	Место чекана стерто, 44*	ارسلان ايلك		1
242	Место чекана стерто и год также	ارسلان ايلك	медь	1
243	Место чекана и год стерты	طبغاج بغراخان	медь	1
244	Фергана, год стерт	طغرل قرا خاقان عماد الدولة	серебро	1
245—248	Место чекана и год стерты	نصر طغرل خان	медь	4
249—251	Место чекана и год стерты	عدل طغرل خان		3
252	Без обозначения места чекана, 568	نصرة طغرل خان		1
253—260	Ibid., 56*	نصرة طغرل خان		8
261—264	Кара Орду, 4* 8	ناصر		4
265—269	Место чекана и год стерты	تصر بن الحسين طخرل خاقان		5

1	2			3	4
270—278	Место чекана стерто, 564				9
279	Узкенд, 567?	Ибрагим Арслан Хакан			1
280	Ibid, 570				1
281—288	Ibid, 571				8
289—291	Ibid, 572				3
292—297	Ibid, 573				6
298—303	Место чекана и год стерты[16] محمد ارسلان خان احمد قدر خاقان			медь	6
304—300	Место чекана стерто, 44** قخر الدولة بهرام ملك الملك ارسلان قراخاقان				6
310—317	Ахсикет, 44*. الملك المظفر بغرا قرا خاقان» جلال الدولة طبعيتكين				8
318—321	Место чекана и год стерты سلطان الاعظم سنجر الخاقان العادل المعظم محمد بن على				8
322	Самарканд, год стерт طفغاج خان				1
Чингисиды					
323	Анонимная, Ходженде б. о. г.			золото	1
Джагатаиды					
324	Ходженд, 677		Анонимные	серебро	1
325—327	Беладе Отрар, 684				3
329	Ош, 687 (?)				1
330	Беладе Отрар, 687				1
331—332	Алмалык, 688				2
333	Отрар, год стерт				1
334	, год стерт				1
335	, год стерт				1
336—337	Ходженд, год стерт				2
338—339	Каш, год стерт				2
340	Орду Базар, 721	Кибяк			1
341—342	Бухара, 722				2
343—344	Бухара, 723	Термаширин			2
345—351	Бухара, 724				7
352—354	Бухара, 725				3
355—356	Самарканд, 725				2

[16] В описи написано خان, зачеркнуто ن и дописано قان — *Б. Л.*

1	2		3	4
357—360	Бухара, 727	Термаширин		4
361	Термез, 727			1
362	Отрар, 731			1
363—365	Отрар, 732			3
366	Самарканд, 733			1
367—369	Отрар, 733			3
370	Бухара, год стерт			1
371	Место чекана стерто, 740 г. (Али)уник[ум]			1
372	Место чекана стерто, 744 г. (Халиль Аллах)			1
373	Самарканд, 740 (Юсуф Тимур) уник[ум]			1
374	Алмалык (74) 6 г. месяц Шабан Мухаммед (уникум)			1
375	Себиджаб (7)47	Данишмент шах		1
376	Место и год стерты			1
377	То же.			1
378	Место чекана стерто, 753	Буян Кули	Серебро	1
379	Без обозначения мон. двора, 753			1
380	Без обозначения мон. двора, 754			1
381	Бухара, 755			1
382	Самарканд, 755			1
383	Самарканд, 756			1
384	Бухара, 759			1
385	Шахрисебз, год стерт			1
386—387	Самарканд, 794	Махмуд и Тамерлан		2
388	Йезд, 797			1
389	Саве, год стерт			1
390	Султания, год стерт			1
391	Место чекана и год стерты			1
392	Место чекана стерто, (7) 96? г.			1
393	Место чекана и год стерты	Сююргатмыш		1
394	Монета Тимура и Махмуда (Самарканд), с надчеканками: 1. سلطان محمود غازی عدل ۹۰۰ 2. سرمرد عدل ۹۱۷ 3. سرمرد			1
	Джучиды			
395	Хорезм, 678		серебро	1
	Тимуриды			
396	Самарканд, 874 (Ахмед)		серебро	1
397	Герат, (8) 7* с надчеканкою: سلطان ابو سعید (Ахмед) کورکان عدل به بود.		серебро	1

1	2	3	4
398	Бухара, год стерт (Али), с надчеканкою: سلطان ظهیر الدین محمد بهادر خان عدل ۹۰۳	серебро	1
399	Тимуридская монета, с надчеканкою سلطان محمد کور کان عدل» به‌بود	серебро	1
400	Тимуридская монета, чеканена в Самарканде, без имени Султана.	медь	1

Шейбаниды

401	Самарканд, 916?	Кучкунджи		1
402	Сирмерд Самарканд, 925			1
403	Сирмерд Бухара, 934			1
404	Сирмерд Мешхед, год стерт			1
405	Сирмерд Самарканд, год стерт	Абу Саид		1
406	Сирмерд Бухара, год стерт			1
407	Сирмерд . . . . . , год стерт			1
408	Сирмерд Бухара, 940	Обейдаллах		1
409	Ibid, 941			1
410	Сирмерд Ташкент, 446, Абдаллах I			1
411	Самарканд, 952	Абдуль-Латиф		1
412	Сирмерд Бухара, 952			1
413	Самарканд, год стерт			1
414—415	Место чекана и год стерты	Науруз		2
416	Ташкент, год стерт	Ахмед		1
417	Бухара, год стерт	Пир Мухаммед I		1
418	Место чекана стерто, 979 г.	Искандер-хан	серебро	1
419	Тоже, 981 с надчеканкою اسگندر عدل			1
420	Сирмерд Самарканд, 981			1
421	Балх, 982			1
422	Место чекана стерто, 985			1
423	Сирмерд Самарканд, 98*			1
424	Место чекана и год стерты, надчеканка: اسکندر عدل	Искандер-хан		1
425—427	Балх, год стерт			3
428—429	Бухара, год стерт			2
430	Ташкент, год стерт			1
431—432	Место чекана и год стерты, надчеканка:[17]			2
433	Сирмерд Ташкент, год стерт			1
434	Место чекана стерто, 1004 (Абдаллах II)			1

[17] Здесь в описи дальнейшее недописано. — *Б. Л.*

1	2	3	4
435	Сирмерд . . . . . , 1006 (Абдаллах II)		1
436—439	Место чекана и год стерты (Бегадар Хан)		4
440—442	Место чекана и год стерты (Хасан Мухаммед)		3
443	Сирмерд Орду, год стерт (имя хана стерто)		1
	Шейбанидская субдинастия в Бухаре		
444	Место чекана и год стерты (Сеид Бурхан)		1
	Шейбанидская субдинастия в Самарканде		
445	Самарканд, 976 (Султан Саид)	серебро	1
446	Ibid., год стерт (Султан Саид)	серебро	1
	Джаниханиды		
447—449	Место чекана стерто, 1009 (Джани Мухаммед)		3
450	Место чекана и год стерты (Баки Мухаммед)		1
451	Место чекана и год стерты (Вали Мухаммед)		1
452	Место чекана и год стерты (Имам Кули)		1
453	Место чекана и год стерты (Субхан Кули)		1
	Мангиты		
454—460	Место чекана и год стерты (Ходжа Юнус)	медь	7
461	Бухара, 1242 (анонимная)	медь	1
	Ханы Кашгарские		
462	Кашгар, 1291 Якуб Бек и	серебро	1
463	Кашгар, 1300 Абдуль-Азиз	серебро	1
	Ханы Коканские		
464—465	Хуканд, 1277	медь	2
466	Хуканд, 1281	медь	1
467	Хуканд, б. о. г. درهم خوقاند	медь	1
	Баракзайды		
468	Балх, 1295	медь	1
469	Кабул, 1294 } Шир-Али	серебро	1
470	Герат, 1295 }	серебро	1

1	2		3	4
471	Герат, 1303	Абдуррахман	серебро	1
472	Кабул, 1305			1
	Тюрко-Китайские монеты			
473—491	Неопределенные VIII века по Р. Х.		медь	19
	Китайские монеты			
492—495	Неопределенные		медь	4
496—500	Чеканенные в Кашгаре Китайским правительством при его завоевании в 1875 г.		серебро	5
501—504	Тоже, чеканенные в Яркенде		серебро	4

Как видим, приобретенная Эрмитажем часть нумизматической коллекции Акрама Аскарова содержала в себе значительное количество весьма ценных в научном отношении монет.

Мы имеем в ней монеты греко-бактрийские и сасанидские. В собрании представлены также монеты чекана бухархудатов, тахиридов, саманидов, газневидов и хорезмшахов и персидских сельджукидов.

Обширна группа монет времени илек-ханов, начиная с 393 г. по 568 гг. хиджры (1002—1173 гг. н. э.), чеканенных в Ахсыкете, Бухаре, Илеке, Кара Орде, Кашгаре, Самарканде, Таразе, Тункете, Шаше, Ходженте, Узгенде, Яркенде и других пунктах (всего 269 монет илек-ханов).

Значительна также группа чагатайских монет (с № 324 по № 394). Обращает на себя внимание, что к моменту приобретения коллекции Аскарова некоторые монеты этой группы считались (см. пометки в описи) уникальными.

243 экземплярами представлены серебряные монеты шейбанидов (Балх, Бухара, Мешхед, Самарканд, Ташкент и др.).

Представлены в коллекции и монеты позднейшего времени (XVIII—XIX вв.): мангытские, кашгарские, кокандские и другие, а также 19 экземпляров монет, отнесенных составителем описи к разряду «тюрко-китайских» (VIII в. н. э.?).

Золотые монеты из коллекции Аскарова представлены одной монетой газневидского чекана (Газна, 415 г. х. = 1024/1025 г. н. э.), 2 монетами чекана хорезмшахов (Бухара, 607 г. х. 1210/1211 г. н. э.), с неустановленным местом чекана (611 г. х. — 1214/1215 г. н. э.) и одной анонимной мо-

нетой чингизидов без обозначения года чекана (бита в Ходженте).

В коллекции имелись также оставшиеся без точного определения монеты «индо-сасанидские», «туранские», «бараказайдов» и китайские.

Таким образом, приобретенная Государственным Эрмитажем часть нумизматических собраний Акрама Аскарова представляла для своего времени большой интерес. Да и сейчас она не утратила научно-музейного значения и заслуживает дополнительной работы над ней нумизматов с тем, в частности, чтобы включить в среднеазиатский монетный corpus содержащиеся в ней монеты местного чекана.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
ГУОПМК — Главное управление охраны памятников материальной культуры.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
ИАК — Императорская археологическая комиссия.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана (сборник).
ИСГО — Известия Среднеазиатского географического общества.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСИИА — Краткие сообщения Института истории и археологии.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
ЛОИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции.
ПТКЛА — Протоколы музея Туркестанского кружка любителей археологии.
СА — Советская археология (журнал).
СВР — Собрание восточных рукописей.
СЭ — Советская этнография (журнал).
СОНАТ — Социалистическая наука и техника (журнал).
ТИИА — Труды Института истории и археологии АН УзССР.
ТОРГО — Туркестанское отделение русского географического общества.
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ЭВ — Эпиграфика Востока.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

СОДЕРЖАНИЕ

А. П. Окладников, М. Р. Касымов, П. Т. Конопля. Капчигайская палеолитическая мастерская . . . 5
М. Р. Касымов. Новые данные о мастерских каменного века в районе Каратау 12
Х. К. Насретдинов. Грот Обирахмат 21
А. Аскаров. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи 28
Г. В. Парфенов. Следы каменного века в северных окрестностях Ширабада 37
И. А. Анбоев. Каменный сошник 43
А. Р. Мухамеджанов. К изучению древнего русла Махандарьи 46
В. А. Нильсен. Тешиктепе близ Ангора 57
Д. П. Вархотова. Такъянтепе 67
С. К. Кабанов. Раскопки на Шортепе близ Карши в 1952—1953 гг. 70
Т. Р. Агзамходжаев. Бронзовые украшения из Тюябугуза. 90
М. Н. Федоров. Клад караханидских дирхемов начала XI в. из Ташкента. 96
Г. В. Шишкина. Клад медных монет с Афрасиаба. . . 111
Н. Б. Немцева. Исследования в «западном коридоре» архитектурного ансамбля Шахи-Зинда 123
Ю. З. Шваб. К истории сложения северной группы ансамбля Шахи-Зинда 139
Р. Г. Мукминова. К истории производства самаркандской бумаги в XVI в. 155
В. А. Шишкин. Фирман 1541 г. на портале большой соборной мечети Бухары 161
Ф. А. Бурнашева. К вопросу использования химико-технологических методов при изучении бытовой керамики (котлов) средневековья 168
Н. С. Гражданкина. К истории керамического производства в Средней Азии 173
О. И. Исламов. О геологическом исследовании археологических объектов 200
О. В. Обельченко. К изучению курганных погребений в Средней Азии 213
Б. В. Лунин. О нумизматической коллекции узбекского собирателя древностей Акрама Аскарова (по архивным данным) 233

Редакторы *Д. Машарипова и Р. Булатова*
Технический редактор *З. П. Горьковая*
Корректор *Р. И. Тимошева*

Р01029. Сдано в набор 6/XII-63 г. Подписано к печати 4/I-64 г. формат 60×90¹/₁₆=7,75 бум. л. Печ. л. 15,5 Уч. изд. л. 14,7 Изд. №961. Тираж 650 Цена 1 р. 5. к. Переплет 15 к.

Типография Издательства АН УзССР, Ташкент, Хорезмская, 9.
Заказ 1463.
Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.

Цена 1 р. 20 к.